

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 6

Киров
2017

Главный редактор

В. Н. Пугач, кандидат экономических наук, ректор ВятГУ

Заместители главного редактора:

В. Т. Юнблюд, доктор исторических наук, профессор ВятГУ;

С. Г. Литвинец, кандидат сельскохозяйственных наук, проректор по науке и инновациям ВятГУ;

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»,
как средство массовой информации, зарегистрирован в «Роскомнадзоре»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя/редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **К. А. Ашихмина**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Мальченков С. А., Макшаева Е. Н.</i> Цивилизационный выбор России в философской публицистике XVI в.	5
<i>Газизов Р. Р.</i> Взаимосвязь информационного и правового пространства России в XX в.	9
<i>Гусарова М. А.</i> Соотношение правовой идеологии и правовой психологии как фактор преодоления кризиса правосознания в современном российском обществе (философско-правовой аспект)	12
<i>Заякина Р. А.</i> Реальный сетевой дизайн: статический идентификационный дескриптор	17
<i>Лигостаева Н. Д.</i> Экранная культура как актуальная форма социального мифотворчества.....	22
<i>Корсунский А. Г.</i> Коллективная интенциональность	26

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Абакумова Е. А.</i> Деятельность и функции мещанской общины в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Курской губернии)	31
<i>Чернышева И. И.</i> Общее образование взрослых на Урале накануне Великой Отечественной войны: структурно-организационный аспект	35

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Патрикеева Н. С., Байкова О. В.</i> Конвенциональность медицинской терминологии.....	44
<i>Комовская Е. В.</i> Критерии и принципы отбора агрономической терминологии из базовых учебников курса для будущего пособия	50
<i>Руфова Е. С.</i> Лексико-семантические особенности японского гастрономического дискурса (на материале рецептов)	53
<i>Игнатов И. А.</i> Реконструкция образа человека как личности на основе его непроцессуальных и процессуальных характеристик и идиостиля	57
<i>Кротова Д. В.</i> Феномен творческой личности в понимании В. Шаламова	65
<i>Ерышева М. Е.</i> Христианские, куртуазные и мифологические мотивы в романе А. Мюссе «Исповедь сына века».....	72
<i>Диярова Л. А.</i> Когнитивная метафора как механизм формирования анималистической глагольной лексики в современном английском языке.....	78
<i>Федорова Д. В.</i> Лексическо-грамматические особенности йоркширского диалекта.....	82
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	86
INFORMATION ABOUT AUTHORS	88

CONTENTS

Mal'chenkov S. A., Makshaeva E. N. Russia's Civilizational choice in philosophical publication on the XVI century

Gazizov R. R. Features of formation of global information and legal space of Russia in the XX century

Gusarova M. A. Relationship of legal ideology and legal psychology as a factor of overcoming the crisis of justice in the modern russian society (philosophical and legal aspect)

Zayakina R. A. Real network design: static identification descriptor

Ligostaeva N. D. Screen culture as an actual form of social myth-making

Korsunskiy A. G. Collective intentionality

Abakumova E. A. Activities and functions of the philistine community at the end of XIX – the beginning of XX century (on the materials of the kursk province)

Chernysheva I. I. General education of adults in Ural before The Great Patriotic War: structural-organizational aspect

Patrikeeva N. S., Bajkova O. V. Conventionality of medical terminology

Kotovskaya E. V. Критерии и принципы отбора агрономической терминологии из базовых учебников курса для будущего пособия

Rufova E. S. Lexical and semantic features of the japanese gastronomic discourse (in case of recipes)

Ignatov I. A. Reconstruction of the human image as a person on the basis of its non-procedural and procedural characteristics and idiostyle

Krotova D. V. The phenomenon of the creative personality in V. Shalamov's interpretation

Erysheva M. E. Christian, Courteous and Mythological Motives of A. de Mussets Novel Confession of a Child of the Century

Diyarova L. A. Cognitive metaphor as a tool of formation animalistic verbs of modern english

Fedorova D. V. Lexico-grammatical Features of Yorkshire Dialect

УДК 1:3+930.1

С. А. Мальченков, Е. Н. Макшаева

Цивилизационный выбор России в философской публицистике XVI в.

В статье анализируются наиболее значимые социально-философские взгляды на цивилизационную природу Российского государства, возникшие в трудах выдающихся мыслителей XVI в. В этот переломный для Московии период оформляются контуры основных цивилизационных путей развития нашей страны. Идеи нестяжателей были призваны сформировать особый вектор российской государственности, в которой церковь оставалась бы независимой от светского правления. Однако восторжествовали взгляды иосифлян, которые повели нашу страну по пути подчинения церкви государству, что было характерно для развития Западной цивилизации этого периода. В целом, в эту эпоху преобладает идея преемственности Руси к Византии. При этом ряд авторов XVI в. находят сходство между развитием российской цивилизации и государств мусульманского Востока.

The article analyzes the most significant social and philosophical views on the civilizational nature of Russian, which arose in the writings of outstanding thinkers of the 16th century. In this crucial period for Muscovy, the contours of the main civilizational ways of development of our country are formed. The ideas of non-possessors were called upon to form a special vector of Russian statehood, in which the church would remain independent of secular rule. However, the views of the josphites triumphed, which led our country along the path of subordinating the church to the state, which was characteristic for the development of the Western civilization of this period. In general, in this era prevails the idea of the continuity of Russia to Byzantium. At the same time, a number of authors of the 16th century find similarities between the development of Russian civilization and the states of the Muslim East.

Ключевые слова: цивилизация, Запад, Восток, Византия, Османская империя, нестяжатели, иосифляне, Иван Грозный, Андрей Курбский.

Keywords: civilization, West, East, Byzantium, Ottoman Empire, non-possessors, josphites, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky.

После свержения монголо-татарского ига перед Россией были поставлены новые задачи. Выбор, с которым столкнулась наша страна в конце XV в. и на протяжении всего XVI в., был связан с поиском места для возрожденной державы в стремительно меняющейся мировой системе. Эту общую задачу несложно разбить на несколько отдельных выборов, которые предстояло решить в самые короткие сроки. Все они нашли широкое отражение в философской мысли того периода.

В первую очередь стоит сказать о том, что Московское государство на рубеже XV–XVI вв. столкнулось не только с военно-политическими проблемами. Страна оказалась и перед важным духовно-идеологическим вызовом, который проявился в ожесточенных спорах по поводу роли церкви в системе управления государством. Эта тема, в целом, характерная для философских трактатов Средних веков, в Европе к этому моменту уже теряла свою популярность. Там вопрос был решен в пользу сохранения как религиозной, так и светской власти при условии четкого разграничения их полномочий. Что касается нашей страны, то здесь на выбор того, как будут взаимодействовать власть и религия, существенным образом повлияла борьба двух непримиримых групп – нестяжателей и иосифлян.

Казалось, что к началу XVI в. у Московии была очевидная модель, которую можно было заимствовать у стран Западной Европы: церковь является крупным собственником и землевладельцем, активно вмешивается в политические процессы и может жестоко покарать своих противников. В это время русское государство считало «благочестивым» правление «шпаньского короля», который не останавливался перед тем, чтобы «казнить – жечи да вешати» еретиков [1].

Однако среди отечественного духовенства нашлись и те, кто отвергал этот путь и стремился сформировать собственную, отечественную модель взаимодействия власти и церкви. Так называемые «заволжские старцы» постепенно стали именовать себя нестяжателями, подчеркивая тем самым, что отказываются от любых земных благ. Это направление философской мысли претендовало на создание неподотчетной государству и пользующейся уважением среди народа духовной власти. Лидер нестяжателей Нил Сорский отрицал возможность властного вмешательства в духовный мир человека, протестовал против казней еретиков. Его соратник Вассиан Патрикеев осуждал образ жизни верхушки православной церкви, которая в погоне за роскошью готова служить любому правителю.

При этом нестяжатели совсем не возражали против сильной светской власти. Максим Грек называет великого князя «высшим царем», а Москву – «царствующим всея Руси преславным градом». В вопросе же соотношения светской и духовной властей этот автор придерживался принятой в Византии «симфонии», согласно которой они заключают «богоизбранное супружество», чтобы «вкупе вещи подручных устроить». Важным здесь представляется замечание о том, что «святительство царя мажет и венчает на царево, а не царство святителей» [2], то есть подчеркивается духовное превосходство церкви.

Наиболее радикальные взгляды, направленные против светской власти, высказывают в это время еретические движения, ярким представителем идей которых был Феодосий Косой. Этот автор выступал с анархических позиций и призывал не повиноваться князю, разрушать церкви и иконы. Он протестовал против любого угнетения людей. По словам Феодосия, «не подобает же в христианах влаstem быти и воевати» [3].

Разумеется, подобные высказывания не могли остаться без внимания иерархов православной церкви. В противовес нестяжателям появляется движение иосифлян, названное так по имени его основателя – Иосифа Волоцкого. Он одним из первых увидел в идеях «заволжских старцев» не только угрозу церкви и государству, но и постепенное духовное замыкание Московии в себе и отклонение от траектории, ведущей в мировую христианскую семью. Иосиф придерживался идеи божественного происхождения княжеской власти, подчеркивая, что правителей «Бог в Себе месс-то избра на земли и на Свой престол вознес посади» [4]. Монастыри же, по его мнению, ни в коем случае не должны расставаться с имуществом, а, напротив, по примеру Западной Европы, обязаны становиться центрами экономической и культурной жизни. На Соборе 1503 г. иосифляне одерживают победу над нестяжателями, после чего в нашей стране надолго утверждается модель, при которой духовенство поддерживает власть и не противоречит ее решениям.

Примерно в то же время на международной арене происходили процессы, которые могли всерьез пошатнуть незыблемость внешнеполитических ориентиров России, установленных еще в X в. Падение Константинополя в 1453 г. самым существенным образом изменило картину тогдашнего мира. Опора на сотрудничество с казавшейся вечной Византией исчезла, и наша страна вновь оказалась перед геополитическим выбором. Альтернативами в тот момент, очевидно, были попытки наладить отношения со странами Запада и стремление «подхватить упавшее знамя», провозгласив себя наследником Византийской империи.

Наиболее известным представителем идеи о том, что русское государство должно взять на себя историческую ответственность за судьбу православия и всего мира, был живший в первой половине XVI в. монах Елеазарова монастыря Филофей. В нескольких своих «Посланиях» он провозгласил концепцию «Москва – третий Рим». Суть идеи заключалась в том, что «два убо Рима падоша»: столица Римской империи пала под напором варваров-язычников, а вот гибель «второго Рима» (Константинополя) Филофей довольно безапелляционно объясняет тем, что византийцы «предаша православную греческую вѣру в латынство», то есть заключили унию с католиками и, следовательно, утратили чистоту веры. Знаменитая фраза монаха продолжается тем, что третий Рим, коим он именует Москву, «стоит», а «четвертому не быти». Эта концепция, несомненно, провозглашает мессианское призвание Руси, которая выстояла под напором монгольских орд для того, чтобы спасти весь цивилизованный мир: «вся христианская царства потопишася от невьѣрных, токмо единого государя нашего царство едино благодатию Христовою стоит» [5]. Филофей, будучи религиозным мыслителем, рассматривает три Рима не столько как реальные субъекты международных отношений, сколько как три составляющих единого во времени и пространстве «Ромейского царства» – идеального государства, поддерживаемого самим Богом. «Особый путь» Московии для Филофея в том, чтобы быть «Святой Русью» – мировым средоточием веры, морали, духовной культуры.

Идея преемственности Московского княжества от Древнего Рима активно развивается в произведениях XVI в. Воскресенская летопись утверждает, что правящая династия Руси «изыде отъ Августа, царя Римскаго» [6]. Якобы у императора Октавиана был брат Прус, который правил

Восточной Европой. Первый русский князь Рюрик провозглашался потомком Пруса в сороковом колене. В связи с гибелью Византии происходит явный перенос интереса отечественных мыслителей к истокам Римской империи. Неслучайно именно в это время начинает широко распространяться встречавшаяся еще в киевских летописях легенда о том, что христианство на Русь принес апостол Андрей Первозванный. В этом случае получалось, что наша страна стала православною даже раньше, чем сама Византия.

Интересно, что примерно в тот же период высказывались и мысли о том, что Московия может чему-то поучиться у Османской империи, представлявшей традиционно враждебный Восток. Для литературы XVI в. характерно сопоставление этих двух государств, разделенных верой, но, во многом, сходных в политическом плане. Заслуживает внимания мысль, которая содержится в произведении римского посла А. Поссевино, утверждавшего, что «турецкий султан... и князь московский – единственные правители в мире, которые держат своих людей в прямом повиновении и поэтому самые могущественные» [7]. Естественно, мимо этой темы не могли пройти и отечественные авторы. Известный мыслитель начала XVI в. Зиновий Отенский, рассуждая о причинах гибели Византии, видит беду греков в том, что они «дел христианских не снабдеша», «праведного суда не судиша» и «милости подручным не сотвориша». На их фоне турки («худой и малый язык»), как ни парадоксально, оказались более угодны Богу, поскольку «правду и суд творяху» [8].

Подробно эта мысль развита в трудах более позднего автора – Ивана Пересветова, который написал «Сказание о Магмет-салтане и о царе Константине». По мнению этого мыслителя, падение «верной», но не праведной Византии было предопределено Всевышним и являлось своеобразным предостережением жителям Царьграда. Пересветов от лица «неверного», но справедливого султана Мехмеда II дает несколько «уроков», которые стоит усвоить правителям любого государства. Первый из них заключается в том, что необходимо ограничить влияние на принятие решений богатых и «лукавых» вельмож. Второй урок состоит в том, что «не мощно царю царства без грозы держати», подразумевая необходимость жестоких действий по предотвращению беззакония. И, наконец, султан, как ни странно, учит христиан соблюдению человеческого достоинства: «в котором царстве люди порабощенны, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы» [9].

Нет сомнений в том, что Пересветов никоим образом не намекает на необходимость перенять образ жизни враждебных османов. Напротив, он последовательно выступает против соседей-иноверцев, призывая, в частности, к походу против «безбожных казанских сарацин». Автор, описывая турецкие порядки, решает другую задачу: провести параллели с событиями в Московском государстве. Он признает необходимость при правителе аристократического совета («верной Думы»), однако всячески возражает против характерного для этого периода (особенно для времени регентства над Иваном IV) стремления бояр подмять под себя власть. По мысли Пересветова, турецкий образец на русской почве может дать даже лучший результат, чем в самой Османской империи: «есть ли к той истинной вере христианской да правда турсская, ино бы с ними ангелы беседовали» [10].

Вопрос о соотношении единоличного царского правления и сословного представительства во власти становится центральной темой общественно-политических дискуссий во второй половине XVI в. Ярким сторонником неограниченного самодержавия был Иван IV Грозный. Увенчав себя титулом царя (то есть «цезаря»), он постарался раз и навсегда создать себе образ прямого наследника «Августа Кесаря, обладающего вселенною». Поскольку почти все европейские державы так или иначе восходят к Римской империи, Иван не только не стесняется провозглашать себя равным западным правителям, но и претендует на приоритет над ними. В эти годы Россия впервые за долгое время осуществляет активные действия как на Востоке, так и на Западе, хотя в первом случае успехи (присоединение Астрахани, Казани, Сибири) были явно значительнее, чем во втором (поражение в Ливонской войне).

Единственно возможным способом управления Иван Грозный видит единоличную власть царя. Обращаясь к истории, он заключает, что наследники Октавиана Августа сохраняли могущество лишь до времен императора Константина. После того как сыновья последнего «разделили власть», держава «стала дробиться и оскудевать». Говоря о современной ему Польше, Иван утверждает, что тамошний государь, ограниченный сеймом, «хуже последнего раба, ото всех получает приказанья, сам же ничем не повелевает» [11].

Тем не менее в XVI в. начинают появляться идеи о том, что власть монарха может быть ограничена. Одним из первых русских западников был боярин Фёдор Карпов, который, опираясь на труды Аристотеля и Цицерона, отмечает, что среди форм правления есть не только «царство» (монархия), но и «дело народное» (республика). Карпов вслед за авторами древности полагает,

что именно правление «выборной магистратуры» создает наилучшие условия для достижения общественного согласия.

Наиболее же последовательным критиком абсолютистских идей Ивана Грозного был князь Андрей Курбский. Бежав в Литву, он становится сторонником развития России по западному пути, подразумевавшему ограничение монархии. В своих многочисленных письмах Курбский критикует политику опричнины и выступает за создание в России постоянно действующего коллегиального органа. Он должен быть организован по образу существовавшей на заре правления Ивана Грозного Избранной рады, члены которой «все избранное и нарочитое советами своими производили, сиречь суд праведный» [12]. Также Андрей Курбский одним из первых на Руси выступает за то, чтобы власть, так же как и народ, подчинялась принятым законам. Подобное «западное» понимание государственного устройства всё еще остается в XVI в. исключением из правил. Активное обсуждение того, что именно России нужно заимствовать у ведущих мировых держав, начнется лишь в следующих столетиях.

Таким образом, можно заметить, что в XVI столетии мыслители высказывали весьма разнообразные точки зрения относительно цивилизационного выбора нашей страны. По-прежнему доминирующее положение в социально-философском пространстве занимала идея о положении России в центре восточно-христианского, византийского мира. В то же время это направление причудливым образом дополнялось почти не встречавшимися ранее указаниями на сходство Московии с государствами Востока – в частности, с разгромившей Византию Османской империей. Кроме того, в XVI в. в России возникают воззрения, отождествлявшие ее цивилизационную траекторию с Западной Европой и подразумевавшие необходимость построения нового государства, в котором власть монарха будет ограничена. Однако эти идеи подвергаются жесткой критике властей.

В целом, можно констатировать, что в рассматриваемый период Российское государство упустило возможность сделать однозначный цивилизационный выбор. Неспособность сосредоточить усилия на построении одного четко осознаваемого цивилизационного типа, на наш взгляд, в значительной степени способствовала геополитической и социокультурной катастрофе, разразившейся в период Смутного времени.

Примечания

1. Скрынников Р. Г. Иван III. М., 2006. С. 123.
2. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 54.
3. Косой Феодосий // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. Т. 19. С. 118.
4. Послания Иосифа Волоцкого. М., 1959. С. 89.
5. Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974. С. 79.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 7. М., 2001. С. 107.
7. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 62.
8. Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. С. 143.
9. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 73.
10. Там же. С. 82.
11. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 131.
12. Там же. С. 185.

Notes

1. Skrynnikov R. G. Ivan III [Ivan III]. M. 2006. P. 123.
2. Perevody i poslaniya Maksima Greka – Translations and Epistles of Maximus the Greek. L. 1984. P. 54.
3. Kosoj Feodosij – Feodosy Kosoy // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* – Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. St. Petersburg. 1890-1907. Vol. 19. P. 118.
4. Poslaniya Iosifa Volockogo – Messages of Joseph Volotsky. M. 1959. P. 89.
5. Gol'dberg A. L. Tri «poslaniya Filofeya» [Three "letters of Philotheus"] // TODRL. Vol. XXIX. Leningrad. 1974. P. 79.
6. Polnoe sobranie russkikh letopisej – Complete collection of Russian annals. Volume 7. M. 2001. P. 107.
7. Possevin A. Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v. [Historical works on Russia XVI century]. M. 1983. P. 62.
8. Zinovij Otenskij. Istiny pokazanie k voprosivshim o novom uchenii [The truth is the testimony to those who inquired about the new teaching]. Kazan. 1863. P. 143.
9. Zimin A. A. I. S. Peresvetov i ego sovremenniki [I. S. Peresvetov and his contemporaries]. M. 1958. P. 73.
10. Ibid. P. 82.
11. Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim – Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky. L. 1979. P. 131.
12. Ibid. P. 185.

Взаимосвязь информационного и правового пространства России в XX в.

В статье исследована взаимосвязь глобального информационного и правового пространства России в XX в. Это пространство тесно связано с развитием информационно-политических технологий. Многие страны страдают от неэквивалентного обмена информацией, что приводит к увеличению «трещины» культурных, правовых и информационных миров. В статье использован тот подход, согласно которому современный мир может быть «построен» в сознании, в «Я», которое оказывается сегодня надтреснутым субъектом. Эта «надтреснутость» оказывается обусловленной процессом вытеснения естественного мира искусственным, что значительно сужает действие правовых законов и само существование правового пространства и времени, в результате чего мы сталкиваемся с моральным, духовным старением предметов, в том числе с усилением социальной, правовой апатии субъекта.

This paper investigates the relationship between global information and legal space of Russia in the XX century. This space is connected with the development of information and political technologies. Many countries suffer from unequal exchange of information that leads to an increase in "cracks" of cultural, legal and media worlds. The article used the approach according to which the modern world can be "constructed" in the consciousness "I" that is today cracked actor. This "nadleznost" is caused by the process of substitution of the natural world, man-made, that significantly reduces the effects of legal laws and the existence of legal space and time, with the result that we are faced with moral, spiritual aging items, including by strengthening the social, legal apathy of the subject.

Ключевые слова: глобальное информационное пространство, правовое пространство, трещина между культурными и информационными мирами, информация, проблема модернизации, моральное, духовное старение предметов, социальная и правовая апатия.

Keywords: global information space, legal space, the rift between the cultural and information worlds information, the problem of modernization, moral, spiritual aging items, social and legal apathy.

Становление глобального информационного пространства сопряжено с развитием международного права, предназначение которого связано с поддержанием нравственного миропорядка, безопасного и гармоничного сосуществования государств с различным социальным и политическим строем, с упорядочением международных экономических, политических, правовых и социальных отношений, в которых постепенно выкристаллизовывается самосознание личностей, этносов, народов и государств.

Информационное и правовое пространство, их становление связаны с развитием информационно-политических технологий в условиях взаимодействия закрытого и открытого обществ, становлением сообществ людей. При этом информационное пространство уходит своими истоками в общественно-политическую драму стран, которые вступают сегодня в весьма активные межкультурные, духовные контакты в «условиях неэквивалентного обмена информацией» [1].

Правовое время есть, в принципе, форма социального времени. Ведь право есть основа духовности, сущностью которой выступают социальная память, историческая и нравственная память о человеке. Социальные времена отличаются уникальностью западного и восточного типов цивилизации. Становление информационного и правового времени, в этом плане, отличается своей направленностью к будущему, выходит за пределы циклического времени.

Драматическая насыщенность «восточного» времени, которое отличается насыщенностью пространственно-временных форм, геополитическими сдвигами, характеризуется возникновением новых религий и массовых духовных и политических движений. Но вся эта драматургия разворачивается в пределах господствующего «перераспределительного» принципа. А общественный прогресс зиждется на комплексном охвате форм времени и взаимосвязи пространства и времени, их влиянии друг на друга. Данная взаимосвязь выражена в понятии хронотопа, и сама проблема хронотопа всегда выступала крайне остро. Само информационное и правовое пространства отличаются в настоящее время замедлением ритма протекающих в нем процессов, что накладывает свою печать на социокультурное пространство России и выражается в его [пространстве] сжатии, сужении.

Заметим, что глобальное информационное пространство практически не растет или растет крайне медленно. При этом сама энергия социального возвышения (одних) примерно равна «энергии» социального падения других, и стимулы становления информационного пространства не достигают точки абсолютного развития; маятник истории поворачивается часто в противоположном направлении. Время начинает двигаться от настоящего к прошлому, а пространство как бы «застывает» на одном месте. В результате мы отдаляемся от «пространственно-временного континуума» и получаем время само по себе и пространство само по себе.

В условиях господства «перераспределительного принципа» государство вполне может расширить правовое время своей жизни. Это может произойти только путем расширения правового пространства, которое оказывается ориентированным на глобально используемые и без конца перераспределяющиеся ресурсы.

Многие страны сегодня отличаются разрывом между темпами общего информационного накопления, а также возможностями технологического использования, применения накопленной информации. Информация накапливается, зачастую не находя целенаправленного применения; в результате она становится «ферментом», который постепенно подтачивает общественные институты, нравы, нормы, идеалы, культурные и духовные традиции людей.

Разрыв между темпами научно-технического прогресса и возможностями его применения вполне может анализироваться в пределах проблемы единства сознания как проблемы связи чувственного созерцания человека и его рассудочной деятельности. Любую информацию, которая связана с переживанием человека, невозможно «схватить» вне проблемы данности, заданности объективного мира в созерцании. Современный субъект оказывается как бы информационно разделенным между двумя формами «схватывания» реальности – пространством и временем. Это – одна сторона вопроса. Другая состоит в том, что информационное пространство сопряжено с мыслящим субъектом и тем синтезом категориальных форм, который этот субъект осуществляет. Между мышлением и бытием, таким образом, образуется «трещина». Уже кантовское «Я», замечает Ж. Делёз, – есть некое треснувшее «Я» [2].

Правовое пространство имеет отношение к синтезу географических и экономических ресурсов, духовных, политических и культурных потенциалов. Хотя государственная территория и выступает областью действия единых экономических правил – пространственных пределов рынка потребления и воспроизводства товаров, тем не менее сохранение культурного и духовного единства рынка, зачастую, превращается в весьма «дефицитный ресурс» [3]. Заметим, что сами интересы сохранения рынка способствуют центростремительным тенденциям в государстве; заметим, что, при этом, существует различие между традиционным «воспроизводством» общества и его производством, то есть запланированным ростом [4].

Рынок есть не только экономический феномен. Это – и правовое, культурное, духовное явление. Информационное пространство России связано с прогрессом в сфере права и правового времени, которое понимается не в качестве спонтанно действующей эволюции, а, часто, как некая социальная модернизация.

Нам думается, что Запад есть некий уникальный тип цивилизации; этот тип позволяет человеку вырваться из «плена» циклического времени, осознать значение не только преемственности, но и неповторимости культуры. Социальные институты западной цивилизации являются своего рода «линзой», которая фокусирует добываемую в обществе информацию. Эта информация становится подлинным источником новых технологий (промышленных, духовных и социальных).

Информация, которая постоянно возрастает в современном сложном мире, постепенно способствует вытеснению естественно складывающихся тенденций тенденциями, искусственным образом спровоцированными. Информационное пространство постепенно вытесняет автономным образом формирующиеся типы социального поведения людей. Информационное пространство и время, тем не менее, не связаны с подменой местной территориальной культуры и культурной автономией, которая оказывается «программированным управлением из разного рода центров» [5]. В результате сама история «и география, принадлежность к традиции и к территории становится способом мышления и мироощущения тех, кто сопротивляется трансформациям... Регионализм и автономизм выступают как лозунги антитехнократического сопротивления» [6].

Современное правовое пространство России не исчерпывается ни своим физическим, ни географическим пониманием. Оно сопряжено с правовым и временным ресурсом. Духовный строй современной эпохи заключается в том, что, с одной стороны, Россия нуждается в последовательной модернизации всех форм деятельности и жизни, а с другой – массовое сознание России оказалось в настоящее время скомпрометированным некоторыми механизмами социальной модернизации, в частности либеральным мифом «самоорганизующейся» экономики. Но эта самоорганизация, сворачивающая время и пространство социальных систем, сопряжена, в то же вре-

мя, с модернизационными устремлениями всего общества в целом. «Решающая проблема модернизации касается того, в какой мере могут сокращаться доля заработной платы в национальном доходе и покупательная способность масс, не провоцируя в то же время волну политического возмущения, способную поставить под угрозу планы руководителей» [7].

Модернизационная политика связана либо с тем, как само общество накачивается привносимой извне информацией, либо сначала как бы приращивается информация, ориентированная на изменение технических средств.

Информационное пространство и правовое пространство связаны с моральным старением не только средств производства, но и предметов потребления. Сегодня быстрым образом изменяется сама структура потребностей и интересов людей. Сами законы действия межкультурного обмена приводят к тому, что обновление структуры потребления опережает обновление существующих технологий. А это постепенно приводит к отрыву социокультурной сферы от социально-экономической, что особенно наблюдается в менее развитых странах, где зачастую духовная сфера опережает развитие технологических инноваций.

Глобализационные процессы, которые разворачиваются в современном обществе, отличаются корреляцией между коммуникационной активностью социальной группы в межкультурном пространственно-временном континууме, динамикой ее притязаний и дестабилизирующим воздействием социальной группы на внутреннее, духовное и экономическое, социальное равновесие.

Запад создал эффективную систему «двойственного» образа жизни, где достаточно жесткая аскеза труда, трудовых отношений сочетается с гедонистическим духом раскованного досуга, где время и пространство отдалены друг от друга. Сам человек играющий (в эпоху глобализационных перемен) устремляется к экс-групповым контактам, к миру духовного, часто интеллектуального, производства и воспроизводства. Пока еще неясно, как долго Западу удастся балансировать между этими крайностями, между духом, закованным в групповые рамки профессиональной этики, и духом свободы, устремленным к миру никогда не бывшему, но преодолевающему риски откликаться на эмпирические соблазны большого мира.

Современный мир – это определенная среда, аккумулирующая чужую, часто чуждую информацию. Эта информация, касающаяся высоких притязаний жизни, явно запаздывает во времени и отрывается от процесса накопления информации, пригодной для воспроизводства новых социальных и производственных технологий. Поэтому можно сделать вывод о том, что информационное и правовое пространство есть, по сути дела, некая среда, размывающая производительный труд и направленная, в конечном счете, на процессы формирования перераспределительных отношений, так характерных для эпохи глобализации. Но перераспределительные отношения еще не сказываются на увеличении производительности труда.

Пространство и время в современную нам эпоху не могут определить наше существование как существа спонтанного, событийного. Само «событие» есть «самоускользание бытия» [8]. Мир права, зачастую, превращается в грезу, которая снижает трудовую активность, поскольку человек может только представить «Я» в самом себе. Между субъектом и объектом возникает лишь чистая и пустая форма времени, которую весьма трудно назвать правовой. Наше индивидуальное сознание при этом выступает лишь репрезентацией духовного субъекта, который трудно определить как субъект в строгом смысле этого слова, т. е. субъект чисто регулятивный, гносеологический. Правовая и социальная апатия субъекта возникает в тот момент, когда функциональное поле субъекта исключает его аксиологическую и коммуникативную функции.

Примечания

1. Панарин А. С. Философия политики. М.: Новая шк., 1996. 371 с.
2. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
3. Голубчик М. М. и др. Введение в экономическую и социальную географию. Саранск, 1993. С. 165.
4. Панарин А. С. Указ. соч. С. 42.
5. Там же. С. 373
6. Tourain A. La société post-Industrielle. P., 1969. P. 78–79.
7. Lecaillon J. La société de conflits. P., 1979. P. 16.
8. Комаров С. В. Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетея, 2007. 736 с.

Notes

1. Panarin A. S. *Filosofiya politiki* [The philosophy of politics]. M. New school. 1996. 371 p.
2. Delyoz ZH. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition] Spb. "Petropolis". 1998. 384 p.
3. Golubchik M. M. and others. *Vvedenie v ehkonomicheskuyu i social'nyuyu geografuyu* [Introduction to the economic and social geography]. Saransk. 1993. P. 165.

4. Panarin A. S. Op. cit. P. 42.
5. Ibid. P. 373
6. Tourain A. La société post-Industrielle. P., 1969. P. 78–79.
7. Lecaillon J. La société de conflits. P., 1979. P. 16.
8. Komarov S. V. *Metafizika i fenomenologiya sub"ektivnosti: istoricheskie prolegomeny k fundamental'noj ontologii soznaniya* [Metaphysics and the phenomenology of subjectivity: historical prolegomena to a fundamental ontology of consciousness.] Spb. Aleteia. 2007. 736 p.

УДК 101

М. А. Гусарова

Соотношение правовой идеологии и правовой психологии как фактор преодоления кризиса правосознания в современном российском обществе (философско-правовой аспект)

В данной статье рассматривается проблема кризиса российского правосознания как следствие социокультурного кризиса, возникшего около полутора веков назад и обострившегося в конце XX – начале XXI вв. Актуальность темы объясняется взятým российским государством курсом на построение правового государства, достижение которого невозможно без сформированного на высоком уровне правосознания граждан. Сущность кризиса российского правосознания видится в диссонансе его таких основных структурных элементов, как правовая идеология и правовая психология, приводящего к рассогласованию в развитии индивидуального, коллективного и общественного правосознания. Принимая во внимание факт уникальности российского правосознания, автор связывает преодоление его кризисного состояния с усилением морально-нравственного компонента в ценностно-правовой системе, обеспечением ее формально-юридической защитой со стороны государственных институтов, достижением компромисса общесоциальных, групповых и индивидуальных интересов, сбалансированностью естественно-правовых и национальных ценностей в российской правовой идеологии, а также с дальнейшей разработкой правопонимания, соответствующего новым социокультурным условиям.

His article examines the problem of the crisis of Russian sense of justice as a consequence of the socio-cultural crisis that arose about one and a half centuries ago and escalated in the late XX – early XXI centuries. The relevance of the topic is explained by the course taken by the Russian state to build a rule-of-law state, the achievement of which is impossible without a high-level legal consciousness of citizens. The essence of the crisis of the Russian sense of justice is seen in the dissonance of its basic structural elements such as legal ideology and legal psychology, leading to a mismatch in the development of individual, collective and public sense of justice. Taking into account the fact of the uniqueness of the Russian sense of justice, the author connects with overcoming his crisis state by strengthening the moral and moral component in the value-legal system, by providing it with formal and legal protection from state institutions, by reaching a compromise of common social, group and individual interests, by the balance of natural law And national values in the Russian legal ideology, as well as with the further development of the legal understanding relevant to the new Sociocultural conditions.

Ключевые слова: правосознание, правопонимание, кризис правосознания, социокультурный кризис, правовая идеология, правовая психология, правовое государство.

Keywords: sense of justice, legal understanding, crisis of sense of justice, socio-cultural crisis, legal ideology, legal psychology, rule of law.

Проблема кризиса российского правосознания не является новой. О ней как об одной из сторон кризиса духовной культуры заявляли дореволюционные философы – Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин и др. Поиском путей ее преодоления в политико-правовом направлении занимались представители евразийского течения – Н. Н. Алексеев и Н. С. Трубецкой и др. В настоящее время исследование названной проблемы вновь стало актуальным в связи с тем, что от уровня сформированности правосознания во многом зависит успешность намеченного государством курса на построение правового государства. Среди современных авторов, внесших свой вклад в рассмотрение проблемы правосознания с позиции юридической науки, следует назвать Ю. К. Погребную, К. В. Науменкову, В. А. Томсинова и др.

Вместе с тем кризис правосознания, ставший, по нашему мнению, неизбежным следствием глубокого социокультурного кризиса, возникшего около полутора веков назад и вновь приняв-

шего острые формы на рубеже XX–XXI вв., заключающийся в диссонансе структурных элементов правосознания и в отсутствии внутренней согласованности в развитии основных его видов (форм), требует поиска путей его преодоления. Помимо реформирования правовой системы особую значимость приобретают инновации в метаюридической сфере. Кроме того, в современных условиях смены парадигмы научного мышления перехода от неклассической науки к постнеклассической в феномене правового сознания открываются новые «границы» и новые корреляционные связи с другими правовыми феноменами, что обуславливает актуальность исследования правосознания как целостного социокультурного феномена в философско-правовом аспекте.

Специально оговорим, что в данной статье мы основывались на наиболее распространенном в современной науке подходе, предполагающем выделение в структуре правосознания двух элементов – правовой идеологии и правовой психологии, – разработанном в советский период такими учеными, как И. Е. Фарбер [1], Г. С. Остроумов [2], Е. А. Лукашева [3], А. И. Долгова [4], К. Т. Бельский [5] и другими и получившем название «гносеологического» или «двухчленного».

Первый из основных элементов правосознания – правовая идеология, выступающая в качестве познавательного или когнитивного элемента, – представляет собой систему связанных внутренним единством идей, теорий, взглядов и представлений о сущности права, его социальном предназначении, правовых способах решения социальных проблем, выраженных в форме юридических понятий и категорий. Несмотря на то что в формировании правовой идеологии совместно принимают участие такие специалисты, как правоведы, экономисты, социологи, демографы и др., разрабатывающие на основе данных социологических опросов, анализа исторического опыта и оценки современного состояния социально-правовой реальности «высокие» политико-правовые идеи, теории, доктрины, их принадлежность к субъектам правовой идеологии обусловлена не столько сферой профессиональных интересов, сколько самим фактом существования в качестве социальных субъектов. Имеется в виду обстоятельство, согласно которому без правовой идеологии как компонента правосознания невозможно обойтись никому. Различие между социальными субъектами может состоять лишь в уровне абстракции и объеме знаний о праве, а также степени осознания его истинной значимости в жизни человеческого сообщества.

Поскольку правовая идеология находит отражение и воплощение в конкретных политико-правовых источниках (например, конституциях, посланиях президента, в содержании правовых реформ, программах и установках политических партий), научнообразных комментариях к сборникам норм права, а также в научных исследованиях, она становится доступной для «обнаружения» даже носителями обыденного правосознания. Именно в их сознании происходит осмысление тех основных направлений в развитии общества и государства, которые защищены юридическими средствами, а значит в данный исторический период признаны ценными для всего общества.

Вместе с тем правовая идеология формирует направленность оценочных суждений по поводу реального состояния правовой системы и правовых явлений, способствуя моделированию представлений о должном. Здесь же следует назвать и создание проектов будущего устройства правовой сферы общества. Благодаря правовой идеологии формально-юридические требования переводятся из умозрительной области в мотивационную, психологическую, эмоционально-волевою сферу и реальные правоотношения.

Следует заметить, что помимо положительного влияния на развитие общества и его институтов, правовая идеология может тормозить социальное развитие и приводить к дисфункциям различных социальных институтов. Это происходит не только в случаях, когда правовая идеология отстает или, наоборот, опережает развитие общественных отношений, но, прежде всего, в несоответствии идеальных оснований правовой идеологии и правовой психологии, что выводит механизм социально-правового контроля из равновесного состояния.

То обстоятельство, что в правовой идеологии находят свое теоретическое обоснование идеальные модели права как элемента сферы должного, обуславливая деонтологический характер данного явления, позволяет признать верность следующего положения. «Чем более удален тот или иной идеал человека от реальности (а такое расхождение присуще всем моделям), тем большим искажениям подвергается данная модель на практике» [6]. Применительно к правовой идеологии нельзя не признать, что, несмотря на свой абстрактно-теоретический характер, она не должна быть удалена от правовой психологии социальных субъектов и от их правовой действительности настолько, чтобы потерять свойство быть доступной для восприятия различными социальными группами. Знания и представления о праве более высокого «порядка» запечатлеваются в правовых доктринах и систематизированных теориях, методологическая направленность которых детерминирована тем или иным типом правопонимания исследователя или целого научного сообщества. В отличие от правосознания, правопонимание представляет собой целена-

правленную интеллектуальную деятельность и ее результаты по осмыслению сущности и назначения права, осуществляемую, в основном, более узким кругом специалистов, чем «творцы» правовой идеологии, то есть представителями юридического сообщества.

Взаимодействие правосознания и правопонимания видится нам в следующем. Во-первых, правопонимание оказывает координационное воздействие на правовую идеологию и профессиональную деятельность ее «творцов» в целом, и косвенно – на правосознание обычных граждан. Во-вторых, тот факт, что правовая идеология в концептуальной форме консолидирует научные представления о праве, государстве и правовых явлениях в тот или иной исторический период, обуславливает ее обратное влияние на политико-правовые процессы в обществе и развитие юридической науки и образования. Иными словами, несмотря на теоретический характер правовой идеологии, она выступает связующим звеном между идеальными и реальными, индивидуальными и групповыми, общими и частными феноменами правовой жизни.

В современных исследованиях справедливо отмечается, что естественный тип правопонимания, в котором морально-этические, религиозные установки выступают критерием истинности в праве, в условиях построения правового государства уже не актуален в силу слабости его институционального «компонента». Позитивистский подход также подвергается суровой критике за отождествление права с законом как волей власти придерживающих [7]. В качестве новых типов правопонимания разрабатываются различные варианты интегративного подхода, в которых предпринимается попытка преодоления противоречий в понимании феномена права, правовой системы, в определении места правосознания в системе правовых явлений [8].

Что касается правовой психологии, то, будучи социально-психологическим и эмоционально-волевым элементом в структуре правосознания, она возникает в результате влияния правовой действительности на сознание человека и выражается в правовых чувствах, эмоциях, переживаниях, правовых привычках и навыках социальных субъектов, выступая в качестве интуитивного источника правовых норм, представлений, догадок. Законодателям, правоприменителям и правозащитникам правовая психология помогает правильно понимать сущность правовых феноменов, оценивать их значимость в тот или иной исторический период и находить соответствующие этим представлениям правовые формы. Обычные граждане, прямо не связанные в своей профессиональной деятельности с формально-юридической сферой, руководствуясь правовой психологией, оценивают правовые явления на предмет их соответствия принципам справедливости, гуманизма, формального равенства. И поскольку именно это соответствие является в общественном правосознании критерием истинности действий государственной власти и ее правовых решений, то все явления, нормы, идеи, нашедшие положительную оценку и согласие с позиции правовой психологии, принимаются как правильные и адекватные.

В силу того что на правовую психологию значительное влияние оказывают, в основном, такие иррациональные феномены, как правовая ментальность, правовые обычаи и традиции народа, то есть всё то, что не регламентировано государством, но входит в понятие «живого права», обуславливает ее инертность по сравнению с правовой идеологией. Данный факт объясняет устойчивость эмоционально-оценочных отношений этнических групп к тем или иным правовым нововведениям. Так, по мнению Л. А. Ясюковой, установлению в российской правовой психологии «законопослушных установок... зрелых “субъект-объектных” отношений между законом и личностью в настоящее время препятствуют психологические факторы, отражающие устойчивые типологические особенности россиян, сформировавшиеся на протяжении жизни предшествующих поколений и являющиеся закономерным наследием тоталитарной эпохи» [9]. В приведенном суждении речь идет о таких характеристиках авторитарного правосознания россиян, как надежда на справедливых людей, находящихся у власти (на «добротного царя»), низкий уровень индивидуальной гражданской активности и т. п. Однако, как представляется, ни одно из отмеченных свойств российского правосознания нельзя считать отрицательным или положительным, конструктивным или деструктивным в связи с тем, что их проявление в настоящем времени обусловлено сформировавшейся под влиянием культурно-исторических факторов правовой ментальности, которую нужно принимать как данность и считаться с ней в процессе правового реформирования российского общества. Как справедливо отметил А. А. Хагуров, правосознание относится к явлениям культуры, поэтому судить о нем следует не по порядковой шкале, сравнивая с другими явлениями, а исключительно по шкале номинальной, фиксируя качественные признаки на уровне фактов. «В русском национальном сознании, – пишет ученый, – правовой аспект представлен слабо, зато ценности справедливости и правды в нем предстают достойно. Россияне сплошь и рядом замечают не формально-правовые аспекты поведения людей, а наличие либо отсутствие Справедливости и Правды, что связано с их высокой Духовностью. Все это, конечно, ослабляет наш практический разум, но все же дорогого стоит» [10].

Таким образом, очевидно, что проблема соотношения правовой идеологии и правовой психологии в российском обществе требует вполне конкретного ответа на вопрос, каким должно быть это соотношение в условиях построения правового государства. Как представляется, данная проблема обуславливает выделения нескольких направлений.

Во-первых, принимая во внимание то обстоятельство, что российское общество многомерно по своему этническому и религиозному составу, при построении правовой идеологии необходимо учитывать интересы различных социальных субъектов. В связи с этим следует согласиться с мнением С. И. Нефедова, который отмечает: «Как бы ни разнились интересы участников социального процесса, у них всегда есть те общие интересы, которые позволяют государству вырабатывать единую правовую идеологию и правовую политику... к таким общим интересам относятся юридическое равенство, охрана правопорядка, распределение материальных и духовных благ, получение достоверной информации, безопасность. Эти ценности – базовые и за редким исключением проявлялись во всех типах общества и во все эпохи» [11].

Во-вторых, в правовой идеологии современного российского общества должен быть достигнут компромисс между естественными ценностями и правами, являющимися общечеловеческим достоянием, и специфическими национальными ценностями, сформировавшимися под влиянием культурно-исторических факторов и потому составляющими «корпус» российской системы ценностей. Среди них – идея правды и справедливости, включение права в сферу духовной культуры и соотнесение правовых с неправовыми регуляторами поведения, идея взаимной ответственности всех членов общества, идея служения высшим идеалам посредством правового поведения и т. п. Помимо этого общественное правосознание нуждается в формировании установок на доверие правовым институтам и лицам, наделенным властью, что возможно лишь при условии эффективного функционирования правовых институтов в согласии с принципами формального равенства и справедливости. Здесь же следует обратить внимание на необходимость высокого профессионализма и морального облика представителей власти, результатом которых станет, по нашему мнению, ответная реакция граждан в форме правового поведения.

В-третьих, тот факт, что кризисное состояние российского правосознания является частью более масштабного социокультурного кризиса, обуславливает необходимость обеспечения реальной институциональной защиты со стороны государства морально-нравственного ядра российской культуры. В итоге воплощенная в правовой идеологии система нравственных ценностей будет способствовать примирению рационального и иррационального начал, а стало быть, преодолению диссонанса в структуре правосознания.

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что проблема соотношения правовой идеологии и правовой психологии может быть рассмотрена в двух измерениях – теоретическом и практическом, способ реализации которых определяет формирование правосознания как сложного социокультурного явления. Теоретическая «проекция» предполагает, по нашему мнению, взаимообусловленность правовой идеологии и правопонимания, а также взаимообратные связи правовой идеологии, уровня развития правовой науки и юридической деятельности в целом. Практическая «проекция» названной проблемы обусловлена тем фактом, что степень согласованности основных структурных элементов правосознания определяет эффективность правовой социализации и правовой инкультурации социальных субъектов, реализующихся в сфере правовой культуры. При этом обусловленность правовых ценностей неправовыми явлениями в структуре ментальности россиян детерминирует характер ценностно-правовых ориентаций на индивидуальном, групповом и общесоциальном уровне, во многом определяя эффективность социального механизма действия права. То обстоятельство, что в реальной жизни правовая идеология неотделима от правовой психологии, а общественное правосознание – от индивидуального и группового, объясняет необходимость взаимосогласованности элементов структуры, основных видов и форм правосознания. Обеспечивая последнему возможность выполнять такие жизненно важные для развития общества функции, как познавательная, воспитательная, оценочная, коммуникативно-интегративная и социально-преобразовательная, отмеченное структурное единство способствует тому, что правосознание как результат пассивного «отражения» бытия в сознании трансформируется в активный феномен духовной жизни [12].

Специально оговорим, что рассмотренная нами проблема «примирения» правовой психологии и правовой идеологии не является единственным способом преодоления кризисного состояния российского правосознания. Среди таких способов «лвиную» долю составляют мероприятия, связанные с реформированием правовых институтов, совершенствованием норм права и т. п. Однако, как представляется, они не принесут положительных плодов в отрыве от деятельности, направленной на формирование правосознания всех социальных субъектов.

Примечания

1. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963. 204 с.
2. Остроумов Г. С. Соотношение правового и политического сознания // Вопросы философии. 1964. № 5. С. 18–23.
3. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юрид. лит., 1973. 344 с.
4. Долгова А. И. Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1972. 99 с.
5. Бельский К. Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. М.: Высш. шк., 1982. 183 с.
6. Левин И. Д. Сочинения: в 2 т. М.: «Радикс», 1994. Т. II. С. 138.
7. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: Норма, 2013. 496 с.; Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 256 с.; Нерсисянец В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. 160 с.
8. Гусарова М. А. Понятие правосознания в современных интегративных теориях (на примере концепций А. В. Полякова и И. Л. Честнова) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 28–31.
9. Ясюкова Л. А. Правовое сознание в структуре ментальности россиян. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 11.
10. Хагуров А. А. Культурологические очерки. М.; Краснодар: Изд-во КубГАУ. С. 227.
11. Неведов С. И. Проблемы правовой идеологии в современной России // Гражданское общество и правовое государство. 2011. Т. 1. С. 88–92.
12. Об том подробнее см.: Гусарова М. А. Функции правосознания как социокультурного феномена // Aspectus. 2016. № 4. С. 95–98.

Notes

1. Farber I. E. *Pravosoznanie kak forma obshchestvennogo soznaniya* [Legal awareness as a form of public consciousness]. M. Juridical Literature. 1963. 204 p.
2. Ostroumov G. S. *Sootnoshenie pravovogo i politicheskogo soznaniya* [Correlation of legal and political consciousness] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1964, № 5, pp. 18-23.
3. Lukasheva E. A. *Socialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'* [Socialist sense of justice and legality]. M. Juridical Literature. 1973. 344 p.
4. Dolgova A. I. *Pravosoznanie i ego defekty u nesovershennoletnih pravonarushitelej* [Legal awareness and its defects in juvenile offenders]. M. All-Union Institute for the Study of Causes and Development of Crime Prevention Measures. 1972. 99 p.
5. Bel'skij K. T. *Formirovanie i razvitie socialisticheskogo pravosoznaniya* [Formation and development of socialist sense of justice]. M. Vyssh. Shk. 1982. 183 p.
6. Levin I. D. *Sochineniya: v 2 t.* [Works in 2 volumes]. M. Radiks. 1994. Vol. II. P. 138.
7. Zor'kin V. D. *Pravo v usloviyah global'nyh peremen: monografiya* [The right in conditions of global changes: a monograph]. M. Norma. 2013. 496 p.; *Politiko-pravovye cennosti: istoriya i sovremennost'* – Politico-legal values: history and modernity / Ed. V.S. Nersesyantsa. M. Editorial URSS. 2000. 256 p.; *Nersesyanc V. S. Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* [Law is the mathematics of freedom. Past experience and prospects]. M. Jurist. 1996. 160 p.
8. Gusarova M. A. *Ponyatie pravosoznaniya v sovremennyh integrativnyh teoriyah (na primere koncepcij A. V. Polyakova i I. L. Chestnova)* [The concept of legal conscience in modern integrative theories (on the example of the concepts of A.V. Polyakov and I.L. Chestnov)] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* – Society: Philosophy, History, Culture. No. 1, 2017, pp. 28-31.
9. YAsyukova L. A. *Pravovoe soznanie v strukture mental'nosti rossiyen* [Legal consciousness in the structure of the mentality of Russians]. Spb. Publishing house of S.-Petersburg University. 2008. P. 11.
10. Hagurov A. A. *Kul'turologicheskie ocherki* [Culturological essays]. M.; Krasnodar. Publishing house KubSAU. P. 227.
11. Nefedov S. I. *Problemy pravovoy ideologii v sovremennoj Rossii* [Problems of legal ideology in modern Russia] // *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo* – Civil society and the rule of law. 2011. Vol.1. from. 88-92. P. 89.
12. For more details see *Gusarova M. A. Funkcii pravosoznaniya kak sociokul'turnogo fenomena* [Functions of the sense of justice as a socio-cultural phenomenon] // *Aspectus*. 2016, № 4, pp. 95-98.

Реальный сетевой дизайн: статический идентификационный дескриптор*

В статье разрабатывается новое направление сетевого подхода, названное синтетической топологией. Выделяются четыре этапа темпорального цикла социальных сетей. Посредством привлечения категорий времени, пространства и формы указывается возможность отображения сети через построение сетевого дизайна: идеального, реального и потенциального. Исследовательский интерес фокусируется на реальном сетевом дизайне, осуществляемом посредством привлечения теоретико-методологических единиц, названных дескрипторами. Дескрипторы делятся на статические и динамические, статические, в свою очередь – на идентификационный и структурный. Идентификационный дескриптор, представляющий конкретный исследовательский интерес данной статьи, позволяет отнести сеть к определенному типу. Для реализации задачи анализа характеристик, наполняющих идентификационный дескриптор, в работе представлена типология социальных сетей. Последняя сводит социальные объекты сетевой природы к двум основным типам: органическому и неорганическому. Автором разработаны особенности указанных типов.

The article presents a new direction called synthetic topology which is developed within the network approach. The four stages of the temporal cycle of social networks are identified. Considering such notions as time, space and form, the author reveals the possibility of mapping a network through creating the network design: ideal, real and potential. The research interest focuses on a real network design performed by means of theoretical and methodological units called descriptors. The descriptors are divided into static and dynamic ones. The static descriptors, in their turn, are subdivided into identification and structural. The identification descriptor, which is in the center of author's attention here, makes it possible to refer the network to a definite type. In order to implement the analysis of characteristics which fill the identification descriptor, the article presents the social networks typology. The latter classifies social objects of network nature into two main types: organic and inorganic. The author has developed the features of the above mentioned types.

Ключевые слова: социальная сеть; синтетическая топология; сетевой дизайн; статические дескрипторы; идентификационный дескриптор; темпоральный цикл социальной сети; органические сети; неорганические сети.

Keywords: social network; synthetic topology; network design; static descriptors; identification descriptor; temporal cycle of social network; organic networks; non-organic networks.

Сетевой подход в науках об обществе – довольно новое направление социально-философской мысли, вбирающее в себя различные онтологические представления. Это приводит к разработке несводимых друг к другу теоретических положений и методологических инструментов. Именно поэтому сетевой подход неоднороден и на современном этапе своего развития распадается на три основных направления: анализ социальных сетей, реляционную социологию и акторно-сетевую теорию [1]. Между тем в методологический каркас всех перечисленных направлений встроены топологические исследовательские линзы.

Пути генезиса и становления социальной топологии – тема, выходящая далеко за рамки данной статьи, здесь же необходимо обозначить ее отправные точки. В социологических исследованиях можно выделить две топологические ветви, восходящие к математическому языку теоретико-множественной (общей) и алгебраической (комбинаторной) топологий. С одной стороны, топология разворачивается как механизм, структурирующий социальное пространство, а потому может быть названа топологией пространства. Такой взгляд берет начало в работах Курта Левина и Пьера Бурдье [2]. С другой же – как инструмент, исследующий сложноустроенный социальный объект, лежащий в области пространства-времени с точки зрения устойчивости/неустойчивости его формы, а потому может быть названа топологией формы. Базовые идеи такой точки зрения лежат, прежде всего, в трудах Рене Тома [3].

Синтетическая топологическая модель, привлекаемая в дальнейшем для процедур реального сетевого дизайна, основывается на достижениях, сложившихся в теоретической социологии вообще и в сетевом подходе в частности, двух указанных магистральных топологических направлений: топологии пространства и топологии формы. Первая активно разрабатывается в

недрах анализа социальных сетей и представлена многочисленными эмпирическими исследованиями, а также эпизодически – в работах, относящихся к реляционной сетевой традиции. Вторая – топологическим ответвлением акторно-сетевой теории, во главе которого стоит Джон Ло. Синтетическую сетевую топологию можно определить как символическую конфигурацию сетевых акторов, наделенных внутренней размерностью топологической формы и размещающихся в многомерном пространстве социальных процессов, отношений, практик и позиций, функционально взаимосвязанных между собой. Фактически синтетическая топология призвана выстраивать социальную сеть как идеально-типический конструкт абстрактного объекта, выражающий набор реальных и потенциальных акторных связей и взаимодействий, а также их характеристики и свойства в любой момент времени.

Время, помещенное в центр анализа, позволяет разворачивать весь каталог сетевых интеракций, поименованный нами как «темпоральный цикл социальной сети». Опираясь на процедуру мысленного моделирования, постулируем существование четырех логических этапов темпорального цикла сетей в координатах пространства и времени.

1. *Этап мобилизации*: социальная сеть находится в состоянии потенциальной готовности к функционированию при наличии реальной (потенциальной) возможности для зарождения между акторами сетевого информационного взаимодействия и возникновения условий для устойчивого протекания обменных процессов любого типа.

2. *Этап воплощения*: социальная сеть из состояния потенциального ожидания переходит в состояние реального функционирования при условии активизации сетевого информационного взаимодействия в рамках сетевого контура прямой и обратной связи и устойчивого протекания обменных процессов любого типа.

3. *Этап демобилизации*: социальная сеть из состояния реального сетевого взаимодействия переходит в состояние регрессирующей готовности к функционированию при условии разрыва сетевого информационного взаимодействия в рамках сетевого контура прямой и обратной связи и утраты возможности для устойчивого протекания обменных процессов любого типа.

4. *Этап сна*: при продолжительном периоде ожидания следующего воплощения социальная сеть способна полностью утрачивать «сетевую информационную память», тем самым очищая каналы сетевого информационного взаимодействия и уравнивая все сетевые позиции акторов. Именно поэтому конфигурация следующего воплощения социальной сети принципиально не прогнозируема. Подчеркнем, что «сон» не есть «смерть», а темпоральный цикл социальной сети, представляемый пространственно, не есть линия, но, скорее – кольцо, и за этапом сна неизбежно пробуждение – этап мобилизации новой сети.

Отображение идеально-типического сетевого конструкта с учетом темпоральных характеристик производится через процедуры сетевого дизайна. *Сетевой дизайн* здесь – логическая операция отображения строения/состояния сети с учетом характеристик времени-пространства-формы. Нами разработаны три типа сетевого дизайна: идеальный, реальный и потенциальный. Идеальный сетевой дизайн отображает любую вероятную сетевую конфигурацию. Реальный сетевой дизайн отображает сетевые конфигурации этапа воплощения темпорального цикла социальной сети. Потенциальный сетевой дизайн отображает наиболее вероятные конфигурации строения/состояний социальной сети, ее трансформации при смене этапов темпорального цикла и процессы, предвосхищаемые в будущем.

Реальный сетевой дизайн осуществляется посредством привлечения теоретико-методологических единиц, названных дескрипторами. *Сетевой дескриптор* – это информационный блок, состоящий из ключевых сведений, характеризующих конкретную атрибутивную сторону реально воплощенной сети. Дескрипторы разделены на статические и динамические. *Статические дескрипторы* – это совокупность данных, характеризующих неизменные, базовые, неотъемлемые стороны реально воплощенного объекта сетевой природы и их внутреннее соотношение. *Динамические дескрипторы* – это совокупность данных, характеризующих трансформацию состояний, количественные и качественные изменения реально воплощенной сети, внутренние движущие силы и внешние проявления сетевых преобразований.

Рассмотрим наполнение статических дескрипторов подробнее. Статические дескрипторы делятся на идентификационный и структурный. *Идентификационный дескриптор* – это конкретный набор характеристик, позволяющий отнести сеть к определенному типу. *Структурный дескриптор* – это конкретный набор характеристик, фиксирующий сложившуюся совокупность связей и внутреннюю топологическую организацию сети.

Прежде чем приступить к изложению характеристик, наполняющих идентификационный дескриптор, следует прояснить вопрос сетевой типологизации. Нами выделяются два основных типа социальных сетей. Первые, «видимые», сети (назовем их неорганическими) – продукт целе-

направленной сетевой деятельности, воплощенной в реальной социальной практике посредством создания специальных сетевых сообществ, либо на основе политических и экономических, национальных и культурных, научно-образовательных и прочих конвенций, либо с помощью юридически обязывающих нормативных актов и процедур. Их характеристики сводимы до следующих утверждений:

- цель существования сети четко сформулирована;
- подбор акторов, средств взаимодействия, определенная архитектура сети, интенсивность сетевых обменов – все направлено на достижение сформулированной цели;
- явно выражен характер связей, удерживающих общесетевую форму и формирующих четкие сетевые границы;
- телеологический аспект является довлеющим для сетевой жизнеспособности: при недосягаемости или разрушении целевых оснований сеть далее не фиксируется.

Здесь преобладающим является стимул как простой механизм внешнего воздействия для достижения желаемого результата. Стимулирование может быть как позитивным (возможность получения предпочтений, разного рода поощрений, материальных благ), так и негативным (вероятность утраты социального положения, материальных благ, возможностей обладания нематериальными ресурсами). Важно, что последнее часто обладает скрытой или явной принудительной силой.

В меньшей степени, однако небезосновательно, в качестве двигателя выступает и мотивация, как продукт внутреннего мира людей, их интересов и потребностей. Выражаясь словами Рэндалла Коллинза, это своего рода поток эмоциональной энергии, который «заряжает индивидов подобно электрическим батареям, давая им соответствующий уровень энтузиазма», направленного на достижение цели [4]. Отметим при этом, что хотя сетевая цель и не предполагает детального вычисления конкретных выгод и потерь, однако допускает наличие «ступенчатой выгоды» [5].

Вторые, «невидимые», сети (обозначим их как органические) – естественная форма социальной организации, свойственная жизнеустройству социального бытия человека, организаций и систем. Вступая в органические взаимодействия, вписанный в сети актор использует доступный социальный инструмент для общения с миром людей и вещей. Подобные сетевые сплетения произвольны и неосознанны [6]. Они представляют собой уникальную трактовку, объяснение и реакцию актора на импульсы, приходящие из окружающей среды.

В отличие от неорганических сетей, обладающих выраженной локальностью и исчисляемыми характеристиками (что изучает анализ социальных сетей: плотность, централизацию, транзитивность и пр.), характеристики органических сетей сводятся к следующему:

- неуловимость, рефлексивная «незакрепляемость»;
- отсутствие для наблюдателя общесетевой цели;
- внешне ничтожная сетевая связанность единичными актами коммуникации, невыраженность сетевых границ.

Фактически роль органических сетей состоит в обеспечении текущей, будничной, «любой» жизнедеятельности субъектов в социальном мире (отдельных процессов обмена информацией, интересубъективного закрепления, «проговаривания» ценностей, условно «разовой» передачи социального капитала, выражения персонального доверия и пр.). Главное – органические сети визуально не «сцепляются» в устойчивые системоподобные конструкции, являя собой весьма сложные социальные образования, отсылающие нас в пространство изменчивых потоков, схваченных исследователями, относящими себя к традиции теории «актор-сеть».

Следует пояснить, что, вводя наименование «органические» и «неорганические», мы никоим образом не желаем подчеркнуть взаимосвязь социальных сетей с живым миром, их отождествление с биологическими организмами или выделение у некоторых из них какого бы то ни было живого начала. Название «органические» обусловлено лишь стремлением подчеркнуть характеристики, составляющие внутреннюю сущность социального, вытекающие из самого его строения и лежащие в самой его природе. «Неорганические» же предполагают «рукотворность», приложение некоторых специальных усилий по созданию и функционированию сети, обеспечивающей достижение конкретных утилитарных целей, если так можно выразиться, механическое соединение акторов. В самом общем виде неорганические сети, по отношению к социальному бытию, есть продукт целенаправленной сетевой деятельности. Органические же, по отношению к социальному бытию, есть его атрибутивное свойство. Идентификационные дескриптивные ярлыки позволяют исследователю социальных сетей фиксировать большее тяготение последних к тому или иному условному типу.

Первой ключевой идентификационно-дескриптивной характеристикой, относящей сеть к определенному типу, определим *природу возникновения*. Неорганические сети порождаются сознательными волевыми усилиями и есть результат работы «творцов» любого уровня сетевой модальности, являя собой образец искусственного создания. При этом, как правило, волевой импульс проходит все фазы: возникновение отдельных стремлений (имеет пассивное отношение с внешним миром); их взаимное сдерживание, четкое телеологическое формулирование, общее аксиологическое и семантическое межакторное уравнивание (внутрисетевой процесс, опосредованно относящийся к условиям внешнего мира); и, наконец, выбор волевых действий и формирование стратегий для достижения желаемого (активное отношение к внешнему миру) [7].

Органические сети, напротив (и мы говорили об этом выше), основаны на интенциях, возникающих безотчетно, как интуитивно выбранный оптимальный вариант разрешения социальных противоречий и удовлетворения возникших потребностей. Фактически они восходят к неотчуждаемому акторному асцитету, не происходят от каких-либо предустановленных общих причин, не возникают благодаря сетевым механизмам, но лишь используют их как социальное приспособление, и не прекращаются, пока актер представляется как единица социальных взаимодействий [8]. В строгом смысле сетевой исследователь может лишь «схватить» воплощенные в действительность, окрашенные описанной спецификой интеракции, обуславливающие же их факторы – предмет социально-психологического изучения.

Второй ключевой характеристикой (и логически взаимосвязанной с предыдущей), позволяющей условно отнести сеть к неорганическому или органическому типу, является *сетевое предназначение*. В неорганических сетях оно явно сформулировано как цель, на достижение которой направлены сетевые обмены. Вся акторная деятельность является частью «преднамеренной стратегии для создания прочной сети» [9]. Отметим, что в силу того что неорганические сети в наибольшей степени отвечают онтологическим представлениям приверженцев анализа социальных сетей, именно в русле данного направления сетевой теории активно развиваются способы исследования взаимовлияний сетевых целей и сетевой организации.

Например, в одной и той же статье можно прочесть следующее. С одной стороны, авторы ориентируются «в основном на то, как различные типы кластеров или каким образом различные типы связей встроены в другие связи, что проливает свет на их функции и цели» [10]. Таким образом, ясно обозначен путь от исследования структуроподобных образований к нахождению сетевых целей. С другой же – авторская «главная задача состоит в том, чтобы показать, каким образом различные цели способствуют разным формам кластеризации» [11]. То есть уже утверждается, что довлеющим при организации сетевых форм является именно телеологический аспект. Констатируем, что вне зависимости от различных взглядов, понимающих ли первичность форм над целеполаганием или же приоритет целей, оформляющих сеть, сетевое предназначение в виде явно кристаллизованной сетевой цели является неотъемлемой характеристикой отнесения сети к неорганическому образованию.

Органические сети, как мы подчеркивали выше, отличают единичные, не объединенные формулируемым предназначением, «визуально» слабо связанные между собой акты коммуникации. Именно в силу отсутствия в их существовании выраженного телеологического основания они плохо уловимы для исследователя. Фактически в данном случае цель заменяется ориентированной рациональностью актора. Рациональность же, выражаясь словами современного реляционного теоретика Пьерпаоло Донати, «имеет достоинство, которое не является ни инструментальным, ни целенаправленным» [12]. Имеется в виду ценностно-ориентированная рациональность, которая в полном смысле не может являться целью и «в качестве аналитического аналога занимает сферу “хорошо само по себе или для себя”» [13]. Безусловно, социальный мир содержит в себе причины выбора рационального вектора, однако актер в этом мире органических сетей действует только через-понимание-себя.

Исходя из изложенного, третьей ключевой характеристикой, косвенно синтезированной из двух предыдущих и также позволяющей отнести сеть к тому или иному типу, определим *сетевую видимость*. Убеждены, что видимость / невидимость социальных сетей фактически является раскрывающим их сущностную природу свойством [14]. Неорганические сети, как мы подчеркивали, «более наблюдаемы»: сетевые интеракции фиксируются мысленным взором исследователя в явном виде. Органические сети, в условиях стандартного анализа, остаются слабозначимыми, допускаем, даже скрытыми для исследователя. Описываемая характеристика требует нашего пояснения.

Очевидно, что наиболее явно «просматриваются» и легко фиксируются сетевые взаимодействия, основанные на конкретных волевых усилиях по их созданию, а также напрямую обозначенных или задекларированных целях. Однако если мы их не находим, имеем ли мы основания

для дальнейшего анализа? Исходя из определения сети как идеально-типического конструкта, полагаем, что да. Видимо, единственный доставшийся нам путь изучения органических сетей – их установление «от противного». Иными словами, имея в наличии другие дескриптивные характеристики, по косвенным признакам исследователь должен брать на себя смелость постулировать отсутствие видимости, относя умозрительно выстраиваемый сетевой конструкт к органическому типу.

И, наконец, опираясь на предыдущие рассуждения, четвертой ключевой характеристикой следует определить *четкость сетевых границ*. Очевидно, что неорганические сети будут демонстрировать наличие внятных контуров, демаркирующих, в самом общем виде, «внутрисетевое» и «внесетевое». Органические же, если и обнаруживают условные сетевые границы, то только благодаря угасанию передаваемого сетевого сигнала, таким образом, даже при скрупулезном анализе четкое определение сетевых контуров не представляется возможным.

Абсолютизируя это свойство органических сетей, можно предположить, что подобная сеть вообще едина и «накрывает» все пространство социального. Однако это ложный путь, обязательно «существуют объекты и пространства, лежащие за пределами сетей» [15], хотя бы по праву на жизнь социальных феноменов, не включенных в сетевые обмены. Гораздо более логично допустить, что, хотя органические сети и умозрительно крайне обширны, все же они имеют свои социально-пространственные пределы. Чем обусловлены эти ограничения? Вероятнее всего, границы органических сетей возникают в результате угасания информационных сигналов и естественных обрывов сетевых связей, вызванных отсутствием достигаемых акторов.

Заметим, что при всей возможной дальнейшей детализации списка идентификационно-дескриптивных характеристик следует постоянно иметь в виду, что процедура выделения чистых сетевых типов есть рациональная операция спекулятивной, в некотором смысле, природы. В реальности же сетевые объекты являют собой неорганическое и органическое единство, «поворачиваясь» к исследователю (большей или меньшей степени) различными гранями.

Примечания

1. См.: Мальцева Д. В. Сетевой подход в социологии: генезис идей, современное состояние и возможности применения: дис. ... канд. социол. наук. М.: РГГУ, 2014.
2. Lewin K. Principles of topological psychology. N. Y.; L.: McGraw-Hill book company, inc., 1936; Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007.
3. Том Р. Топология и лингвистика / пер. с фр. Ю. И. Манина // Успехи математических наук. 1975. Т. 30. № 1 (181). С. 199–221; Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез / пер. с фр. Е. Г. Борисовой, А. Родина. М.: Логос, 2002.
4. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: НИЦ Сибирский хронограф, 2002. С. 70.
5. Levine Sh., Kurzman R. Explaining Clustering in Social Networks: Towards an Evolutionary Theory of Cascading Benefits // Managerial and Decision Economics. 2006. Vol. 27. P. 173–187.
6. См.: Капра Ф. Паутина жизни: Новое научное понимание живых систем / пер. с англ., под ред. В. Г. Трилиса. Киев: «София»; М.: ИД «София», 2003.
7. Виндельбанд В. О свободе воли // Виндельбанд В. Избранное: дух и история / пер. с нем. М. И. Левина, Г. Сонин. М.: Юрист, 1995. С. 520.
8. Там же.
9. Law J. Actor Network Theory and Material Semiotics. URL: <http://www.heterogeneities.net/publications/Law2007ANTandMaterialSemiotics.pdf>
10. Hollway J., Koskinen J. Multilevel embeddedness: The case of the global fisheries governance complex // Social Networks. 2016. № 44. P. 288.
11. Ibid.
12. Donati P. Interculturality needs a «relational human reason» to build and manage the «Inter» // THÉMATA. Revista de Filosofia. 2015. № 52. P. 69.
13. Ibid.
14. См.: Romm M. V., Zayakina R. A. «Visible» and «invisible» social networks: probabilistic-statistical interpretation // American Journal of Science and Technologies. 2015. № 2 (20). P. 387–393.
15. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей / под ред. В. С. Вахштайна. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 241.

Notes

1. See: Maltseva D. V. *Setevoy podhod v sociologii: genezis idej, sovremennoe sostojanie i vozmozhnosti primenija: dis. kand. sociol. nauk*. [Network approach in sociology: genesis of ideas, state of the art and applicability]. M. Russian State University for the Humanities. 2014.
2. Lewin K. Principles of topological psychology / NY, London: McGraw-Hill book company, inc. 1936;

- Bourdieu P. *Sociologija social'nogo prostranstva* [Sociology of social space] / translated from French. St. Petersburg. Aleteja. 2007.
3. Thom R. *Topologija i lingvistika* [Topology and linguistics] / translated from English by Yu. I. Manin // *Successes of Mathematical sciences*. 1975, Vol. 30, no 1(181), pp. 199–221; Thom R. *Strukturnaja ustojchivost' i morfogenez* [Structural stability and morphogenesis] / translated from English by E.G. Borisova, A. Rodin. M. Logos. 2002.
4. Collins R. *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija* [The Sociology of philosophies: a global theory of intellectual change] / translated from English by N.S. Rozov, Yu. B. Vertheim. Novosibirsk. Sibirskij hronograf. 2002. P. 70.
5. Levine Sh., Kurzban R. Explaining Clustering in Social Networks: Towards an Evolutionary Theory of Cascading Benefits // *Managerial and Decision Economics*. 2006. Vol. 27. P. 173–187.
6. See: Kapra F. *Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivyh sistem* [The Web of Life: A New Scientific Understanding of Living Systems] / translated from English by V.G. Trilis. M.; Sofija. 2003.
7. Windelband W. *O svobode voli* [About free will] // *Izbrannoe: duh i istorija* – The selected works: the spirit and the history / translated from German by M.I. Levin, G. Sonin. M. Jurist. 1995. P. 520.
8. Ibid.
9. Law J. Actor Network Theory and Material Semiotics. Available at: <http://www.heterogeneities.net/publications/Law2007ANTandMaterialSemiotics.pdf>.
10. Hollway J. Koskinen J. Multilevel embeddedness: The case of the global fisheries governance complex // *Social Networks*. 2016. No. 44. P. 288.
11. Ibid.
12. Donati P. Interculturality needs a «relational human reason» to build and manage the «Inter» // *THÉMATA. Revista de Filosofia*. 2015. No. 52. P. 69.
13. Ibid.
14. See: Romm M. V., Zayakina R. A. «Visible» and «invisible» social networks: probabilistic-statistical interpretation // *American Journal of Science and Technologies*. 2015. No. 2 (20). Pp. 387–393.
15. Law J. *Ob"ekty i prostranstva* [Objects and Spaces] // *Sociologija veshhej* – Sociology of Things / translated from English BY V.S. VAHSTEIN. M. Territorija budushhego. 2006. PP. 233–243.

УДК 009

Н. Д. Лигостаева

Экранная культура как актуальная форма социального мифотворчества

Статья посвящена анализу развития экранной культуры как уникального социально-культурного явления, оказывающего значительное воздействие на массы. В настоящее время данный социальный институт является эффективным методом взаимодействия творца и потребителя аудиовизуальных произведений. В статье теоретически обобщаются данные различных гуманитарных наук, а также практические знания в области функционирования экранной культуры. Опираясь на теорию Г. М. Маклюэна о типах трансляции культурно-исторического опыта, автор рассматривает кинематограф как одну из разновидностей экранного типа культуры, который имеет собственную онтологическую основу и олицетворяет новый тип социального функционирования. Мир кино анализируется как иллюзорная реальность, существующая в определенной степени по законам построения мифа. Предлагается авторская концепция, согласно которой современная экранная культура, ориентированная на прошлое, и одновременно – на настоящее и будущее, создает собственную, новую мифологию.

The article is devoted to the analysis of the development of screen culture as a unique socio-cultural phenomenon, which has a significant impact on the masses. At present, this social institution is an effective method of interaction between the creator and consumer of audiovisual works. The article theoretically summarizes the information of the humanities, as well as practical knowledge in the field of the functioning of the screen culture. Based on the theory G. M. McLuhan about the types of translation cultural-historical experience, the author examines cinema as a form of on-screen type of culture, which has its own ontological basis and represents a new type of social functioning. The world of cinema is analyzed as an illusory reality, existing to a certain extent according to the laws of myth construction. The author's conception is proposed, according to which the modern screen culture, oriented to the past, and simultaneously – to the present and the future, creates its own, new mythology.

Ключевые слова: экранная культура, кинематограф, культурный тип, экранный миф, архетип, массовое манипулирование, мифотехнологии.

Keywords: screen culture, cinematography, cultural type, screen myth, archetype, mass manipulation, mythology.

В XX в. киноискусство и экранная культура пережили масштабную художественно-техническую эволюцию, которая была связана с развитием цифровых и информационных технологий. В настоящее время экранная культура знаменует социально-культурный прогресс, поскольку она подразумевает принципиально новый способ коммуникации и трансляции социального опыта общества. Помимо этого экранная культура является особым социокультурным явлением, которое формирует значительную часть представлений всего человечества, а также культурно-информационное пространство, где ключевая роль принадлежит визуальному образу.

Несмотря на то что зарождение кинематографа относят к 1895 г., первые упоминания об «экранной культуре» как о сложившемся понятии появились во второй половине XX в. (работы Е. В. Ищенко, И. А. Негодаева, П. К. Огурчикова, Ю. Н. Усова, Н. Ф. Хилько, К. Э. Разлогова и др.).

Однако до возникновения экранной культуры в истории человечества существовали и другие типы массовой трансляции культурно-исторического опыта. Философ Г. М. Маклюэн выделил и дал подробные описания трем типам: дописьменному, письменному и экранному [1]. Согласно взглядам ученого, «средства общения», которые характеризуются как «технологическое продолжение» человека, представляют собой проявление культуры. Поэтому смена средств и способов общения модифицирует взгляд человека на мир, влияет на тип его сознания и образ жизни [2].

По мнению Г. М. Маклюэна, в рамках дописьменного типа опыт передавался непосредственно в форме действия, сопровождаемого речью.

На смену ему пришел письменный тип. Напомним, что первые письма появились еще на рубеже IV–III тысячелетия до н. э. в Древнем Египте и Месопотамии. Археологами была обнаружена обширная библиотека во дворце царя Ашшурбанипала (VII в. до н. э.) в Ираке, состоявшая из глиняных табличек с клинописными текстами, различными по содержанию. Но именно создание Иоганном Гуттенбергом печатного станка, позволившего осуществлять масштабное тиражирование письменных текстов, повлияло на трансформирование письменной культуры в книжную. Г. М. Маклюэн подчеркивает, что с этого момента не слух и осязание, как это было у «племенного человека», а зрение стало ключевым в определении образа мира, формирующегося у «типографского и индустриального человека» [3].

Третьим типом трансляции культуры, на который указывает Г. М. Маклюэн, выступает экранный тип, где культурно-исторический опыт передается с помощью различных технических артефактов, появление которых стало возможно с развитием научно-технической мысли, что характерно для индустриального общества. Г. М. Маклюэн считает, что современный человек представляет собой не что иное, как перевоплощение племенного человека, поскольку для него вновь стала характерна опора на осязание и слух в общении с себе подобными, только теперь посредством создания экранных образов [4].

Таким образом, экранная культура представляет собой тип культуры, базовым материальным носителем информации которого является не письменность, а «экранность», выражаемая в системе экранных (плоскостных) изображений. Ключевым признаком экранной культуры, который отличает ее от книжной и одновременно приближает ее к дописьменному типу человеческих культур, является динамичный, постоянно трансформирующийся, диалоговый характер взаимоотношений экранного текста с партнером.

Система экранной культуры включает в себя три связанных между собой элемента – кинокультуру, телекультуру и компьютерную культуру. Их связь выражается в общей цели – передаче представляемых объектов в аудиовизуальной и динамичной форме.

В каждый исторический период развития человеческого общества на авансцену выдвигается тот или иной вид искусства, который наиболее полно соответствует «духу» времени. Появление кинематографа явилось следствием некоего «культурного ожидания», зародившегося в различных видах искусства. Те явления, которые привнес кинематограф, в частности – фотографизм, соответствовали ряду тенденций в области живописи, а именно, прямому репродуцированию природы, возникшему еще в эпоху романтизма. Как пишет М. Ямпольский в своей работе «Видимый мир»: «...точнейшая, научная фиксация внешнего облика природы выступает в качестве одной из задач художественного творчества» [5]. В качестве доказательства данного утверждения автор приводит мнение двух исследователей Ч. Розена и Г. Цернера, писавших о том, что «фотография возникла для того, чтобы осуществить романтическую мечту о непосредственном преобразовании реальности в искусство без вторжения интерпретатора, кода и традиции» [6].

Имея в наличии синтетическую природу, под властью которой находятся и время, и пространство, новоявленный вид искусства возымел притязания за доступное и массовое место в художественной иерархии. Одновременно с этим кинематограф воплотил в себе наиболее современную картину мира, существующую в сознании человека. Таким образом, создание кинемато-

графа положило начало новому культурному типу, а, следовательно, и новому выразительному языку – языку экрана.

Известно, что любое эстетическое сообщение способно воздействовать на реципиента, в определенной степени трансформируя его сознание. Поэтому по поводу Ю. М. Лотман писал, что во всяком художественном произведении содержится образ идеальной аудитории, который активно воздействует на реально существующую аудиторию, становясь для нее своеобразным нормирующим кодом и переносясь из «текстовой» области в сферу реального поведения культурного коллектива [7].

Таким образом, экранная культура является одним из самых эффективных механизмов манипуляции человеческим сознанием. Индивид, созерцая художественное произведение, интерпретирует его в контексте своего духовного мира, что приводит впоследствии к изменению его образа мысли. В свою очередь художественная культура, и особенно экранная, представляют собой продукт коллективного сознания. Все это приводит к выводу о том, что культура влияет на сознание в той же степени, в какой сознание влияет на культуру.

Анализу специфики нового искусства немецкий философ и культуролог В. Беньямин посвятил одну из своих работ под названием «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», где он писал: «Репродукционная техника, так можно было бы выразить это в общем виде, выводит репродуцируемый предмет из сферы традиции. Тиражируя репродукцию, она заменяет его уникальное проявление массовым... В произведениях киноискусства техническая репродуцируемость продукта не является как, например, в произведениях литературы или живописи, приводящим извне условием их массового распространения. Она не только позволяет непосредственное массовое распространение кинофильмов, скорее, она прямо-таки принуждает к этому» [8].

Из этого следует, что кинематограф превращается в искусство, которое не только олицетворяет, но и несет новый тип социального функционирования и имеет иную онтологическую основу. Появление массовой аудитории способствует осознанию того, что логика развития искусства не всегда совпадает с логикой его функционирования.

Зарождение кинематографа породило дискуссию по поводу возможности отнесения его к сфере искусства. Ряд ученых полагает, что кинематограф был украден у науки шоу-бизнесом, тем самым отдалив его от искусства. Согласно другой позиции, кинематограф располагается на высшей ступени иерархии в силу синтетической природы нового зрелища.

Фотографическая природа новой культуры породила эпоху виртуальных пространств («фабрики грез»). Теперь человек имеет возможность создавать искусственную реальность, которая нередко становится единственным его прибежищем. Происходит построение модели, еще более приближающей аудиторию к миру вымыслов (несмотря на документалистский потенциал нового искусства).

Экранная культура представляет собой некую совокупность различных образов, в определенной степени существующих по законам построения мифа. Это положение подтверждается тем, что кинематограф воспринимается не столько разумом, сколько «сердцем», пробуждая желания и апеллируя к чувствам (то есть кинематограф воспринимается и оценивается бессознательно). Подобно мифу, кино направляет зрителей на подражание эталонным образцам, оперируя ценностями и создавая иллюзорную реальность, которые выражаются в некотором авторском субъективизме. В настоящее время экранная культура, заимствуя «наработки» классического мифа, представляет собой одно из проявлений мифологии, ориентированное на прошлое, и одновременно – на настоящее и будущее, она создает собственную, новую мифологию.

К основным задачам экранных мифов относится преодоление человеческих возможностей, освобождение от страхов перед неизвестным. В мифологической реальности зритель сам создает приемлемые образы и границы виртуального мифического мира. Порой этот мир сочетает в себе противоположные и взаимоисключающие картины мира, что свидетельствует о способности мифа выстраивать мир как целостный, непротиворечивый и целесообразный.

В начале XX в. психоаналитик З. Фрейд считал, что с помощью индивидуальной мифологии индивид выходит из массовой психологии [9]. Отсутствие объемных нарративов приносит дискомфорт человеку обыденного сознания, из-за чего он ощущает потребность в каждодневном поверхностном восприятии потока информации, порождаемого экранной культурой.

Однако поверхностное восприятие не позволяет человеку включиться в процесс осмысления образов экранной культуры, что делает возможным манипуляцию массовым сознанием. Таким образом, данный процесс выступает в качестве фундамента мифологизации сознания современного человека. В дальнейшем для данного явления характерен распад внутреннего мира человека, желающего избежать действительности, на несколько параллельно существующих

миров, в одном из которых индивид живет, в другом – работает, в третьем – отдыхает, в четвертом – любит, в пятом – творит и т. д. Целостность жизненного мифа современного человека, в отличие от первобытного, утрачивается.

Также следует обратить внимание на специфику мифотехнологий в искусстве кино, которое имеет много общего с магическим воздействием. «Заколдованный» зритель оказывается в руках манипуляторов, воздействующих на сознание и подсознание человека. Именно мифологическое мышление становится фундаментом коллективного бессознательного восприятия действительности.

Доктор искусствоведения В. Малышев определил следующие ключевые архетипы, используемые в качестве мифотехнологий в кинематографе:

- 1) архетип ребенка, символизирующий пробуждение индивидуального сознания и образа будущего;
- 2) архетип тени или двойника является символом подавляемых желаний и мотивов, а также образом зла, болезни или проблемы, решающейся чудесным образом;
- 3) архетип души или матери, символизирующий желание любить, защищать, жертвовать собой во имя любви. Данный архетип, с одной стороны, выражается как эротический образ, воплощающий тайные желания, а с другой – как образ верности и преданности;
- 4) архетип Анимуса, выступающего символом мужского начала как мужественности и силы, так и, с другой стороны, агрессии и насилия [10].

Основная сложность актуализации архетипов в кинематографе заключается в том, что для формирования в подсознании зрительской аудитории архетипического образа необходимо располагать информацией трансперсонального характера, то есть обладать знаниями глубинных механизмов коллективных ассоциативных связей.

Согласно мнению немецкого режиссера В. Вендерса, «фильмы формируют мировоззрение человека, их нельзя выбросить из головы, из души. Я, как “захватчик”, хочу захватить людские умы, вложить в головы зрителей некие идеи, образы» [11]. Из этого следует, что кинематограф непосредственно участвует в формировании мотивации, типов поведения и системы ценностей в обществе.

В заключение можно сделать вывод, что кинематограф является эффективным методом манипулирования индивидуальным и общественным сознанием. Оно способно оказывать влияние на многообразные социальные процессы путем отражения существующей реальности и воплощения на экране внутренних эмоций человека. Однако стоит согласиться и с мнением К. Г. Юнга о том, что обращение к мифологическим образам и сюжетам создает значительные произведения искусства, проникающие в глубины мироустройства, а использование архетипов становится своеобразными «кирпичиками» для фундамента, на котором создается культура [12]. В свою очередь, коллективное бессознательное, зашифрованное в кино, а также грамотное и гуманное его использование предстает как один из главных путей создания высокохудожественных, ярких и оригинальных образов современного кино.

Примечания

1. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2003. 464 с.
2. Там же. С. 203.
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. С. 160.
4. Там же.
5. Ямпольский М. Видимый мир. Очерк ранней кинофеноменологии. М., 1993. С. 10.
6. Огурчиков П. К., Геращенко Л. Л. О феномене возникновения экранной культуры // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 5 (121). С. 48.
7. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 129–132.
8. Бенъямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Немецкий культурный центр им. Гёте: «Медиум», 1996. С. 24–27.
9. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Изд-во «Современные проблемы» / пер. Н. А. Столляр. М., 1926. 35 с.
10. Малышев В. С., Геращенко Л. Л. Перспективы использования в киноискусстве архетипов коллективного бессознательного // Аналитика культурологии. 2014. № 29. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovanie-v-kinoiskusstve-arhetipov-kollektivnogo-bessoznatelnogo>, свободный.
11. Вендерс В. «Я – туристический агент» // Искусство кино. 2003. № 4. URL: <http://kinoart.ru/archive/2003/04/n4-article26>, свободный.
12. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. 304 с.

Notes

1. McLuhan M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External expansions of man]. M. Kuchkovo Pole. 2003. 464p.
2. Ibid. P.203.
3. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury* [The Gutenberg galaxy; The creation of a man of printed culture]. Kiev. 2004. P. 160.
4. Ibid.
5. Yampol'skij M. *Vidimyy mir. Ocherk rannej kinofenomenologii* [The visible world. Essays on early cinema-phenomenology]. M. 1993. P. 10.
6. Ogurchikov P. K., Gerashchenko L. L. *O fenomene vozniknoveniya ehkrannoj kul'tury* [On the phenomenon of the appearance of screen culture] // *Vestnik TGU – Herald of TSU*, issue 5 (121), 2013, p. 48.
7. Lotman YU. M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vol]. Vol. 1. Tallinn. 1992. Pp. 129-132.
8. Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v ehpohe ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The work of art in the era of its technical reproducibility]. M. German Cultural Center n.a. Goethe: «Medium». 1996. Pp. 24-27
9. Freud Z. *Psihologiya mass i analiz chelovecheskogo «YA»* [Psychology of the masses and analysis of the human «I»]. M. Publishing house «Modern problems» / Trans. N.A. Stollar. M. 1926. 35 p.
10. Malyshev V. S., Gerashchenko L. L. *Perspektivy ispol'zovanie v kinoiskusstve arhetipov kolektivnogo bessoznatel'nogo* [Prospects of using the archetypes of the collective unconscious in cinema art] // *Analitika kul'turologi – Analytics of culturology*. 2014, № 29 [Electronic resource] // Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovanie-v-kinoiskusstve-arhetipov-kolektivnogo-bessoznatelnogo>, free.
11. Wenders V. «YA – turisticheskij agent» [«I am a travel agent»] // *Iskusstvo kino – The art of cinema*. 2003, № 4 [Electronic resource] // Available at: <http://kinoart.ru/archive/2003/04/n4-article26>, free.
12. Jung K. G. *Arhetip i simvol* [ARCHETYPE AND SYMBOL]. M. 1991. 304 p.

УДК 122/129

А. Г. Корсунский

Коллективная интенциональность

Статья посвящена исследованиям в области коллективных интенций и действий. Интерес к исследованиям социальных групп, проблеме принятия коллективных решений, общих верований и убеждений только возрастает. Прояснить все эти вопросы может обращение к исследованиям в сфере коллективной интенциональности. В данной работе прослеживается история становления современных взглядов на коллективную интенциональность. Темы и смыслы, затронутые Вебером и Дюркгеймом, получили во второй половине двадцатого века новый импульс, их реактуализация в новом контексте и с помощью современного понятийного аппарата позволила продвинуться на пути понимания проблемы формирования коллективной интенциональности. В статье освещены основные современные философские взгляды на проблему коллективной интенциональности, проанализирована их критика, а также исследованы возможности дальнейшей разработки обозначенной проблемы.

The article aimed to investigation of collective intentions and actions. The research of social groups, the problems of making collective decisions, common beliefs are very important. All these research based on the investigation of the field of collective intentionality. This paper examines the history of the formation of modern views of the problem of collective intentionality. The themes and meanings, raised by Weber and Durkheim, received a new impetus in the second half of the twentieth century. Their reactivation in a new context, carried out by a modern conceptual approaches, made it possible to understand new meanings of the formation of collective intentionality. The article highlights the main modern philosophical views of the problem of collective intentionality. In addition, the author analyzed their criticism and the possibilities for further development in this domain.

Ключевые слова: коллективная интенциональность, социальные группы, групповое мышление, признание, социальная идентичность.

Keywords: collective intentionality, social groups, group thinking, recognition, social identity.

В последнее время всё больше внимания уделяется проблеме коллективной интенциональности, в надежде, что решение вопросов в этой области позволит по-новому взглянуть на всю деятельность социальных групп; обостряются дебаты, появляется всё больше публикаций на эту тему, но до сих пор не существует единого подхода в этом вопросе.

Целью статьи было исследование феномена коллективной интенциональности на примере социальных групп.

Одной из задач статьи было дать взвешенную оценку и интерпретацию современным исследованиям в области коллективной интенциональности. Для этого были сопоставлены индивидуалистический и неиндивидуалистический подходы, проанализирована их аргументация.

Теоретической базой для исследования послужили как классические работы Дюркгейма и Вебера, так и исследования современных философов, таких как Сёрл, Туомела, Миллер, Братман, Баер, Стоутленд, Мейжерс.

Поль Рикёр в работе «Путь признания» пишет, что «для человека действующего и испытывающего воздействие долг путь к признанию себя тем, кем он является на самом деле – человеком, “способным” определённым образом себя реализовать» [1]. Реализация себя в обществе, во множестве социальных групп не является простым процессом. Участие в социальной группе даёт её члену доступ к определённым ситуациям и возможностям действия, при этом «ситуация действия представляет себя как область актуальных потребностей в согласовании и возможностей действия...» [2].

Можно подобрать множество примеров ситуаций, когда, являясь членом социальной группы и участвуя в политических процессах, индивид зачастую полностью разделяет цели и ценности группы, полностью вовлечён в её деятельность, не имеет каких-либо личных целей.

Вовлеченность в деятельность социальной группы может иметь и отрицательные последствия для личности, «индивидуальная, «теплая», «внутренне живая» интенциональная личность может выдохнуться до состояния простого проводника» [3]. В таких негативных социальных процессах, где наступает доминирование группового мышления и начинается процесс деиндивидуализации, всё меньше и меньше зависит от личности, да и меньше самой личности, здесь «личность как маска, как роль, как замещающий представитель, короче говоря, как действующее лицо (acteur), в отличие от автора (auteur), обладающего собственными словами и действиями» [4].

Именно от таких случаев полной вовлеченности в деятельность группы перейдём к более детальному рассмотрению проблемы коллективной интенциональности, которая проявляется в различных режимах, в том числе в виде общего намерения, совместного внимания, общей веры, в коллективном признании и в коллективных эмоциях. Благодаря коллективной интенциональности мы можем рассуждать с точки зрения наших групп, мыслить себя в терминах наших социальных идентичностей и социальных ролей.

Коллективные интенции и действия

Тема коллективной интенциональности была поднята Джоном Сёрлом в статье 1990 г. «Коллективные интенции и действия». Основной философский вызов, связанный с анализом коллективной интенциональности, заключается в напряженности, которая чувствуется в выражении «отдельные лица как группа». Интенциональность, связанная с намерениями группы и групповым действием, понимается как интенциональность особого рода, которую Селларс называет «действием, направленным на референтное намерение», или, говоря иначе, «мы-намерение» [5]. Коллективная интенциональность не является простым суммированием, совокупностью или распределением индивидуальной интенциональности. Поэтому для её исследования стоит обратиться к сложной взаимосвязи взаимозависимых индивидуальных установок, вместо того чтобы рассматривать групповую интенциональность как намерение коллективного агента или как состояние некоторого коллективного разума [6].

Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер исследовали социальные процессы, тесно связанные с явлением коллективной интенциональности. Они пришли к совершенно разным и даже противоположным концепциям. Дюркгейм основывался в своих объяснениях на понятии «коллективного сознания», а Вебер провёл анализ «субъективного смысла» в коллективном, совместном действии.

Вебер известен тем, что приписывает интенциональной психологии решающую роль в обосновании ситуации, которая позже получит название модели рационального выбора. Вебер утверждал, что многие социальные ситуации являются ситуациями стратегической взаимозависимости между отдельными решениями. В таких ситуациях агенты выбирают свой предпочтительный курс действий на основе рациональных ожиданий предполагаемых действий других агентов. Но ожидания индивидуумов открыты для многих внешних влияний. Поэтому Вебер рассматривает случай, когда люди действуют исходя из того, что они просто согласны с другими агентами. В таком случае акторы могут иметь нормативные ожидания относительно поведения друг друга. Это решительный шаг за пределы того, что позднее стало известно как теория рационального выбора. Такие агенты выбирают ориентируясь не на то, что они считают лучшим, при этом учитывая возможные действия других, а, скорее, полностью полагаются на позицию других при обосновании своих действий.

У Вебера нет концепции общей цели, которую совместно преследовали бы рациональные агенты. Таким образом, в концепции Вебера внимание направленно на деятельность отдельных

людей, которые воспринимают влияние со стороны других только как ограничение своего индивидуального выбора.

В трудах Дюркгейма мы находим отрицание редукции коллективной интенциональности, что является следствием его отказа от индивидуальной преднамеренной автономии. С другой стороны, у Вебера в вопросе коллективной интенциональности всё сводится к индивидуалистическому отрицанию чего-либо подлинно коллективного.

Важный вклад в анализ коллективной интенциональности был сделан Шелером. В значительной степени его усилия были направлены на критику и пересмотр основных положений Дюркгейма и Вебера. Коллективная интенциональность, считает Шелер, не является комбинацией индивидуальной интенциональности и структуры взаимного осознания. Общее знание и общий план действия совсем не предполагают какого-либо совпадения намерений действующих агентов. Даже если знание об общем плане действия взаимно и открыто, намеренья отдельных личностей по-прежнему могут оставаться сугубо индивидуальными.

Следуя анализу Шелера, приходим к заключению, что у каждого члена социальной группы собственное отношение к происходящему и собственное намерение. Коллективная интенциональность, по его мнению, может быть объяснена идентичными реакциями на определённые события. Наиболее известным примером, о котором рассказывал Шелер, является ситуация, в которой родители потеряли ребёнка, при этом они, не задумываясь друг о друге, испытывают одинаковое переживание – горе [7]. Коллективная интенциональность, утверждает Шилер, не редуцируема.

Тем не менее трудно поверить в то, что участники коллективного интенционального состояния не имеют никаких представлений и расчётов относительно друг друга. Намерение участника основывается на предположении, что и другие намереваются выполнить свои части.

Оживлённые дискуссии ведутся по поводу вопроса об основе отношений между участниками коллективной интенциональности, является ли она когнитивной, или нормативной, или аффективной. Туомела, Миллер и Майкл Братман (1999) делают акцент на когнитивном аспекте коллективной интенциональности и подчёркивают важность общего знания [8]. Шмид утверждает, что рассматриваемый феномен является особой комбинацией когнитивного ожидания и аффективного доверия [9].

Коллингвуд в «Новом Левиафане» в главе под названием «Общество как совместная воля» утверждает, что нет ничего таинственного в «практическом общественном сознании» [10]. Общество, пишет Коллингвуд, это не что иное и не более, чем его члены. У социальной группы, по его мнению, нет никакой особой общей воли, а есть лишь воля отдельных её членов, их отдельные действия и их отдельная ответственность. Однако отдельному участнику всё же требуется общее представление о совместном мероприятии и о своей роли в нём. Кроме того, участник должен знать, что есть другие агенты, которые являются с ним партнерами в этом общем начинании. Таким образом, индивиды, а не группа намерены предпринять совместные действия.

Для приведённых выше рассуждений не лишним будет одно уточнение. Селларс справедливо считал, что чем меньше наших коллективных намерений и убеждений разделяет индивид, тем труднее становится видеть его «одним из нас». «Мы-намерения» – это вопрос «общей точки зрения», который подразумевает идентификацию с группой [11].

Содержание и «модусы» коллективной интенциональности

Обычно при анализе коллективной интенциональности выделяют её содержание, модус и субъектность. Содержание интенциональности – это то, на чём фокусируется субъект, или то, о чём идёт речь. Базовые интенциональные модусы – это модусы практического преднамеренного отношения (такие как намерения или желания), когнитивные или теоретические интенциональные установки (такие как убеждения или восприятия), аффективные или эмоциональные установки (такие как надежды и страхи). И, конечно, у интенциональности есть субъект, который является её источником и носителем.

Согласно Братману совместная деятельность требует, чтобы отдельные агенты, вовлечённые в эту деятельность, были взаимно отзывчивыми, то есть чтобы каждый стремился быть чутким к намерениям и действиям других, чтобы каждый планировал свое поведение с учетом поведения другого. Таким образом, формирование интенций отдельных индивидуумов внутри группы представляется Братманом взаимообусловленным, его теории коллективной интенциональности предполагают ссылки на совместную деятельность и взаимные реакции. Возможно, что подход, изначально предполагающий взаимосвязанность процессов формирования интенции, уже включает как предварительное условие то, что он должен доказать.

Уже в начале своего анализа коллективной интенциональности Братман подчёркивает, что его подход является «редукцией по духу» и поясняет, что основная «претензия... состоит в том, что коллективная интенциональность конституируется на основе взаимоотношений индивидумов и их интеракций» [12]. Следует отметить, что приверженность Братмана «я-формам» интенциональности является экспрессией индивидуализма, лежащего в основе его подхода. Согласно же Гуссерлю, который был далёк от индивидуализма, сознание нельзя рассматривать независимо от «внешнего мира», оно всегда интенционально, кроме того, особая роль отводится другому, подчёркивается важность интересубъективности.

Далеко не все философы приняли точку зрения Братмана, критика в основном была нацелена на конституирование коллективной интенциональности как социального явления, которое строится из «я-форм-отношений», словно из строительных блоков, кроме того, подчёркивалось занижение значимости таких отношений между вовлеченными лицами, как социальные роли, социальная идентификация.

Другой подход к анализу коллективных интенциональных состояний утверждает, что коллективность находится не только в содержании интенциональности, но также и в специфическом коллективном модусе или режиме «мы». Если люди разделяют намерение, то дело не в том, что каждый из них в отдельности намерен предпринять запланированное совместное действие; скорее, в данном подходе подчёркивается, что они намерены совершить действие именно совместно.

Раймо Туомела предлагает различать «я-модус» и «мы-модус», говоря о различных интенциональных направленностях, где отношение в я-режиме означает, что индивид рассматривается «как частное лицо», а в режиме «мы» он «является членом группы» [13].

Различия между отношениями, вербализованными в единственном числе, и отношениями, вербализованными во множественном числе, не следует смешивать с различием между режимами интенциональности, приведёнными выше. Идея, лежащая в основе модальных интенций, заключается в том, чтобы определить различие, которое может быть применено к практическим, когнитивным и аффективным интенциональным состояниям, давая концептуальную основу для анализа всего спектра коллективных интенциональных состояний. Идея состоит в том, что участвующие агенты имеют отношения особого рода или формы.

Джон Сёрл раскритиковал точку зрения Туомелы и Миллера как типичную «в том смысле, что они пытаются редуцировать коллективную интенциональность к индивидуальным интенциям плюс убеждениям» [14]. Но Сёрл также не принимает обратного утверждения, согласно которому коллективная интенциональность не подлежит редукции.

Для того чтобы коллективное действие было не просто совпадением на основе общего паттерна у отдельных индивидов, а носило преднамеренный характер, необходимо предположить сложную систему отношений, с помощью которой члены группы вовлечены в коллективное действие один посредством другого.

В своей более поздней работе о коллективной интенциональности Туомела развил идею, лежащую в основе его анализа «мы-интенций», и создал дифференцированную концепцию коллективной точки зрения, которая лежит в основе социальных и коллективных феноменов. В основе этой концепции лежит тонко проведённое различие между вариациями того, что он называет «я-модусом» и «мы-модусом», которые определяют способы, с помощью которых индивиды реализуют свои взаимоотношения в группе. Когда мотивы индивида находятся в «я-модусе», он может выполнять функции члена группы, но его отношение относительно соответствующих целей группы будет определяться личной заинтересованностью. Когда убеждения и мотивы индивида находятся в «мы-модусе», то он полностью вовлечён в деятельность группы, во всём разделяет групповые убеждения и идеи, подчиняет свои интересы интересам группы. Мы не будем останавливаться на изложении всех деталей этой концепции, особенно в части «коллективного признания» и «коллективной приверженности», а также так называемого «группового духа», однако обозначим основные контуры рассматриваемого подхода: согласно Туомеле источник коллективной интенциональности находится в специфическом модусе установления отношений, а коллективные феномены индивидуализированы в пределах комплексных интенциональных структур, которые включают такой специфический модус [15].

Более общая критика, которая касается как подхода, акцентирующего своё внимание на содержании коллективной интенциональности, так и подхода, рассматривающего модусы интенциональности, нацелена на индивидуалистическую структуру, в рамках которой сформулированы обе теории. Такие авторы, как Баер, Стоутленд, Мейжерс, призывали к преодолению тенденции использования концепций интенционального индивидуализма как исходных позиций для исследования коллективной интенциональности [16]. Критика названных авторов имеет своей целью оставить в прошлом все подходы, направленные на то, чтобы все коллективные отноше-

ния свести к отношениям индивидов, которые рассматриваются изолированно, к отношениям, которые могут быть вербализованы посредством «я-форм».

Неиндивидуалистический подход, скорее, направлен на понимание коллективной интенциональности как нередуцируемой, но он признаёт, что её структуры основываются на индивидуальных референциях коллективного контента, а её концепты основываются на «субъектах-в-отношениях». Неиндивидуалистический подход, согласно которому коллективная интенциональность является нередуцируемой и реляционной, основывается на анализе конкретных отношений индивидов, когда они «разделяют» коллективную интенциональность друг с другом.

Примечания

1. Рукёв П. Путь признания. Три очерка. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 141.
2. Хабермас Ю. От критической теории к теории коммуникативного действия / пер. с нем. Ульяновск: Изд-во Ульянов. гос. техн. ун-та, 2001. С. 134.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. С. 83.
4. Рукёв П. Указ. соч. С. 162.
5. Sellars W. Science and Metaphysics. Variations on Kantian Themes. Dordrecht: D. Reidel, 1968.
6. Bratman M. Faces of Intention: Selected Essays on Intention and Agency. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
7. Scheler M. The Nature of Sympathy. L.: Routledge, 1954.
8. Tuomela R. The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
9. Schmid H. Wir-Intentionalität. Kritik des ontologischen Individualismus und Rekonstruktion der Gemeinschaft. Freiburg i.Br., Alber, 2005.
10. Collingwood R. The New Leviathan. Oxford: Clarendon, 1947.
11. Sellars W. Essays in Philosophy and its History. Dordrecht: Reidl, 1974.
12. Bratman M. Op. cit. P. 104.
13. Tuomela R. The Philosophy of Sociality: The Shared Point of View. N. Y.: Oxford University Press, 2007.
14. Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. N. Y.: Oxford University Press, 2010. P. 58.
15. Tuomela R. The Philosophy of Sociality: The Shared Point of View...
16. Meijers A. Can Collective Intentionality be Individualized? // American Journal of Economics and Sociology. 2003. Vol. 62. P. 83.

Notes

1. Rikyor P. Put' priznaniya. Tri ocherka [The Course of Recognition. Three essays]/ M. Russian Political Encyclopedia. 2010. P. 141.
2. Habermas YU. Ot kriticheskoy teorii k teorii kommunikativnogo dejstviya [From Critical Theory to The Theory of Communicative Action] / translated from German. Ulyanovsk. Publishing house of Ulyanovsk State Technical University. 2001. P.134.
3. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social: an introduction to actor-network theory]/ M. Publishing house of the Higher School of Economics. 2014. P.83.
4. Rikyor P. Op. cit. P. 162.
5. Sellars W. Science and Metaphysics. Variations on Kantian Themes. Dordrecht: D. Reidel. 1968.
6. Bratman M. Faces of Intention: Selected Essays on Intention and Agency. Cambridge: Cambridge University Press. 1999.
7. Scheler M. The Nature of Sympathy. London: Routledge. 1954
8. Tuomela R. The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View. Cambridge: Cambridge University Press. 2002.
9. Schmid H. Wir-Intentionalität. Kritik des ontologischen Individualismus und Rekonstruktion der Gemeinschaft. Freiburg i.Br., Alber. 2005.
10. Collingwood R. The New Leviathan. Oxford, Clarendon. 1947.
11. Sellars W. Essays in Philosophy and its History. Dordrecht, Reidl. 1974.
12. Bratman M. Faces of Intention: Selected Essays on Intention and Agency. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 104.
13. Tuomela R. The Philosophy of Sociality: The Shared Point of View. New York: Oxford University Press. 2007.
14. Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press. 2010. P. 58.
15. Tuomela R. The Philosophy of Sociality: The Shared Point of View. New York: Oxford University Press. 2007.
16. Meijers A. Can Collective Intentionality be Individualized? // American Journal of Economics and Sociology. 2003, vol. 62, P. 83.

Деятельность и функции мещанской общины в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Курской губернии)

Мещанская община в прошлом играла важную роль для представителей своего общества и государства. В данной статье рассматривается ряд важнейших функций мещанской общины, которая занималась приемом в свой состав новых граждан, ведала вопросами увольнения из общества, взиманием налогов, осуществляла представительские и многочисленные правовые и организационные функции. Автор выделяет функции управления, хозяйственно-экономическую деятельность и социальную защиту. Основа общины – мещанское сословие, являясь главной городской категорией производителей в сфере материально-го производства, могло бы составить костяк среднего класса и стать возможным социальным источником развития в России малого бизнеса.

В основу данного исследования положены материалы Государственного архива Курской области, а также законодательные акты, представленные Сводом законов Российской империи и Законами о состояниях.

The philistine community played an important role for representatives of its society and state. This article is being considered a series of the most important functions of the philistine community, which was engaged in the admission of new citizens, was responsible for dismissal from society, collecting taxes, exercising representative and numerous legal and organizational functions. The author distinguishes the functions of management, economic activities and social protection. The basis of the community – the philistine class, being the main urban category of manufacturer in the sphere of material production, could form the support of the middle class and become a possible social source for the development of small business in Russia.

This research is based on the materials of the State Archives of the Kursk Region, as well as legislative acts presented by the Code of Laws of the Russian Empire and the Laws of States.

Ключевые слова: мещанская община, функции, управление, мещанское сословие.

Keywords: philistine community, functions, control, philistine class.

Мещанская община играла важную роль для представителей своего общества и государства. Именно община осуществляла ряд функций, которые распространялись на мещанское сословие. Одними из наиболее существенных функций мещанских общин были контрольные, которые распространялись на сословный строй, паспортный режим, общественный порядок в городе и др.

Чтобы стать мещанином, нужно было родиться в мещанской семье, или перейти в мещанское сословие, или связать себя узами брака с мещанином [1]. Во всех этих ситуациях новый представитель вносился в общинные списки, которые являлись официальным документом.

Чтобы перейти в сословие мещан, нужно было получить разрешение мещанской общины. Такой же порядок существовал при переводе мещан из одного общества в другое и при смене сословной принадлежности – община во всех этих случаях должна была выдавать увольнительный приговор [2]. Примером для зачисления в мещанское общество другого города является прошение обоянского мещанина Михаила Грибанова за своего родственника Ксенофонта Харченкова. В прошении он просит выдать свидетельство обоянского мещанского общества для перехода его родственника в другое мещанское общество одного из городов Харьковской губернии вместе со всем семейством и состоянием [3]. В соответствии с Законами о состояниях мещанин мог перевестись в другой город или перейти в крестьянскую общину, в ремесленную корпорацию, купеческое сословие и на государственную службу.

Общинный сход занимался вопросами о приеме и увольнении из общины. Все документы, подписанные участниками схода, отправлялись в Казенные палаты, которые в дальнейшем формировали новую общинную или сословную принадлежность мещанина. Однако была группа лиц, которым не требовалось согласия мещанской общины:

- 1) отставные солдаты, поступившие на службу по рекрутскому (до 1874 г.);
- 2) воспитанники сиротских домов в возрасте 21 года;
- 3) незаконнорожденные (вне зависимости от того, к какому званию принадлежали их матери); подкидыши и не помнящие родства своего, принятые на воспитание лицами, которые не принадлежали к бывшему податному состоянию;
- 4) иноверцы, принявшие христианскую веру;
- 5) дети канцелярских служащих [4].

Эти лица приписывались в мещанское общество с разрешения Казенных палат. Однако они были лишены права голоса на мирских сходах и обозначались в общинных списках лишь для общей численности. Только через пять лет они могли просить разрешения у мещанской общины стать полноправными членами мещанского общества [5].

Помимо этого следует упомянуть о взимании вступительных взносов при приеме в мещанские общины. Все эти взносы можно разделить на две группы:

- 1) уплата налогов в государственную казну;
- 2) финансирование собственного самоуправления.

Все лица мещанского сословия подлежали налогообложению начиная с 18-летнего возраста. Размер налогов не был постоянным и одинаковым для всех мещан. Рассмотрим этот вопрос на примере Курской губернии по состоянию на 1897 г. Так, налогообложение мещан г. Белгорода составляло 1 руб. 20 коп. с каждого. При этом реальный доход городской казны составил 3 тыс. руб. [6] Другая ситуация сложилась в Фатеже. Так, в зависимости от финансового положения мещан сумма налога была разделена между всеми членами общества. В среднем сумма разнилась в пределах от 65 коп. до 7 руб. 80 коп., а в городской бюджет поступило 746 руб. 85 коп. [7] В Путивле налог с каждого мещанина составлял от 50 коп. до 65 коп., 1 руб. 50 коп. и 3 руб. В Щиграх разница в налогообложении членов мещанского общества также была весьма значительной – от 50 коп. до 5 руб., всего же в городской бюджет поступило 348 руб. 91 коп. и т. д. [8]

Кроме налогов мещане должны были платить «добровольные взносы». Сумма этих взносов была достаточно большой. Так, к примеру в Обояни в 1862 г. в государственную казну было собрано 1096 руб. 65 коп. серебром, а добровольный взнос на содержание мещанского управления составил 2 788 руб., то есть значительно большую сумму [9].

Теперь рассмотрим основные статьи расходов мещанских управ. Например, в 1896 г. расходы Белгородской управы составили следующее: жалованье мещанскому старосте в размере 360 руб. в год и двум членам управы по 240 руб. в год каждому, секретарю управы – 360 руб., помощнику секретаря – 240 руб., комиссарам по сборам общественных повинностей – 264 руб., сторожу – 144 руб., на отопление помещения управы – 100 руб., на канцелярские расходы – 200 руб. В то же время социально направленные расходы выразились только в выделении пособия на содержание приходских училищ г. Белгорода в размере 250 руб. Эта сумма была распределена следующим образом: 100 руб. было выделено мужскому училищу, 50 руб. – женскому и оставшиеся 100 руб. – училищу им. Саввы Морозова [10]. Более подробно расходы мещанских обществ в Курской губернии представлены в таблице.

**Расходование бюджетных средств мещанскими обществами
Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. [11]**

Города	Основные группы расходов мещанских обществ, в руб.		Общий бюджет, в руб.
	на содержание мещанского управления	на социальные нужды	
Курск	4347	1456	5803
Белгород	2148	250	2398
Грайворон	402	136	538
Ст. Оскол	502	200	702
Щигры	730	50	780
Нов. Оскол	380	245	625
Путивль	370	224	594
Суджа	840	450	1290
Рыльск	944	180	1124
Дмитриев	632	602	1234
Обоянь	512	335	847
Льгов	410	84	494
Короча	720	–	720
Фатеж	347	336	683
Тим	256	402	658
Итого:	13 540	4950	18 490
	73,2%	26,7%	100%

На основе анализа таблицы видим, что сумма расходов всех мещанских управ городских центров Курской губернии составила 18 490 руб. При этом большая часть денежных средств, 13 540 руб. (73,2%), была потрачена на содержание мещанского управления. Из этой же таблицы находим, что на социальные нужды выделялось меньше всего средств – 4 950 руб. (26,7%). В основном эти расходы шли на содержание социальных учреждений (больниц, училищ, богаделен).

Еще одним важным занятием, которое контролировала община, была выдача паспортов. Если мещанин собирался уйти из общины на неопределенное время (при этом не выписываясь из нее), он должен был получить «увольнительное свидетельство» – билет или паспорт: «Никто не может отлучиться от места своего постоянного жительства без узаконенного вида, или паспорта», – отмечалось в Своде законов [12].

Паспортная система и учет должны были способствовать исправному платежу мещанами государственных податей, отбыванию воинской повинности и государственному контролю за населением в целом.

Помимо этого государство возлагало на мещанские общины и другие контрольные функции. Так, мещанская община должна была принимать решение в отношении лиц, чье «поведение не соответствовало званию мещанина» [13]. К мещанам, которые были замечены в пьянстве, мотовстве и вообще в «порочном» поведении, применялись различные меры наказания – «разные казенные работы, городские и частные» [14]. Под «порочными» мещанами подразумевались лица, которые не платили подати, и бродяги, промышлявшие на стороне часто с просроченными паспортами, а иногда и вообще без них [15].

Еще одной важной функцией мещанской общины была хозяйственно-экономическая. К середине XIX в. сформировался комплекс основных занятий мещанства, среди которых выделялись ремесло, сельское хозяйство и промыслы, торговля, работа по найму, извоз. Мещанская община оказывала помощь городу в ведении хозяйства.

Одним из существенных доходов мещан являлось использование земельных участков. Для мещан земельный вопрос стал острым после реформы 1870 г., когда городские земли перешли в ведение всесословных органов городского управления, а мещанские общества, распоряжавшиеся землей до реформы, потеряли на нее права. Вся земля, разбитая на разные по площади участки, стала сдаваться в аренду с торгов [16]. Это давало большие перспективы для спекуляции землей. При покупке больших участков земли их дробили и продавали мещанам по завышенной в несколько раз цене. В своей статье «Мещане и город» московский исследователь Я. В. Абрамов отмечал следующее: «...для мещан, как и для крестьян, земельный вопрос есть главный вопрос их существования, и что вопрос об эксплуатации городских земель должен обратить на себя особенное внимание при пересмотре Городового положения, окончательно уничтожившего городскую поземельную общину и лишившего земли миллионы мещан» [17]. Согласно сведениям Центрального статистического комитета, количество десятин земли, принадлежавших личным собственникам в Курской губернии, к 1877 г. составило 1 426 851 дес., из них мещанам принадлежало 17 517 дес. земли [18].

В сложившейся ситуации община выступала посредником между мещанскими семьями и лицами, с одной стороны, и городом – с другой. Действуя вместе, мещане могли проще добиться от городских властей послаблений при выделении и аренде земельных участков, особенно в трудных ситуациях.

Еще одной значимой функцией для мещанской общины были выборы представителей Сиротских судов, ведавших опекунами делами городских сословий.

Теперь перейдем к рассмотрению социальных функций мещанских общин. Среди этих функций можно выделить следующие: оказание мещанам помощи при лечении в земских и городских больницах, воспитание сирот, создание продовольственных капиталов на случай неурожая, а также выделение денежных пособий малообеспеченным мещанским семьям.

Оказание помощи малоимущим мещанам при лечении предписывалось законом: «...за пользование в больницах неимущих больных, принадлежащих к разным ведомствам, или же городским и сельским обществам, взыскивается плата с означенных ведомств или обществ, ведению коих принадлежат призреваемые» [19]. Медицинские учреждения принимали всех мещан независимо от материального положения лечившихся, а затем они обращались за оплатой в общины. Так, в Щиграх мещанское общество в 1897 г. выделило для этих целей 50 руб. [20] Мещанская община Нового Оскола в 1898 г. выплатила больницам 60 руб., а богадельням – 25 руб. [21] В Путивле в том же году на содержание больниц и богаделен было потрачено 200 руб. [22] В Судже мещанская община на содержание богаделен израсходовала 25 руб., а на лечение малоимущих мещан – 210 руб. [23] В 1901 г. мещанское общество г. Дмитриева потратило на лечение мещан 50 руб., на содержание богаделен – 220 руб., а на пособие неимущим 197 руб. [24] В Обояни на ле-

чение мещан было выделено 250 руб., а на содержание сирот – 60 руб. [25] Лечение мещан в Старом Осколе в 1896 г. обошлось мещанской общине в 200 руб. [26] В Фатеже в 1901 г. мещанская община потратила на лечение мещан 160 руб. [27] В том же году мещанское общество г. Тима выделило 150 руб. на оказание мещанам медицинской помощи, а также пособие бедным в размере 252 руб. [28] Особо отметим Курское мещанское общество, которое в 1901 г. на лечение мещан потратило 1 200 руб. [29]

В заключение отметим, что мещанская община выполняла ряд важных функций, которые были возложены на нее государством. Среди них назовем управление, хозяйственно-экономическую деятельность и социальную защиту. Мещанская община занималась приемом новых граждан в свое общество, а также вопросами увольнения. Еще одной значимой задачей мещанской общины было взимание налогов, которые шли в государственную казну и на собственные нужды. Правительство вплоть до начала XX в. продолжало интеграцию мещанской общины в сферу государственного управления и контроля.

Примечания

1. Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1899. С. 158.
2. Там же. С. 159.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.
4. Свод законов Российской империи... Т. IX. С. 157.
5. Свод законов Российской империи...
6. Долженков И. А. Финансовое положение органов сословного мещанского управления в городах Российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Курской губернии) // Ученые записки: электрон. науч. журн. КГУ. № 3. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/021-020.pdf>
7. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 7092. Л. 3–6.
8. Там же. Д. 7337. Л. 2–5.
9. Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–6.
10. Долженков И. А. Указ. соч.
11. Там же.
12. Свод законов Российской империи Т. XIV. СПб., 1857. С. 3.
13. Там же. Т. IX. С. 161.
14. Там же. С. 162.
15. Там же. Т. XIV. С. 56.
16. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 241–242.
17. Абрамов Я. В. Мещане и город // Отечественные записки. № 3. СПб., 1883. С. 2.
18. Статистика землевладения 1905. Вып. 37. Курская губерния. СПб., 1906. С. 39.
19. Свод законов Российской империи. Т. XIII. СПб., 1892. С. 102.
20. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 7337. Л. 2–7.
21. Там же. Л. 8.
22. Там же. Д. 7357. Л. 5–6.
23. Там же. Д. 7356. Л. 3–7.
24. Там же. Л. 2–3.
25. Там же. Д. 7347. Л. 2–5.
26. Там же. Д. 7348. Л. 3–4.
27. Там же. Д. 7375. Л. 2–6.
28. Там же. Л. 2–3.
29. Там же. Л. 2–7.

Notes

1. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. IX. SPb. 1899. P. 158. (in Russ.)
2. Ibid. P. 159.
3. State Archives of the Kursk Region (GAKO). F. 234. Inv. 1. File 15. Sh. 4.
4. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. IX. SPb. 1899. P. 157. (in Russ.)
5. Code of Laws of the Russian Empire...
6. Dolzhenkov I. A. Finansovoe polozhenie organov soslovnogo meshchanskogo upravleniya v gorodakh Rossijskoj provincii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere Kurskoj gubernii) [The financial situation of the institution of the estate philistine management in the cities of the Russian province in the second half of the XIX – beginning of XX century. (On the example of the Kursk province)] // *Uchenye zapiski: ehlektron. nauch. zhurn. KGU* – Scientists note: Electronic scientific journal of KSU. – № 3. Available at: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/021-020.pdf>.
7. GAKO. F. 33. Inv. 2. File 7092. Sh. 3–6.
8. Ibid. File 7337. Sh. 2–5.
9. Ibid. F. 234. Inv. 1. Sh. 2–6.

10. Dolzhenkov I. A. *Op. cit.*
11. Ibid.
12. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XIV. SPb. 1857. P. 3. (in Russ.)
13. Ibid. Vol. IX. P. 161.
14. Ibid. P. 162.
15. Ibid. Vol. XIV. P. 56.
16. Koshman L. V. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty* [City and city life in Russia in the XIX century: social and cultural aspects]. M. 2008. Pp. 241–242.
17. Abramov YA. V. *Meshchane i gorod* [Philistine and the city] // *Otechestvennye zapiski* – Domestic scraps. № 3, Spb, 1883, p. 2.
18. *Statistika zemlevladieniya 1905* – Land tenure statistics for 1905. Edition – 37. Kursk province. SPb. 1906. P. 39.
19. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XIII. SPb. 1892. P. 102.
20. GAKO. F. 33. Inv. 2. File 7337. Sh. 2–7.
21. Ibid. Sh. 8.
22. Ibid. File 7357. Sh. 5–6.
23. Ibid. File 7356. Sh. 3–7.
24. Ibid. Sh. 2–3.
25. Ibid. File 7347. Sh. 2–5.
26. Ibid. File 7348. Sh. 3–4.
27. Ibid. File 7375. Sh. 2–6.
28. Ibid. Sh. 2–3.
29. Ibid. Sh. 2–7.

УДК 94(470.5)

И. И. Чернышева

Общее образование взрослых на Урале накануне Великой Отечественной войны: структурно-организационный аспект

В статье анализируется становление системы общего образования взрослых на Урале, которое практически завершилось в мирные годы третьей пятилетки. Оформилась структура нового типа школ взрослых (начальные, неполные средние и средние, по аналогии с детскими школами), определилось их финансирование, внедрены единые учебные планы и программы. Особенностью школ взрослых было то, что они занимались не только повышением общего образования работавшего населения, но и решали задачи ликвидации неграмотности и малограмотности взрослых. Исследование, проведенное впервые на материалах Уральского региона, основано на архивных документах и периодической печати того времени. Они позволили реконструировать процесс становления школ взрослых на Урале, проанализировать половозрастной и социальный состав учащихся, определить причины отсева учащихся. Сокращение школ взрослых перед войной было связано с оптимизацией сети, с введением платы за обучение в старших классах и формированием системы трудовых резервов. Автор приходит к выводу, что созданная система общего образования взрослых на Урале оказалась востребованной и подтвердила эффективность модернизации сферы образования накануне Великой Отечественной войны.

The article analyzes the formation of the general adult education system in the Urals, which practically ended in the peaceful years of the Third Five-Year Plan. The structure of a new type of adult schools (primary, incomplete secondary and secondary, by analogy with children's schools) was formed, their financing was determined at the expense of state and local budgets with insignificant attraction of trade union funds, uniform curricula and programs were introduced. The peculiarity of adult schools was that they engaged not only in raising the general education of the working population, but also in solving the problems of eliminating illiteracy and adult illiteracy. The study, conducted for the first time on materials of the Ural region, is based on archival documents and periodicals of that time. They allowed to reconstruct the process of the establishment of adult schools in the Urals, analyze the gender, age and social composition of the students, determine the reasons for dropout. As documents show, the reduction of adult schools was associated with the optimization of the network, with the introduction of tuition fees in the senior classes and the formation of a system of labor reserves. The author comes to the conclusion that the established system of general adult education in the Urals proved to be in demand and it confirmed the efficiency of modernization of the education sector on the eve of the Great Patriotic War.

Ключевые слова: образование взрослого населения, типы школ взрослых, неграмотные, малограмотные, Урал, Свердловская область.

Keywords: adult education, types of adult schools, illiterate, semi-literate, Ural, Sverdlovsk region.

В 1930-е гг. на фоне коренных преобразований экономики происходило складывание системы общего образования взрослого работавшего населения. В 1934 г. появляются школы повышенного типа. Они создавались для рабочих ведущих отраслей промышленности, для актива совхозов и колхозов. От поступающих требовалось образование за начальную школу. Школы эти давали знания в объеме семилетки. В 1936 г. они были преобразованы в школы нового типа – неполные средние школы (НСШ) и средние школы (СШ) взрослых. В то же время после ликвидации общества «Долой неграмотность» вся работа борьбы с неграмотностью перекладывалась со школ ликбеза на школы грамоты и школы для малограмотных. Реформирование образования взрослых началось после выхода постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 января 1936 г. «О работе по обучению неграмотных и малограмотных». Оценка работы этих учебных заведений в литературе различна. Одни авторы полагают, что унификация школ взрослых по образцу детских школ оказалась преждевременной, во второй половине 1930-х гг. произошло ослабление внимания государства к школам взрослых, развитие образования в этот период сузилось [1]. Н. Б. Цибульский, наоборот, считает, что во второй половине 1930-х гг. начинается новый этап движения за всеобщую грамотность [2]. Историк М. А. Фельдман утверждает, что формирование системы среднего образования трудящихся начинается только с 1939 г. [3] Проблема обучения взрослого работающего населения в стране требует тщательного изучения, особенно в индустриальных регионах, таких как Урал, где по переписи 1926 г. грамотность населения была ниже, чем в среднем по стране.

Документы архивов, данные переписей населения позволяют выявить особенности формирования системы образования взрослого населения, но и рост уровня образования взрослого населения Урала.

Огромный рост в 1936/37 учебном году школ грамоты и школ для малограмотных и учащихся в следующем году сменился сокращением, число неполных средних и средних школ и учащихся в них, наоборот, существенно выросло, поскольку был взят курс на расширение 7-летнего и 10-летнего образования взрослого работавшего населения (см. табл. 1). Уменьшение школ было вызвано стремлением властей к введению стационарных школ для взрослого населения с соответствующим материально-хозяйственным состоянием. Школы и группы для неграмотных и малограмотных, которые располагались в красных уголках, бараках, комнатах учреждений в нерабочие часы, в общежитиях рабочих, на лесных базах, в квартирах культармейцев, в избах-читальнях, где отсутствовали наглядные пособия, школьные доски, счеты и пр., закрывались [4]. Ученики не были обеспечены достаточным количеством учебников и тетрадей [5]. Власти признавали, что сеть школ взрослых планировалась неправильно, они открывались в таких местах, где не было необходимых условий для учебы. Школы были, как тогда писали, «карликовыми» [6].

Только в 1939 г. стала создаваться сеть школ для малограмотных (распоряжение Наркомпроса РСФСР от 29 января 1939 г.) [7]. Они могли остаться как на предприятиях, так и в деревне с условием выполнения следующих требований: обязательно с платным преподавателем («политически проверенным и имеющим среднее педагогическое образование, или общее среднее»), иметь не менее двух групп с числом учащихся не менее 20 человек в каждой группе. На территории сельского совета должна быть одна школа, которая отвечала за борьбу с неграмотностью и внедрение начального образования взрослых. Рекомендовалось устраивать эти школы в помещениях детских начальных школ, использовать их учебное оборудование. С 1939/40 учебного года школы для неграмотных и для малограмотных объединялись в двухгодичную начальную школу взрослых, задачей которой было устранение разрыва между начальным и средним образованием взрослых. В связи с этим отпала необходимость в подготовительных группах к пятому классу [8]. Таким образом, была внедрена полная унификация в структуре, учебных планах и программах школ взрослых с подобными массовыми детскими школами. Тем самым в основном завершилось формирование системы общего образования взрослых, для которой были характерны последовательность и преемственность составляющих элементов.

**Общеобразовательные школы взрослых
и группы прикрепленных к школам групп по Свердловской области в 1938 г. [9]**

Типы школ	01.01.1938		01.01.1939			
	всего		всего		в т. ч. на селе	
	школ	учащихся	школ	учащихся	школ	учащихся
1. Школы для неграмотных	1252	27 058	766	14 842	225	3579
в т. ч. ОНО	642	10 189	192	3071	147	2158
профсоюзов	521	15 424	495	10 467	47	816
прочих ведомств и организаций	89	1445	79	1304	31	605
2. Школы для малограмотных	1440	47 110	954	29 005	298	5935
в т. ч. ОНО	668	12 225	201	4787	145	2995
профсоюзов	674	32 647	594	21 467	51	1223
прочих ведомств и организаций	98	2238	159	2751	102	1717
3. Школы взрослых повышенного типа	106	10 717	154	18 249	49	2395
в т. ч. ОНО	97	9612	145	16 963	48	2380
профсоюзов	8*	867	9	1286	1	15
прочих ведомств и организаций	1	230	–	–	–	–
Итого	2798	84 885	1874	62 096	572	11 909

* Школы Наркомата путей сообщения СССР.

Организационная структура школ взрослых на начало третьей пятилетки представлена в табл. 1. Большая часть школ для неграмотных и для малограмотных содержалась за счет профсоюзов, различных ведомств и организаций, школы взрослых повышенного типа – за счет средств из государственного бюджета. За 1938 г. количество школ взрослых в Свердловской области сократилось на одну треть – с 2798 до 1874. По типам школ это произошло неравномерно: если школ для обучения неграмотных стало на 39% меньше, школ для малограмотных – на 34%, то количество неполных средних и средних школ, наоборот, увеличилось на 45,3%. В большей степени были закрыты школы, находившиеся на местном бюджете (школы ОНО). Школ для неграмотных стало меньше на 70,1%, в то же время количество подобных школ, содержавшихся за счет профсоюзов, уменьшилось на 7%, то же произошло и со школами для малограмотных – соответственно: 69,9% и 11,9%. Сократилось и количество обучавшихся в школах взрослых – на 40,8% (на 45,1% в школах для неграмотных и на 38,4% в школах для малограмотных). Скорее всего, местные власти посчитали, что острота проблемы с неграмотностью спала, можно было направить средства на расширение 7-летнего и 10-летнего образования. Данные табл. 1 показывают, что количество НСШ и СШ увеличилось со 106 до 159, причём большая их часть (92,4%) финансировалась из государственного бюджета, учащихся в них за год выросло на 70,3%.

Сокращение школ взрослых наблюдалось во всех районах Свердловской области, работники ОНО заметили, что закрылись школы, которые были образованы в 1936–1937 гг. В ряде сельскохозяйственных районов – Манчажском, Ачитском, Камышловском, Пышминском, Туринском, Еланском, Махневском, Исовском, Ирбитском – большинство школ и групп неграмотных и малограмотных к занятиям к концу декабря 1938 г. не приступили [10]. Разваливались школы и группы взрослых, которые организовывались по постановлению первичных комсомольских организаций или по решению фабрично-заводских комитетов. Они не оказывали достаточной помощи в создании материальной базы, не участвовали в подборе педагогов, качество обучения в них оставалось низким, большим был отсев учащихся. Не дождавшись окончания учебного года, они закрывались.

Возрастной и половой состав обучавшихся в общеобразовательных школах взрослых позволяет реконструировать материалы всесоюзной переписи населения, прошедшей 17 января 1939 г. (табл. 2).

Состав учащихся общеобразовательных школ взрослых Свердловской области в январе 1939 г. [11]

Возраст	Все население области			Городское			Сельское		
	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего
До 17 лет	1887	2053	3940	1557	1758	3315	330	295	625
18–29 лет	7586	11512	19098	6616	10377	16993	970	1135	2105
30–39 лет	2989	5083	8072	2672	4450	7122	317	643	960
40 лет и старше	731	1468	2199	654	1204	1858	77	264	341
Всего	13196	20128	33324	11500	17791	29291	1696	2337	4033

Данные табл. 2 показывают, что подавляющая часть учащихся школ взрослых проживала в городах (87,9%), что было особенностью Свердловской области, являвшейся промышленно развитой и высоко урбанизированной (доля городского населения в 1937 г. составляла 57%). На селе обучалось только 12,1% от всех учащихся школ взрослых. Половой состав также отличался от других регионов, женщин в школах взрослых было 60,4% (в городах – 60,7%), мужчин – соответственно 39,6% (в городах – 39,3%). Большая часть учащихся была в возрасте 18–29 лет (57,3%), далее шла группа 30–39-летних (24,3%), учащихся в возрасте до 17 лет было 11,8%, а в возрасте 40 лет и старше – только 6,6%. Во всех возрастных группах преобладали женщины, особенно в возрасте 30 лет и старше.

Работники системы образования пребывали в уверенности, что ликвидация неграмотности практически завершена, следовательно, необходимо развивать и расширять возможности получения взрослым населением 7-летнего и 10-летнего образования, поскольку начальное образование уже не удовлетворяло потребностям экономического развития. Борьба с неграмотностью и малограмотностью взрослого населения переросла в работу по повышению его образовательного уровня.

Однако данные переписи 1939 г. и данные текущей статистики о количестве неграмотных, составленные Наркомпросом РСФСР и его органами на местах, существенно различались. Н. Ф. Гаврилов (заместитель наркома просвещения РСФСР) с горечью признался: «Перепись показала, что количество неграмотных в РСФСР значительно больше, чем мы предполагали. Оказалось, их у нас в три раза больше, чем указывалось статистикой Наркомпроса» [12].

Коллегия Наркомпроса РСФСР 27 ноября 1939 г. приняла постановление «О ходе обучения неграмотных и малограмотных» [13]. В нем констатировалось, что полного завершения ликвидации неграмотности к 1 января 1939 г. не произошло. По данным 32 краевых отделов народного образования и Народного комиссариата просвещения АССР, на 1 октября 1939 г. обучалось всего лишь 32% неграмотных. Не выполнено требование партии и правительства, чтобы среди призывников в ряды Красной армии не было ни одного неграмотного и малограмотного. Главными причинами срыва плана были названы: несогласованность в работе отделов народного образования с профсоюзами и комсомольскими организациями, отсутствие личного контроля со стороны руководящих работников ОНО за ходом обучения неграмотных и малограмотных на предприятиях, в селах и колхозах, недостаточное привлечение местных советов к работе.

Коллегия поручила Управлению по образованию взрослых пересмотреть существующие программы школ для неграмотных и малограмотных и разработать единую программу начальной школы, обеспечивающую подготовку трудящихся РСФСР для дальнейшей успешной учебы в неполных средних школах и средних школах взрослых. В дополнение к приказу Наркомпроса РСФСР от 29 января 1939 г. «О создании твердой сети школ для малограмотных» было рекомендовано в качестве эксперимента в 1940 г. организовать 1000 начальных школ взрослых с одним платным учителем. Твердая сеть школ для малограмотных с платным преподавателем должна быть установлена к концу февраля 1939 г. Предполагалось, что эти школы должны создаваться районными ОНО при наиболее крупных сельсоветах, на предприятиях профсоюзами с обязательной регистрацией каждой школы в РОНО до 15 мая. При этом наркомат предостерегал о недопущении имевших место ошибок, когда установленная сеть школ с платным преподавателем открывалась без учета выделенных средств, а через два-три месяца свертывалась, кадры преподавателей уходили из системы народного образования из-за невыплат зарплаты. Или, когда весь бюджет школ для неграмотных переключался на обучение допризывников, школы распадались [14]. Наркомпросом РСФСР в приказе от 23 октября 1940 г. «О работе по завершению ликвидации неграмотности и малограмотности», подписанном наркомом В. П. Потемкиным, уточнены данные о количестве неграмотных и утверждён план её постепенного завершения к январю 1943 г. [15]

Структурные и организационные изменения в мирные годы третьей пятилетки заметно повлияли на состав учеников в школах взрослых. В первую очередь, оказалось, что рабочие не составляли уже основную группу учащихся неполных средних школ и средних школ взрослых. Об этом свидетельствуют данные табл. 3, они составлены на основе выборочного обследования, проведенного Центральным методическим кабинетом школ взрослых, в Москве и различных областях РСФСР.

Таблица 3

**Состав учащихся 5–7-х классов по городским
и районным школам взрослых РСФСР в 1940 г. (в % к итогу) [16]**

Профессиональный состав*	Процентное отношение лиц каждой группы к общему числу учащихся	Мужчины	Женщины	До 18 лет	18–22 лет	23–29 лет	30–35 лет	36–40 лет и старше	Одиноким	Семейные	Члены ВКП(б)	Члены ВЛКСМ
Промышленные рабочие	19	51	49	19	32	30	19	–	80	20	4	31
Средние служащие	26	24	76	15	31	31	20	3	70	30	10	25
Подсобные рабочие и служащие	5	–	100	3	30	29	16	13	70	30	–	30
Домохозяйки	18	–	100	–	6	33	37	23	–	100	2	–
Домработницы	6	–	100	41	37	17	5	–	100	–	–	14
Члены семей рабочих и служащих	19	20	80	75	23	2	–	–	100	–	–	8
Административно-технические работники	2	82	18	–	10	54	–	18	55	45	36	36
Военнослужащие	2	100	–	–	18	64	18	–	40	60	18	27
Пенсионеры и не указавшие рода занятий	3	40	60	22	12	40	–	26	54	46	20	–
Всего учащихся	100	23	77	25	24	25	18	8	66	34	5	18

*К промышленным рабочим отнесены все работающие у станка, а также шоферы, электромонтеры и другие квалифицированные рабочие.

К подсобным рабочим – чернорабочие, курьеры, санитарки, технические служащие школ.

К средним служащим – счетоводы, бухгалтеры, завхозы, кладовщики, медицинские сестры, воспитательницы детских садов, табельщицы, регистраторы, секретари, приёмщики ателье.

К административному персоналу – мастера, начальники цехов и другие руководящие работники.

Данные табл. 3 отражают характерное для городских и районных школ взрослых соотношение между различными группами учащихся 5–7-х классов. По указанным классам большую часть (26%) составили служащие, второе место занимали домохозяйки и домработницы (24%) и только на третьем месте были рабочие (19%) и члены семей рабочих и служащих (19%). В составе каждой группы имелись учащиеся разных возрастов: ученики в возрасте до 18 лет были в основном рабочими, домработницами и членами семей, в возрастной группе 18–22 года большую долю составляли рабочие и служащие, а далее шли домработницы и домохозяйки. Эти две возрастные группы вместе насчитывали половину обучавшихся. Около четверти учеников были в возрасте 23–29 лет. Примерно такую же долю занимали учащиеся в возрасте 30 лет и старше (в основном в возрасте 30–35 лет). Данные о семейном положении показывают, что две трети учащихся были одиночками (среди работавших учащихся они составляли 70–80%), семейные – одну треть (в большей степени это были домохозяйки, военнослужащие, административно-технические работники и пенсионеры). Подавляющая часть учащихся школ взрослых не состояли в партии и в комсомоле, членами ВКП(б) были 5%, членами ВЛКСМ – 18% учащихся школ взрослых.

Острой проблемой школ взрослых оставался отсев учеников. В 1939/40 учебном году из 360,3 тыс. учащихся средних школ взрослых РСФСР 40% выбыли из школ до испытаний и 21,5% отложили сдачу экзаменов на осень. Из числа сдававших экзамены только 72% перевели в старшие классы или закончили школу. В ряде областей и республик проблема отсева учеников из средних школ была катастрофичной: в Удмуртской АССР отсев из средних школ взрослых составлял 51,7% и перевод откладывался на осень для 35,3% учеников; в Челябинской области – соответственно 57 и 26,6% [17].

**Причины отсева учащихся из неполных средних
и средних школ взрослых РСФСР в 1939/40 учебном году (%) [18]**

Причины	5–9-е классы	5–7-е классы	8–9-е классы
Условия производственной работы	25	29	19
Переход в другие школы	21	18	26
Нежелание учиться	5	10	6
Неуспеваемость	6	10	6
Отъезд в другие города	5	7	4
Перемена работы и места жительства	10	10	5
Уход в РККА	6	2	1
Семейные обстоятельства	6	5	7
Болезнь	10	9	11
Платность обучения в старших классах	6	–	15

Объективной причиной отсева, как следует из данных табл. 4, из средних школ взрослых был перевод в другие школы (21%), перемена работы и места жительства (10%), уход в РККА (6%) и отъезд в другие города (5%), все вместе они давали 42% выбывших из школ. Однако на первом месте среди всех причин отсева оставались производственные условия труда (25%) – это работа в разные смены, сверхурочные, командировочные задания. Заметный удельный вес занимали неуспеваемость и нежелание учиться (11%). Каждый десятый ученик отсеялся из школы по болезни (10%), 6% ушли из школы из-за семейных обстоятельств.

Таблица 5

Неполные средние и средние школы взрослых Свердловской области в 1939–1941 гг. [19]

	1.10.1938 г.	1.10.1939 г.	1.10.1940 г.	1.10.1941 г.
Количество школ	157	124	91	12
В них учащихся	18 752	18 086	14 500	1893
в т. ч. в подготовительных классах	4148	3379	260	96
в 5–7-х классах	12 019	11 526	9000	920
в 8–10-х классах	2585	3181	2900	877

*Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 960. Л. 10.

Количество обучавшихся в школах взрослых в начале 1939 г. составляло 33 324 человека, в том числе 14 572 – в школах для неграмотных и малограмотных [20]. То есть в школах грамоты и для малограмотных училось 43,7% от всех обучавшихся в школах взрослых. Это свидетельствовало о том, что в системе образования взрослых накануне войны происходил переход от политики ликвидации неграмотности к борьбе за рост образовательного уровня взрослого населения. В 5–7-х классах обучалось в конце 1938 г. 64,1% от всех учащихся, в 8–10-х – 13,8%; в конце 1939 г. – соответственно: 63,7 и 17,6; в конце 1940 г. – 62,0 и 20; в конце 1941 г. – 48,6 и 46,3%. В вечерних школах удерживались те учащиеся, которые хотели получить высшее образование. Об этом свидетельствуют данные о росте удельного веса учащихся старших классов.

Продолжали работу те школы взрослых, которые были обеспечены квалифицированными кадрами педагогов, имели необходимую учебную и материальную базу. Одной из лучших школ взрослых в области была средняя школа, которая находилась в центре Свердловска в клубе УНКВД им. Дзержинского, размещалась на 4-м этаже. В школе были организованы не только учебные классы, но и химический и физический кабинеты. Обучение велось в подготовительном классе и 5–10-х классах, учениками были в основном работники НКВД и члены их семей. Педагогический коллектив состоял из 10 штатных педагогов и девяти совместителей. Из 19 учителей 12 были выпускниками педагогических институтов и университетов, два преподавателя заочно учились в педагогическом институте. Директор школы П. А. Копылова окончила гимназию, её педагогический стаж составлял 25 лет, она преподавала математику. Школа была базовой для Свердловского областного методического кабинета. Здесь в декабре 1937 г. и в январе 1939 г. прошли конференция и семинар для учителей школ взрослых [21].

Однако удержать количество неполных средних и средних школ взрослых на уровне первого года третьей пятилетки не удалось, из года в год происходила оптимизация школ взрослых, повышались требования к помещениям для занятий, к обеспеченности учебниками и наглядны-

ми пособиями, к составу педагогов. За 1939/40 учебный год число школ этого типа сократилось на 21,0%, за 1940/41 учебный год – на 26,6% по сравнению с предыдущим годом и на 42% в сравнении с 1938/39 учебным годом, и, конечно, огромное сокращение произошло в первый военный год – на 86,8% к 1940/41 учебному году и на 92,4% к 1938/39 учебному году. Количество учащихся за 1938–1940 гг. сократилось на 22,8%, а осенью 1941 г. в школах взрослых области осталось только 1,9 тыс. учащихся против 18,8 тыс. в 1938/39 учебном году.

Как показывают данные табл. 5, основная масса учеников обучалась в 5–7-х классах. Это было проявлением того, что городские детские школы уже перешли на обязательное 7-летнее обучение, а в крупных городах (Свердловске, Нижнем Тагиле и пр.) большая часть выпускников 7-х классов поступала в 8-е классы, желая получить полное среднее образование. Число учащихся в старших классах школ взрослых (8–10-е классы) выросло в 1939/40 учебном году, в следующем году оно сократилось на 8,8%.

Одной из причин сокращения учащихся в школах взрослых являлось введение платы за обучение в старших классах, которая вводилась с начала 1940/41 учебного года. Это послужило причиной прекращения учебы 15% выбывших учащихся из 8–9-х классов (см. табл. 4). Плата за обучение составляла на Урале 150 рублей в год. Приказом Наркомпроса РСФСР от 5 ноября 1940 г. плата за обучение в вечерних учебных заведениях (институтах и техникумах), а также в 8–10-х классах средних школ взрослых была снижена в два раза [22].

Введение платы за обучение было связано с формированием системы профессиональных училищ: ФЗУ (фабрично-заводские училища), РУ (ремесленные училища), ЖУ (железнодорожные училища). Учащиеся находились на полном государственном обеспечении, вместе с профессиональным обучением велась общеобразовательная подготовка. Для молодых колхозников плата за обучение оказывалась препятствием для получения среднего образования, поскольку заработать такие деньги в колхозах было практически невозможно. Неполные средние школы и средние школы взрослых находились в районных центрах области. Содержание школ и обеспечение продовольствием, жильем, топливом сельских учителей возлагалось на сельхозартели, что было для них непосильной ношей.

К концу 1930-х гг. руководство СССР столкнулось с острой нехваткой рабочих рук на предприятиях. К этому времени почти иссяк поток дешевой рабочей силы, который пополнялся за счет сельского населения. Однако экономика развивалась экстенсивно. Новые предприятия нуждались в пополнении рабочей силы. 2 октября 1940 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР», в котором отмечалось, что «задача дальнейшего расширения нашей промышленности требует постоянного притока рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. <...> В этих условиях перед государством стоит задача организованной подготовки новых рабочих из городов и сельской молодежи и создания необходимых трудовых резервов для промышленности» [23]. В этот же день вышло постановление СНК СССР «О призыве городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения», которое предписывало мобилизовать от 600 тыс. подростков для учебы в этих учебных заведениях профессионального образования, после окончания которых они обязаны были четыре года подряд отработать на государственных предприятиях [24]. Значительная часть подростков, имевших начальное образование, была мобилизована или добровольно пошла учиться в эти учебные заведения. На Урале процесс создания этого типа профессиональных заведений шел достаточно интенсивно, что существенно сократило контингент учащихся НСШ взрослых [25].

Одной из лучших являлась средняя школа взрослых № 7 на станции Нижний Тагил железной дороги им. Л. М. Кагановича. В школе имелись подготовительный и 5–10-й классы. В 1939 г. обучались рабочие-железнодорожники, станционные служащие, члены их семей, работники железнодорожной охраны, политработники, всего 205 человек. Жизнь школы строилась на принципах самоуправления, важную роль играла учебная комиссия (состояла из пяти учащихся), непосредственным помощником директора были старосты и их заместители от всех классов, действовали также культурная и редакционная комиссии. Все классы школы соревновались между собой за лучшую учебу. В конце учебного года учебная комиссия сообщила о результатах обучения – 98% учащихся усвоили программу и были переведены в следующие классы. О соревновании сообщалось в стенгазете, его ход обсуждался в профсоюзной, комсомольской и партийной организациях. Это все дало возможность учащимся школы почувствовать, что их успехи имели общественное значение. В течение учебного года в школе устраивался смотр художественной самодеятельности. Учащиеся занимались в хоровом и музыкальном кружках, выступали на вечерах в Тагильском клубе им. Горького, выезжали в Свердловск. На станции Смычка в 1939 г. был

открыт филиал. В школе сложился высокопрофессиональный педагогический коллектив, директор школы Г. Еловских имела 17-летний педагогический стаж [26].

Сдерживающим фактором развития школ взрослых было отсутствие собственных школьных зданий. В областном центре городе Свердловске в 1940/41 учебном году действовало 22 неполных средних школы и средних школ взрослых. Одна школа располагалась в бараке, две школы – в зданиях ФЗУ, остальные 19 – в зданиях детских школ. 14 школ работали в одну смену (в вечернее время), семь школ – в две смены (утром и вечером) и одна школа – в три смены [27].

В довоенный период произошел существенный сдвиг в деле общеобразовательной подготовки взрослого населения на Урале. Во-первых, в мирные годы третьей пятилетки школа взрослых нацеливалась на рост удельного веса обучающихся в 5–10-х классах. Во-вторых, был намечен переход от школ для неграмотных и малограмотных к формированию стационарной начальной школы взрослых. В-третьих, основной формой обучения становилась стационарная школа взрослых: начальная с трёхлетним сроком обучения, неполная средняя с трехлетним сроком обучения и средняя – также с трехлетним обучением. Однако сокращение государственного финансирования школ взрослых, введение платности обучения и создание системы трудовых резервов резко сократили количество учащихся в школах взрослых.

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. на Урале сформировалась система общего образования взрослого населения, которая для того времени оказалась объективно необходимой и эффективной. Цель создания новой структуры образования взрослых – повысить доступность образования для разных слоев населения, ликвидировать неграмотность, создать все ступени образования – была достигнута. В условиях модернизации страны, когда усложняется общество и повышается уровень духовных, социальных и материальных потребностей граждан, создание сети школ для взрослых обеспечило не только последовательный переход от школ грамоты и школ для малограмотных к неполному и полному среднему образованию, но и способствовало повышению общекультурного, образовательного и профессионального уровня широких слоев населения.

Примечания

1. Колесникова И. А. Основы андрагогики. М.: Академия, 2007. С. 37.
2. Цибульский Н. Б. Новый этап движения за всеобщую грамотность в Челябинской области во второй половине 30-х годов // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск, 1997. С. 160.
3. Фельдман М. А. Общеобразовательный уровень рабочих Урала в 1929–1941 гг. // Проблемы социально-экономического и гуманитарного развития Урала: сб. тр. Екатеринбург, 2005. С. 271.
4. Школа взрослых. 1938. № 8. С. 25.
5. Уральский рабочий. 1938. 22 янв.
6. Школа взрослых. 1938. № 12. С. 12.
7. Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. 1939. № 3. С. 12.
8. Школа взрослых. 1939. № 6. С. 4.
9. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 94. Л. 418 (Свердловская область в административно-территориальных границах конца 1938 г., когда из её состава была выделена Пермская область. Данные по 46 районам из 46).
10. ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 94. Л. 420.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 323. Л. 7.
12. Школа взрослых. 1941. № 2. С. 3.
13. Сборник приказов и распоряжений по НКПросу РСФСР. 1940. № 1. С. 9–11.
14. Сборник приказов и распоряжений по НКПросу РСФСР. 1939. № 4. С. 14.
15. Сборник приказов и распоряжений по НКПросу РСФСР. 1940. № 21. С. 3–4.
16. Школа взрослых. 1941. №3. С. 28.
17. Школа взрослых. 1941. № 2. С. 7.
18. Школа взрослых. 1941. № 3. С. 29.
19. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 960. Л. 10.
20. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 323. Л. 7.
21. Свердловский областной краеведческий музей. Архив. Ф. 16. Оп. 3. К. 1.
22. Сборник приказов и распоряжений Наркомпроса РСФСР. 1940. № 23–24. С. 8.
23. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. 1917–1967 гг.: сб. документов за 50 лет. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. 1929–1940 гг. С. 774–775.
24. http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_4283.htm (дата обращения 21.01.2017).
25. Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 228 с.
26. Школа взрослых. 1939. № 10. С. 60–61.
27. ГАСО. Ф. Р-1427. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

Notes

1. Kolesnikova I. A. *Osnovy andragogiki* [Basics of andragogy]. M. Academy. 2007. P.37.
2. Cibul'skij N. B. *Novyj etap dvizheniya za vseobshchuyu gramotnost' v Chelyabinskoj oblasti vo vtoroj polovine 30-h godov* [New phase of the movement for universal literacy in the Chelyabinsk region in the second half of the 30-ies] // *Problemy social'no-ehkonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Urala v XVIII–XX vekah* – Problems of socio-economic and political development of the Urals in XVIII–XX centuries. Chelyabinsk. 1997. P.160.
3. Fel'dman M. A. *Obshcheobrazovatel'nyj uroven' rabochih Urala v 1929–1941 gg.* [Educational level of workers of the Urals in 1929–1941] // *Problemy social'no-ehkonomicheskogo i gumanitarnogo razvitiya Urala: sb. tr.-Problems of socio-economic and humanitarian development of the Urals: coll. of works.* Ekaterinburg. 2005. P. 271.
4. *SHkola vzroslyh* – School of adults. 1938, No. 8, p. 25.
5. Ural worker. 1938. 22 Jan.
6. *SHkola vzroslyh* – School of adults. 1938, No. 12, p.12.
7. Compendium of orders and instructions of the RSFSR Narkompros. 1939. No. 3. P.12. (in Russ.)
8. *SHkola vzroslyh* – School of adults. 1939, No. 6, p.4.
9. The state archive of Sverdlovsk region (GASO). F. 1813. Inv. 1. File 94. Sh. 418 (Sverdlovsk region in the administrative territorial boundaries of the end of 1938, when from its membership Perm was divided. Data are for 46 areas from 46).
10. GASO. F. 1813. Inv. 1. File 94. Sh. 420.
11. Russian state archive of economy (RSAE). F. 1562. Inv. 336. File 323. Sh. 7.
12. *SHkola vzroslyh* – School of adults. 1941, No. 2, p.3.
13. Compendium of orders and instructions of the RSFSR Npros. 1940. No. 1. Pp. 9–11. (in Russ.)
14. Compendium of orders and instructions of the RSFSR Npros. 1939. No. 4. P.14. (in Russ.)
15. Compendium of orders and instructions of the RSFSR Npros. 1940. No. 21. Pp. 3–4. (in Russ.)
16. *SHkola vzroslyh* – School of adults. 1941, No. 3, p. 28.
17. *SHkola vzroslyh* – School of adults. 1941, No. 2, p.7.
18. *SHkola vzroslyh* – School of adults. 1941, No. 3, p. 29.
19. RSAE. F. 1562. Inv. 17. File 960. Sh. 10.
20. RSAE. F. 1562. Inv. 326. File 323. Sh. 7.
21. Sverdlovsk regional Museum of local lore. Archive. F. 16. Inv. 3. K. 1.
22. Compendium of orders and instructions of people's Commissariat of the RSFSR. 1940. No. 23–24. P.8. (in Russ.)
23. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. v 5 t. 1917–1967 gg.: sb. dokumentov za 50 let.* – The decision of the party and government on economic matters: in 5 vol 1917–1967: a collection of documents for 50 years. M. Politizdat. 1967. Vol. 2. 1929–1940. Pp. 774–775.
24. http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_4283.htm (accessed 21.01.2017).
25. Postnikov S. P., Fel'dman M. A. *Gosudarstvo i professional'naya podgotovka rabochih kadrov promyshlennosti Urala v 1900–1940 gg.* [State and training of skilled workers of the industry of the Urals in the 1900–1940's]. Ekaterinburg. URO RAS. 2004. 228 p.
26. *SHkola vzroslyh* – School of adults. 1939, No. 10, pp. 60–61.
27. GASO. F. R-1427. Inv. 1. File 35. Sh. 1.

Конвенциональность медицинской терминологии

В статье рассматривается конвенциональность медицинской терминологии в диахронии. Упорядочение медицинской терминологии берет свое начало в античности. Определяющую роль в развитии профессионального языка врачей сыграли классические языки, а латинский язык являлся языком медицины вплоть до конца XIX в. Терминологическая работа над международными номенклатурами и классификациями велась на протяжении всего XX в. и имела конвенциональный характер. Международное соглашение по вопросам терминологии преследует, прежде всего, прагматическую цель, а именно – создание единого языка для взаимодействия. В статье приводятся механизмы создания анатомической терминологии, международной классификации болезней, глобального глоссария по трансплантологии. Вывод делается о том, что на современном этапе развития медицины конвенциональность терминологии все более зависит от этических и аксиологических факторов.

The article deals with the conventionality of medical terminology in diachrony. The ordering of medical terminology has its origin in antiquity. A decisive role in the development of the professional language of physicians was played by classical languages, and the Latin language was the language of medicine until the end of the XIX century. Terminological work on international nomenclatures and classifications was conducted throughout the twentieth century and had a conventional character. The international agreement on issues of terminology pursues, above all, a pragmatic goal, namely the creation of a common language for interaction. The article presents the mechanisms for the creation of anatomical terminology, the international classification of diseases, the global glossary on transplantology. The conclusion is that the conventional terminology increasingly depends on ethical and axiological factors at the current stage of medical development.

Ключевые слова: медицинская терминология, конвенциональность, медицинские классификации, история медицины.

Keywords: medical terminology, conventionality, medical classification, medical history.

Современная медицинская терминология, сложившаяся за многие столетия и постоянно расширяющаяся за счет дифференциации медицинского знания, представляет собой макротерминосистему, работа над упорядочением которой ведется непрерывно. Недостатки медицинской терминологии, а именно, наличие многозначных терминов, синонимов, неточных и чрезмерно громоздких терминов, иноязычных вариантов, вызывает взаимное непонимание даже в среде специалистов, нарушает возможность быстрого обмена опытом, ведет к разобщению, создавая дробление профессионального языка, трудности перевода и межнациональной коммуникации. Необходимость в качественной, общепринятой на международном уровне медицинской терминологии привела во второй половине XX в. к лучшей организации терминологического дела, в котором определяющую роль играла конвенциональность. Термин «конвенция» («конвенциональность») восходит к латинскому слову *conventio, onis f* – «сближение, встреча». При этом оно имело и другие значения: 1) соглашение, договор, сделка; 2) принадлежность к определенному кругу; 3) переход под власть мужа в результате брака; 4) вызов в суд; 5) образование целое, соединение; 6) соглашение (*convenit* – согласились насчет чего-либо, решено); 7) соответствие, согласованность; 8) отношение к кому-либо; 9) приличие, приличествовать. «Конвенциональный» (лат. *conventionalis, e*) – соответствующий договору, условный, общепринятый, соответствующий установившимся традициям [1]. Обратимся к понятию «языковые конвенции» – соглашения, принятые в языковом сообществе относительно способов построения, значения и употребления языковых выражений. Идея языковых конвенций связана с произвольностью языкового знака, отсутствием сущностной связи между самим знаком и означаемым. Впервые мысль о конвенциональной природе языка была высказана в античности. В частности, она озвучивается персонажем

платоновского диалога «Кратил» Гермоденом, который настаивает на мысли, что каждый народ принимает свое соглашение о том, как в дальнейшем будет именоваться каждая вещь. В качестве подтверждения этой мысли приводится различие в именовании одной и той же вещи у разных народов. В современной философии языка в связи с языковыми конвенциями обсуждается целый ряд тем. Наиболее существенные из них таковы: предмет языковой конвенции, способ заключения языковой конвенции, способ существования языковой конвенции в сообществе, границы языковой конвенции. В качестве предмета языковой конвенции могут рассматриваться все три аспекта существования языка: правила построения языковых выражений (синтаксис), правила связи языковых выражений с реальностью (семантика), правила употребления языка и языкового поведения (прагматика). Проблемами языковых конвенций занимались Р. Карнап (языковые каркасы), Ф. де Соссюр, К. Айдукевич (конвенциональность языковой семантики), Л. Витгенштейн (языковые игры), О. Апель (конвенциональная прагматика), У. Куайн, Д. Дэвидсон, Г. Райл, М. Даммит, Д. Льюис [2]. Можно говорить о языковых конвенциях не только естественного (литературного) языка, но и о такой его функциональной разновидности, как язык для специальных целей, имеющий в своей основе профессиональную терминологию. А. В. Лемов определяет конвенциональность термина как соглашение по меньшей мере нескольких специалистов принять предложенную одним из них форму выражения нового термина и применять ее к определенному создателем термина содержанию [3]. В широком смысле конвенциональность подразумевает и целенаправленный характер появления термина [4], то есть сознательное терминотворчество. В данной статье конвенциональность медицинской терминологии рассматривается в диахронии. В качестве задач ставилось выявление механизмов терминологического соглашения и его экстралингвистических предпосылок в медицине.

Исходя из этимологии термина «конвенция», медицинская терминология, безусловно, является конвенциональной и имеет исторический (традиционный) характер. С одной стороны, профессиональный язык врачей развивался естественно на протяжении многих веков, а с другой – уже в эпоху античности велась целенаправленная специальная работа по его упорядочению.

Европейская медицина как самостоятельная наука возникла в Греции, выделившись по мере накопления сведений и наблюдений из единой нерасчлененной сферы человеческих знаний. Первоначально вся система медицинских наименований была греческой. Первую систематизацию медицинской терминологии произвели врачи Александрийской школы, которые не только упорядочили известные им медицинские термины из греческих трактатов, но и впервые предложили метод создания неологизмов на основе греческих корней и аффиксов (в современном терминоведении – терминоэлементов). Этот способ терминологического словообразования используется до сих пор и является общепринятой моделью. В эпоху Средних веков языком науки и образования являлся несколько измененный книжный латинский язык, понятный всем ученым и учащимся Западной Европы. Возрождение европейской медицины началось в XI в. после открытия в г. Салерно (Италия) первой в Западной Европе медицинской школы, в которой для обучения учащихся переводили на латинский язык арабские переводы с древнегреческого и классической латыни. XIII в. – это век переводов с арабского на латинский. Не удивительно, что многоязычие профессионального языка привело в итоге медицину к своеобразному терминологическому хаосу. Медицинская терминология представляла смесь латинизированных арабизмов, гебраизмов, арабизированных грецизмов и латинизмов разных эпох. Возросло количество синонимов, а медицинской науке грозило «терминологическое удушье». Назрела острая необходимость в терминологических реформах. В XIV–XVI вв. в Европе начинается эпоха Возрождения. В этот период развиваются национальные языки, появляется обширная литература на этих языках. Однако языком науки, образования и медицины продолжает оставаться латинский язык по негласному соглашению немногочисленных ученых того времени, предпочитающих писать свои труды на латыни. Научный прогресс во всех областях знаний, особенно в естественных науках и медицине, нашел свое отражение в многочисленных трудах, написанных и изданных на латинском языке с момента изобретения книгопечатания. Европейские врачи осознавали необходимость возвращения к первоисточникам, к подлинникам античной медицины, часто искаженным неверными многоступенчатыми переводами с одного языка на другой, а иногда и на третий язык. Необходимо было вернуть словам их точное значение. Великий Декарт говорил, что, определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений. Развертывается целенаправленная борьба за языковое единство профессионального языка медицины, избавление его от «пороков» средневековой варварской латыни, очищение от варваризмов и арабизмов, за сокращение количества синонимов. В процессе этой борьбы гуманистами формируется новая латынь – латынь Возрождения, берущая за образец писателей классической латыни. Именно в эпоху Ренессанса закладываются основы современной научной медицинской терминологии.

гии [5]. В начале Нового времени латынь отступала перед национальными языками, но все еще оставалась международным языком в биологии и медицине. На латыни велось преподавание, проводились научные диспуты, издавались научные труды. Стремление к интернационализации науки продолжало побуждать ученых разных стран к изложению своих открытий на общепринятом в ученом и, в частности, медицинском сообществе латинском языке. Традиция писать на латинском языке научные трактаты и сочинения сохраняется в ту эпоху и прослеживается вплоть до конца XIX в., когда от кандидатов требовалось писать и защищать медицинские диссертации на латыни (Пирогов, Мечников). Таким образом, применение латинского языка (и древнегреческого через латынь) в профессиональном языке врачей продолжается много столетий, и если до начала XX в. врачи использовали его наравне с национальными языками, то впоследствии, в соответствии с традицией, на основе слов и словообразовательных элементов классических языков они создавали неологизмы. С конца XIX в. ученые разных стран стали все больше и больше конструировать неоклассицизмы, которые становились общеизвестными и приобретали статус интернационализмов, сохраняя тем самым за латынью номинативную функцию. В этой функции латинский язык применяется как наднациональная знаковая система в международных номенклатурах анатомии, гистологии, биологии и микробиологии, ботанике и зоологии, химии, фармакологии, в международной классификации болезней.

До конца XIX в. анатомическая терминология развивалась стихийно и не имела универсального характера. С целью унификации анатомической номенклатуры неоднократно собирались международные конгрессы анатомов. В 1895 г. в Базеле был впервые предложен список латинских анатомических терминов, который постепенно стал применяться в ряде стран под названием Базельской анатомической номенклатуры (BNA – Basler nomina anatomica). Затем состоялся конгресс в Йене (Германия) 1935 г., результатом которого было принятие нового списка анатомических терминов, вошедшего в литературу под названием Йенской анатомической номенклатуры (JNA – Jenaer nomina anatomica), который также не был общепризнанным. Необходимость в более тесном научном обмене знаниями анатомов, гистологов, эмбриологов, морфологов, антропологов, ветеринаров, стоматологов, биологов, в интересах создания технического универсального языка, используемого в обучении и исследованиях, привели группу лидеров в анатомической области к созданию Международной федерации ассоциаций анатомов (IFAA – the International Federation of Associations of Anatomists). IFAA была создана Prof. Nicolas из Франции в 1903 г., а первый международный конгресс анатомов прошел в Женеве в 1905 г. Одной из главных задач этой организации является изучение, анализ и упорядочивание международной морфологической терминологии. С этой целью в рамках IFAA в 1989 г. был создан Международный федеративный комитет по анатомической терминологии. Эксперты этого комитета пересматривают, анализируют и обсуждают термины, относящиеся к морфологии человеческого тела. Основной задачей комитета является изучение проблем морфологической терминологии и нахождение путей их устранения. Общая цель состоит в том, чтобы достичь единого научного языка для осуществления международной интеграции, языка, который будет способствовать обмену научной информацией и прогрессу в различных медицинских специализациях. На VI Интернациональном конгрессе анатомов в Париже в 1955 г. была утверждена Парижская анатомическая номенклатура (PNA – Parisiensia nomina anatomica), которая действовала всю вторую половину прошлого столетия. Этот список явился первым, получившим официальное международное признание. Следующий, VII, Интернациональный конгресс анатомов, проходивший в Нью-Йорке в 1960 г., утвердил дополнения и поправки к PNA, которая охватывала около 6000 наименований. В 1970 г. на IX Международном конгрессе анатомов, гистологов и эмбриологов в Ленинграде была принята Международная гистологическая номенклатура на латинском языке (Nomina Histologica) [6]. В настоящее время действует Terminologia anatomica (TA), разработанная Федеративным комитетом по анатомической терминологии (FCAT – the Federative Committee on Anatomical Terminology) и Международной федерации ассоциаций анатомов в 1998 г. Terminologia anatomica содержит около 7500 анатомических наименований. В 2008 г. была опубликована пересмотренная Nomina Histologica, а в настоящее время ведется работа над терминологией эмбриологии. Международная анатомическая номенклатура является единой и в области фундаментальных исследований, и в сфере медицинского образования, и в сфере медицинского обслуживания.

Основную функцию по разработке и стандартизации единой международной медицинской терминологии выполняет Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Конечной целью стандартизации и классификации медицинской терминологии является разработка систем правильных однозначных терминов, понятных и принятых специалистами разных стран. Работе над формальной стороной терминов предшествует работа над определением понятий: устраняются явно устаревшие и ненаучные, вводятся новые в наиболее приемлемой для профессиональ-

ного сообщества форме. Есть и разногласия в определении понятий, например что считать за критерий смерти человека. В ряде стран, в том числе и России, смерть головного мозга приравнивается к смерти человека, тогда как в Великобритании, Индии – это смерть ствола головного мозга (Brainstem death). Для качественной терминологической работы привлекаются специалисты соответствующих отраслей, последователи различных школ, имеющие разные взгляды, представители разных стран. Разработанные материалы рекомендуется подвергать широкому обсуждению так, чтобы в завершённом виде (например, классификация, глоссарий) они являлись не трудом небольшой группы лиц, а творчеством широкого коллектива [7]. Работы по упорядочению медицинской терминологии имеют успех лишь при условии широкого их обсуждения представителями научной и клинической медицины. Критика разрабатываемых терминов обширным кругом специалистов позволяет уточнить дефиниции понятий, устранить недочёты. Опыт создания классификаций медицинских терминов показал, что даже при условии хорошей проработки и широких дискуссий однажды принятые терминологические стандарты впоследствии уточняются, в них вносятся поправки, они пересматриваются с учётом прогресса медицинских знаний и, наконец, устаревают, сменяясь новыми.

Конвенциональность семейства международных терминологических классификаций преследует цели:

- обеспечение согласованной, значимой и применимой на практике основы для классифицирования, которую смогут использовать правительства стран мира и потребители медицинских услуг в качестве «единого языка для взаимодействия»;
- хранение, извлечение, анализ и интерпретация глобальных данных, повышение уровня автоматизации обработки информации в медицине и здравоохранении;
- единовременное сравнение данных (синхронное и диахроническое) в рамках одной или нескольких человеческих популяций, подготовка непротиворечивой национальной и международной статистики;
- создание такого количества классификаций, которое бы удовлетворило потребностям систем здравоохранения (в таких классификациях) всего мира;
- обеспечение моментального представления о состоянии здоровья популяции по таким параметрам, как смертность, заболеваемость, (социальное) функционирование, инвалидность, здоровье, вмешательства, что гарантирует осведомлённость руководящих органов и повышает эффективность принятых решений в области охраны общественного здоровья;
- точность и непротиворечивость медицинских записей, соответствующих единой семантике, регламентированное и согласованное использование справочников обеспечивает качество и рациональное управление системой охраны общественного здоровья [8].

Рассмотрим механизм работы над Международной классификацией болезней (МКБ). Целью МКБ является создание условий для систематизированной регистрации, анализа, интерпретации и сравнения данных о смертности и заболеваемости, полученных в разных странах или регионах и в разное время. МКБ используется для преобразования словесной клинической формулировки диагнозов болезней и других проблем, связанных со здоровьем, в буквенно-цифровые коды, которые обеспечивают удобство хранения, извлечения и анализа данных. На данном этапе перед всем мировым медицинским сообществом стоит задача повышения качества использования МКБ 10-го пересмотра и внедрение автоматизированных систем кодирования. Эти задачи очень актуальны и для системы здравоохранения РФ. Международные классификации являются плодом тесного сотрудничества между неправительственными организациями, другими учреждениями, отделами и подразделениями ВОЗ. Это сотрудничество координирует специальное подразделение ВОЗ, которое обеспечивает общее руководство и оказывает консультативную помощь. Координационный совет выступает в роли руководящего органа ВОЗ, осуществляющего планирование и контроль за деятельностью по пересмотру МКБ. В сферу компетенций координационного совета входит:

- осуществление контроля за деятельностью по пересмотру МКБ, консультирование ВОЗ в области координации рабочих групп: КСП осуществляет рецензирование материалов и комментариев, полученных в процессе пересмотра классификации; гарантирует достаточное освещение всех классов и кодов МКБ с точки зрения существующей классификации и вклада участников процесса; обеспечивает сохранение преемственности между 10-м и 11-м пересмотром МКБ;
- КСП осуществляет контроль за тем, чтобы полный перечень заболеваний и состояний здоровья находился в соответствии с общей структурой классификации. Координационный совет отвечает за внесение предложений по усовершенствованию процесса пересмотра, созданию методологии проведения тестирования классификации, привлечению участников из различных регионов и стран мира, включая общественные организации;

- определение возможных сфер применения классификации и обеспечение соответствия классификации потребностям ее пользователей;
- внесение предложений по решению возникающих вопросов, в том числе способом проведения эксплуатационных испытаний классификации. КСП вносит предложения:
 - а) по разрешению возникающих вопросов и конфликтных ситуаций;
 - б) о проведении эксплуатационных испытаний с целью сбора эмпирических данных для нахождения путей разрешения спорных вопросов. К эксплуатационным испытаниям относятся кодирование сопутствующих заболеваний, заключение о причинной обусловленности правил кодирования, индексация;
- осуществление планирования и разработка средств перехода от МКБ-10 к МКБ-11.

Координационный совет по пересмотру МКБ осуществляет постоянное взаимодействие посредством электронной почты, ежемесячных телефонных конференций, а также очных заседаний, проходящих не менее двух раз в год. В состав КСП входят приглашенные эксперты в областях терминологии, классификации и общественного здоровья. При необходимости Координационный совет имеет право приглашать консультантов и других членов тематических консультативных/рабочих групп для участия в совместных обсуждениях.

Работа консультативных групп по пересмотру МКБ. Консультативные группы (КГ) являются совещательными органами, ведущими планирование и координацию деятельности по пересмотру Международной классификации болезней. Первостепенная задача каждой из групп заключается в консультировании ВОЗ по вопросам пересмотра тематических разделов МКБ в рамках единого процесса обновления классификации. В настоящее время более 136 ученых из 36 стран вносят личный вклад в совместную работу над классификацией МКБ-11 [9].

В рамках отдельной страны координация деятельности в отношении семейства международных классификаций возложена на сотрудничающие центры. В Российской Федерации сотрудничающий центр по семейству международных классификаций действует на базе ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко». Роль сотрудничающего центра заключается в готовности выступать в качестве координирующего центра на уровне страны, предоставлять консультации по техническим вопросам и рекомендации, обеспечивать при необходимости поддержку. Такой подход к координированной разработке различных компонентов семейства международных классификаций позволяет также избежать ненужного дублирования. Международная классификация болезней 10 пересмотра постоянно совершенствуется и дополняется. За время ее существования в классификацию внесено более 1500 изменений. Это позволяет ей такой длительный период времени оставаться актуальной классификацией, включающей все достижения медицинской науки [10].

Медицинский термин может родиться в сознании одного человека в результате ментальных процессов, но чаще он создается в коммуникативном процессе, во время дискуссий. Так, например, был создан «Глобальный глоссарий по донорству и трансплантации» с целью упорядочить терминологию трансплантологии и выработать признанные унифицированные термины на глобальном уровне. В 2007 г. Всемирная организация здравоохранения совместно с the Transplantation Society и the Spanish Organization of Transplants приступила к разработке единых терминов трансплантологии. В работе группы приняли участие эксперты из шести регионов ВОЗ, специалисты и представители государственных органов, которые оставили некоторые существующие дефиниции, либо, если это было целесообразно, разработали новые. Подготовленный по результатам этой работы проект был размещен на вебсайте ВОЗ в течение нескольких месяцев для сбора замечаний. Документ «Глобальный глоссарий по донорству и трансплантации» (Global Glossary of Terms and Definitions on Donation and Transplantation, Geneva, November 2009) является результатом работы редакционной группы и утвержден ВОЗ.

В качестве заключения. Современная медицина, микробиология и биоинженерия достигли такого уровня развития, что породили ряд этических проблем, которые требуют постоянного обсуждения как в медицинском сообществе, так и в кругу широкой общественности. Весь спектр нравственных, экологических, медицинских и социально-правовых проблем рассматривает биоэтика. Биоэтика имеет философскую направленность, оценивает результаты развития новых технологий и идей в медицине и биологии в целом. В Encyclopedia of Bioethics [11] биоэтика определяется как «систематическое исследование нравственных параметров, – включая моральную оценку, решения, поведение, ориентиры и т. п. – достижений биологических и медицинских наук». Не только прагматика, но также и биоэтика определяет в наши дни способы выражения понятия, формальную сторону термина, нередко с целью сокрытия информации (использование эвфемизмов, аббревиатур, грецизмов и латинизмов, кодировки), что можно наблюдать, например, в терминологии трансплантологии. В такой важной научной и практической деятельности человека, как медицина, конвенциональность терминологии все более зависит от этических и аксиологических факторов.

Примечания

1. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1989. С. 249.
2. Касавин И. Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
3. Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000.
4. Гринева-Гринева С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений [Terminology Studies. Manual for University Students]. М.: «Академия», 2008. С. 29.
5. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебник / М. Н. Чернявский. М.: ЗАО «ШИКО», 2007. 448 с.: ил. (Учебная литература для студентов медицинских вузов).
6. Латинский язык и основы терминологии / под ред. Ю. Ф. Шульца. 3-е изд., повтор. М.: АО «АНКО», 1995. 336 с.: 12 ил.
7. Чаплыгин С. А., Лотте Д. С. Задачи и методы работы по упорядочению технической терминологии // Изв. АН СССР. Отд-ние техн. наук. М., 1937. № 6. С. 867–883. Перепечатано с сокращениями в кн.: Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961. С. 7–17.
8. www.who-fic.ru (дата обращения 13.06.2017)
9. Там же.
10. <https://www.medvestnik.ru/content/articles/Mejdunarodnaya-klassifikaciya-boleznei-MKB-na-sovremennom-etape-razvitiya-zdravooohraneniya.html> (дата обращения 13.06.2017)
11. Encyclopedia of Bioethics. V. 1 Encyclopedia of Bioethics, Stephen Garrard Post, Gale virtual reference library. Macmillan Reference USA, 2004. P. 21.

Notes

1. Slovar' inostrannyh slov – Dictionary of foreign words. 18th ed., ster. M. Rus. yaz. 1989. P. 249.
2. Kasavin I. T. EHnciklopediya ehpistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. M. "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 2009. 1248 p.
3. Lemov A. V. Sistema, struktura i funkcionirovanie nauchnogo termina (na materiale russkoj lingvisticheskoj terminologii) [System, structure and functioning of the scientific term (on the material of Russian linguistic terminology)]. Saransk. Publishing house of Mordov. University. 2000.
4. Grineva-Grineva S. V. Terminovedenie: ucheb. posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Terminology Studies. Manual for University Students]. M. "Academy". 2008. P. 29.
5. Latinskij yazyk i osnovy medicinskoj terminologii: uchebnik – Latin language and basics for medical terminology: a textbook / M. N. Cherniavsky. M. ZAO "SHIKO". 2007. 448 p.: ill. (Textbooks for medical students).
6. Latinskij yazyk i osnovy terminologii – Latin language and the fundamentals of terminology / under the editorship of J. F. Schultz. 3D publ. repeat. M. JSC "ANKO". 1995. 336 p.: 12 ill.
7. CHaplygin S. A., Lotte D. S. Zadachi i metody raboty po uporyadocheniyu tekhnicheskoy terminologii [Objectives and methods of work on harmonization of technical terminology] // News of AS USSR. Dept. of tech. sciences. M. 1937, No. 6, pp. 867-883. Reprinted in abridged form in the book: Lotte D. S. [Foundations of constructing scientific and technical terminology]. M. 1961. Pp. 7-17.
8. www.who-fic.ru (accessed 13.06.2017)
9. Ibid.
10. <https://www.medvestnik.ru/content/articles/Mejdunarodnaya-klassifikaciya-boleznei-MKB-na-sovremennom-etape-razvitiya-zdravooohraneniya.html> (accessed 13.06.2017)
11. Encyclopedia of Bioethics. V. 1 Encyclopedia of Bioethics, Stephen Garrard Post, Gale virtual reference library. Macmillan Reference USA, 2004. R. 21.

Критерии и принципы отбора агрономической терминологии из базовых учебников курса для будущего пособия

В статье анализируются различные концепции отбора и систематизации терминов, акцент сделан на тематическом принципе дифференциации терминологии на основе моделирования логико-понятийной организации и собственно-тематического принципа. Исходя из этого выделены межотраслевые термины, собственно научные и узкоспециальные. Из последних, в свою очередь, выделены группы, называющие предметы и материалы, единицы измерения, признаки и их проявления, процессы и их свойства. Представлена и иная классификация, которая рассматривает узкоспециальные термины по агрономии с позиции тематических блоков: животноводство, растениеводство, сельскохозяйственное оборудование. В статье представлен анализ сельскохозяйственной терминологии для преподавания русского языка как иностранного, отобрано около 1500 терминов узкоспециальной направленности, наиболее частотных в курсе специальных дисциплин на факультете агрономии. Отобранные термины систематизированы по частотному принципу, приведено процентное соотношение узкоспециальных терминов в базовых учебниках курса по отношению к общенаучной терминологии.

In article various concepts selection and systematization of terms are analyzed, the emphasis is placed on the thematic principle of differentiation of terminology on the basis of modeling of the logiko-conceptual organization and the own and thematic principle. Proceeding from it interindustry terms, actually scientific and highly specialized are selected. From the last, in turn, the groups calling objects and materials, units of measure, signs and their manifestations, processes and their properties are allocated. Also other classification which considers highly specialized terms on agronomics from a position of thematic blocks is presented: livestock production, crop production, agricultural equipment. The analysis of agricultural terminology for teaching Russian as foreign is presented in article, about 1500 terms of a highly specialized orientation are selected, the most frequency it is aware of special disciplines at faculty of agronomics. The selected terms are systematized by the frequency principle, the percentage ratio of highly specialized terms is given in basic textbooks of a course against general scientific terminology.

Ключевые слова: агрономическая терминология, узкоспециальная терминология, терминология, терминосистема, классификация, логико-понятийная организация.

Keywords: agronomical terminology, highly specialized terminology, terminology, terminosistema, classification, logiko-conceptual organization.

Многие исследователи работу по отборке терминов считают исключительно интуитивной. Так, например, Ю. В. Козлов (1998), А. С. Герд (1986) в своих исследованиях отмечают: «Обычно словник строится чисто интуитивно, а именно путем отбора в словарь так называемых основных важнейших терминов с точки зрения отдельных специалистов» [1]. Однако мы можем не согласиться с высказанным предположением, так как, четко определив для себя критерии и принципы отбора терминов и строго придерживаясь их в дальнейшей работе, мы можем повысить эффективность практического значения нашей работы.

Важной составляющей эффективного обучения специальной (в нашем случае агрономической) терминологии можно считать целый комплекс задач. Основными из них являются:

1. отбор агрономических терминов, т. е. минимизация их количества по признаку частотности употребления в основных учебниках курса;
2. классификация терминов по тематическому признаку;
3. характеристика агрономических терминов с позиции частеречной принадлежности, семантико-идеографической и словообразовательной структуры, этимологического происхождения, стилистической принадлежности.

Классификация агрономической терминологии по тематическому признаку

Существует множество классификаций терминов по тематическому признаку, но мы остановимся на двух, которые для нашей области знания наиболее, как нам кажется, приемлемы. Первая была предложена А. С. Гердом (1986), и в основе её лежит принцип «моделирования логико-понятийной системы изучаемой отрасли знаний, при которой накопление массива терминов в выборке и соотнесение их с логико-понятийной системой идут параллельно» [2].

Вторая тематическая классификация предложена С. В. Гриневым-Гриневичем (2009). Данный исследователь подчеркивает важность систематизации, которая, по его мнению, «является един-

ственно верным путем выделения терминов определённой понятийной области, гарантирующим наличие всех важных терминов. Она даёт возможность определить степень охвата и отражения отдельных тематических подразделов специальной лексики данной области, установить чёткие рамки словаря, отсеив случайные термины, не принадлежащие тематике словаря, выявить возможные синонимы и лексические лакуны, то есть обеспечить полноту словаря» [3].

В базовых учебниках курса агрономии [4] приводится порядка 1500 узкоспециальных терминов, которые встречаются исключительно в сельском хозяйстве. Основываясь на *принципе моделирования логико-понятийной системы и систематизации*, мы можем увидеть следующие понятийные категории в агрономии и термины, которые их отражают, а также подсчитать частотность каждой группы и указать количество составляющих её дефиниций в процентном соотношении к общему числу терминов:

– **предметы и материалы** (*плоскорез, лемех, плуг, культиватор, борона, агрегат, сеялка, трактор* и др.). В пяти базовых учебниках курса представлено порядка 1500 терминов, данная группа составляет 39% (585 терминов), а по частоте повторяемости данная тематическая группа терминов имеет диапазон частотности от 2000–3000 раз в одном учебнике (при подсчете учитывался не единичный термин группы, а вся тематическая группа в целом);

– **принципы, законы и закономерности** (*севооборот, зональная система, пропашная система, вертикальное земледелие, закон плодосмена, закон оптимума, минимума и максимума фактора* и др.). Вторая по многочисленности тематическая группа представлена 30% (450 терминов) от общего числа терминов (1500), по диапазону частотности это самая частотная из групп: она имеет 3000 и более повторений в одном учебнике;

– **свойства и признаки свойства** (*генотип, фенотип, генетика, яровые культуры, озимые культуры*). Тематическая группа составляет от общего числа терминов порядка 25% (375 терминов), диапазон частотности в основных базовых учебниках курса равен от 1000 до 1500 повторений;

– **явления и процессы** (*скотоводство, луговоеводство, растениеводство, садоводство, полеводство*). Данная тематическая группа, представлена 4% (50 терминов) от общего числа терминологических единиц в агрономии (1500 терминов), диапазон частотности составляет примерно 500–1000 повторений;

– **единицы измерения и их величины** (*гектар, акр, килограмм, куб*). Группа составляет лишь 2% (30 терминов) от общего числа, но по повторяемости превышает общий порог: в пяти учебниках слова данной группы повторяются около 4000 раз.

Таким образом, для будущего учебника и краткого словаря-справочника при отборе терминов мы будем ориентироваться на следующие тематические группы: *принципы; законы и закономерности; предметы и материалы; свойства и признаки свойств*. Однако мы также включим некоторые базовые термины, описывающие явления и процессы, поскольку они являются основополагающими для понимания специфики сельского хозяйства, но нами из краткого словаря справочника будут полностью исключены единицы измерения, так как мы понимаем их интернациональную природу.

В целом описанную нами систему наглядно можно представить следующим образом:

Таблица 1

Сельскохозяйственные термины с точки зрения логико-понятийной системы и систематизации

Наименование группы	Кол-во единиц	% от общего числа	Диапазон частотности
Предметы и материалы	585	39	2000–3000
Принципы, законы и закономерности	450	30	3000 и более
Свойства и признаки свойства	375	25	1000–1500
Явления и процессы	50	4	500–1000
Единицы измерения и их величины	30	2	4000

Исследователь Р. Ю. Кобрин (1969 г.), проанализировав терминосистему, выделил такие принципы классификации терминов, как «...полезность термина, частотность (или частота встречаемости), семантическая целостность, лексическая неразложимость и устойчивость терминологических сочетаний» [5]. Б. Н. Головин, представители Горьковской лингвистической школы и ряд других исследователей (К. Я. Авербух (2006), В. М. Лейчик (2009), В. П. Даниленко (1981), Т. Л. Канделаки (2012), В. Ф. Новодранова (2012), С. Д. Шелов (2010) и др.) [6] предлагают проводить отбор терминов, ориентируясь на требования, предъявляемые к термину: «...систематичность, краткость, простота, ясность, словообразовательные возможности (derivativность),

эвфония (благозвучность), соответствие лингвистическим правилам и нормам языка, полезность, частота встречаемости, дефинитивный критерий» [7]. Основной акцент они делают, как и многие другие исследователи, на необходимости дефиниции у термина как одного из существенных признаков. Если узкоспециальных терминов в учебнике нами было выделено порядка 1500 единиц, то терминов в целом – более 4500 единиц.

Исходя из критериев, предложенных перечисленными учёными и которые мы считаем основополагающими для нашего исследования, *все термины (порядка 4500 единиц) по дефинитивному признаку можно разделить на три тематические группы:*

– **общенаучные термины.** Встречаются в достаточном объёме в тексте учебника, ср.: *свойства, количество, закон* и др. Особенностью данных терминов можно считать их необходимость для оформления научного стиля. Это самая многочисленная группа, она включает в себя около 2000 единиц от общего числа (44%);

– **межотраслевые термины.** Их специфика в указанных изданиях заключается в том, что они употребляются в текстах учебника всегда с уточнениями. Ср.: *морфология почв, генезис мелиорации, корень многолетнего растения, функция зональной системы*. Наименее многочисленная группа (порядка 500 единиц, 11% от общего числа).

Общенаучные и межотраслевые термины не будут рассматриваться нами подробно, так как они составляют культурный фонд личности, но всего лишь опосредованно формируют язык специальности. Основное наше внимание будет направлено на узкоспециальную лексику, которая формирует необходимую базу для знания будущей специальности;

– **узкоспециальные термины.** Как показывает анализ узкоспециальной терминологии учебника (1500 единиц), она представлена тремя основными блоками:

– **термины почвоведения** (795 единиц);

– **термины животноводства** (492 единицы);

– **термины механизации** (213 единиц).

Наиболее частотными в употреблении среди терминов, которые относятся к почвоведению, можно считать единицы, называющие либо вид деятельности, либо тип оборудования. Их порядка 618, и встречаются они более 1500 раз. Термины животноводства и механизации употребляются крайне редко и только в связи с упоминанием процесса удобрения или обработки почв. Всё это наглядно можно представить в следующей таблице:

Таблица 2

ЛГ групп агрономических терминов и частотность их употребления в учебниках по специальным дисциплинам

№ п/п	Параметры сравнения	Общенаучные термины учебника	Межотраслевые термины	Узкоспециальные термины		
				термины почвоведения	термины животноводства	термины механизации
1	Общее кол-во (4500)	2500	500	795	492	213
2	Процентное соотношение (100%)	44%	11%	17%	10,9%	4,7%
3	По отношению к узкоспециальным (1500 единиц)	167%	33%	53%	32,8%	14,2%
4	Частотность, кол-во раз	Свыше 4500	1500	3000	2000	800

Данные таблицы показывают, что общенаучная терминология преобладает над узкоспециальной, которая составляет 33% терминологического аппарата учебника, в то время как общенаучная составляет 55%. Однако по частотности узкоспециальные термины преобладают над общенаучной терминологией в исследуемых учебниках.

Примечания

1. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем). Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 24.

2. Там же. С. 27–37.

3. Гринев-Гриневич С. В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 96.

4. Баздырев Г. И., Лошаков В. Г., Пупонин А. И. и др. Земледелие: учебник для вузов. М.: ПолиграфПлюс, 2000. 470 с.; Коррига В. П. и др. Почвоведение с основами геологии. М.: Эксмо, 2000. 516 с.; Ефтефеев Ю. В., Казанцев Г. М. Основы агрономии. М.: Эксмо, 2013. 430 с.; Фирсов И. П., Соловьев А. М., Трифонова М. Ф. Технология растениеводства. М.: ПолиграфПлюс, 2006. 513 с.; Стройков Ю. М., Шкаликов В. А. Защита сельскохозяйственных культур от болезней. М., 1988. 418 с.

5. Кобрин Р. Ю. О принципах терминологической работы при создании тезаурусов для информационно-поисковых систем // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1969. № 6. С. 1–9.
6. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. С. 18.
7. Ефтефеев Ю. В., Казанцев Г. М. Указ. соч.

Notes

1. Gerd A. S. *Osnovy nauchno-tehnicheskoy leksikografii (kak rabotat' nad terminologicheskim slovarem)* [Fundamentals of scientific and technical lexicography (how to work on the terminological dictionary)]. L. Publishing house of Leningrad State University. 1986. P.24.
2. Ibid. Pp. 27-37.
3. Grinev-Grinevich S. V. *Vvedenie v terminografiyu: kak prosto i legko sostavit' slovar'* [Introduction to terminology: how to compile a dictionary easily]. M. LIBROKOM. 2009. P. 96.
4. Bazdyrev G. I., Loshakov V. G., Puponin A. I. i dr. *Zemledelie: uchebnik dlya vuzov* [Agriculture: textbook for universities]. M. PoligrafPlus. 2000. 470 p.; Korriga V. P. i dr. *Pochvovedenie s osnovami geologii* [Soil science with basics of geology]. M. Eksmo. 2000. 516 p.; Eftefeev YU. V., Kazancev G. M. *Osnovy agronomii* [Fundamentals of agronomy]. M. Eksmo. 2013. 430 p.; Strojkov YU. M. *SHkalikov V. A. Zashchita sel'skohozyajstvennykh kul'tur ot boleznej* [Technology of crop production]. M. PoligrafPlus. 2006. 513 p.; Strojkov YU. M. *SHkalikov V. A. Zashchita sel'skohozyajstvennykh kul'tur ot boleznej* [Protection of crops from diseases]. M. 1988. 418 p.
5. Kobrin R. YU. *O principah terminologicheskoy raboty pri sozdanii tezaurusov dlya informacionno-poiskovykh sistem* [On the principles of terminological work in creating thesauri for information retrieval systems] // *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya* – Scientific and technical information. Ser. 2. 1969, No. 6, pp. 1-9.
6. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie* [Terminology]. M. Akademiya. 2008. P. 18.
7. Eftefeev YU. V., Kazancev G. M. Op. cit.

УДК 81'373.46

Е. С. Руфова

Лексико-семантические особенности японского гастрономического дискурса (на материале рецептов)

Данная статья посвящена проблеме гастрономического дискурса как особого вида коммуникации. По мнению многих исследователей, гастрономический дискурс представляет один из видов выражения специфики национального языка в процессе коммуникации. В системе глуттонии находят свое отражение этнические, религиозные и культурные особенности народов. На примере текстов японских кулинарных рецептов выделяются лексико-семантические особенности глуттонических номинаций. В результате исследования выделяются основные отличительные черты японской глуттонической лексики: профессиональная терминология, заимствованная лексика, детализация выражений. Отличительной особенностью глуттонических номинаций японского языка можно считать дробность выражаемых понятий. Это обусловлено тем, что глуттонимы, собственно знаки пищи в текстах кулинарных рецептов, как правило, однозначны или имеют тенденцию к однозначности, свободной от ассоциаций.

This article is reveal the problem of gastronomic discourse as a special kind of communication. According to many researchers gastronomic discourse represents one of the types of expression of the specifics of the ethnic language in the process of communication. The gluttonian system reflects the ethnic, religious and cultural characteristics of nation. On the example of texts of Japanese culinary recipes, lexical and semantic features of gluttonic nominations are distinguished. As a result of this research, the main distinguishing features of the Japanese gluttonic vocabulary are distinguished: professional terminology, borrowed vocabulary, and detailed expressions. A distinctive feature of the gluttonic nominations of the Japanese language can be considered the fractional nature of the concepts expressed. This is due to the fact that gluttons, proper food signs in the texts of recipes, as a rule, are unambiguous or tend to uniqueness, free from associations.

Ключевые слова: дискурс, рецепт, текст, номинации, лексика, терминология, заимствования.

Keywords: discourse, recipe, text, nominations, vocabulary, terminologies, borrowings.

Кулинарный текст как особый вид коммуникации является объектом многих междисциплинарных исследований российских и зарубежных ученых (Клод Леви-Стросс [1], М. В. Удрина [2]). Особый вклад в изучение кулинарного текста и языка как особого вида массово-

информационного дискурса внесла работа А. В. Олянич «Презентационная теория дискурса». В своей монографии он выдвинул некоторые виды дискурса, среди которых особо примечательным и менее изученным является гастрономический дискурс.

А. В. Олянич определяет гастрономический дискурс как «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [3].

Гастрономический дискурс как особый вид массово-информационного дискурса по своей форме и структуре вмещает в себя большой набор экстралингвистических свойств. Он отражает культурные, языковые, этнические и идеологические картины мира и является системой, вбиравшей в себя особенности национальной культуры и имеющей социальные характеристики. Это особый тип коммуникации, включающий в себя специализированную терминологию, устойчивые обороты речи [4].

Кулинарный рецепт как разновидность гастрономического дискурса определяет текст кулинарного рецепта как произведение, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку, зафиксированное в виде письменного документа, оформленного в соответствии с типом этого документа [5]. П. П. Буркова рассматривает кулинарный рецепт как «письменный, монологический, подготовленный текст, хранящий в себе информацию накопительного характера» [6]. Н. А. Земскова к особенностям кулинарного текста относит: 1. Наличие особого слоя лексики – терминов и полутерминов. 2. Наличие заимствований. 3. Наличие аббревиатур. 4. Неэмоциональную, безоценочную лексику нейтрального лексического фонда и лексику с тенденцией к малосемантической и моносемантической [7].

В качестве материала исследования нами были выбраны рецепты кулинарных периодических журналов – 3分クッキング [Sanpun kukkingu], おしゃべりクッキング [Oshaberi kukkingu] きょうの料理 [Kyō no ryōri]. К характерным особенностям японской кухни можно отнести устоявшиеся гастрономические традиции (сезонные рецепты); преобладание традиционных видов продуктов и блюд; сохранение и передачу ценностей национальных кулинарных традиций. Наряду с этим заметно некоторое влияние западной культуры на образ жизни японцев, что видно из популярности рецептов «на скорую руку» и широты представленных блюд западной кухни. К важным составляющим японской кухни можно отнести и высокое качество исходных ингредиентов, и эстетическое наслаждение от процесса приготовления и подачи блюд.

Лексика кулинарных рецептов представляет собой особую знаковую систему. В проанализированных нами рецептах было обнаружено частое использование специальных японских кулинарных терминов, которые имеют узкое конкретное значение. Такие термины в японском языке представлены в большом количестве, и их перевод на русский язык будет обязательно сопровождаться уточнениями.

Узкоспециальные термины японского языка можно разделить на три основных синонимических ряда:

1. Жарка

—焼く[yaku] «жарить без масла, на гриле» – 手羽を中火で焼く куриные крылышки обжарить без масла на среднем огне [8];

—炒める[itameru] «жарить в небольшом количестве масла» – 予熱し、鳥肉を炒める... в предварительно нагретой духовке, в небольшом количестве масла обжарить куриное мясо [9];

—揚げる[ageru] «жарить во фритюре, в большом количестве масла» – えびを弱火で揚げる ... креветки пожарить на медленном огне в большом количестве масла [10].

—焙れる[abureru] «печь, сушить над огнем» [11];

—照り焼き[teriyaki] «поджаривание с соевыми соусом» [12].

При переводе данных глаголов на русский язык нам пришлось дать развернутое пояснение глагола, чтобы передать полный его смысл, тогда как на японском языке он передается через один глагол.

2. Варка

—煮る[niru] «варка, после которой оставляют жидкость» – ぼたけ、しょうがを入れて中火で5分煮る... гребешки и имбирь положить в кастрюлю, варить на среднем огне в течение пяти минут [13];

—茹でる[yuderu] «обваривание, после которого сливают воду» – ひやむぎをたっぷりの熱湯でゆでる ... холодную лапшу варить в большом количестве горячей воды [14].

Также можно выделить следующие термины: 蒸す[musu] «тушение, продолжительная варка в небольшом количестве воды»; 煮込む[nikomu] «длительное тушение»; 炊く[taku] «варка» – используется главным образом при приготовлении риса.

3. Нарезка

В рецептах можно встретить глагол 切る[kiru], который означает «резать» – キャベツを切る нарезать капусту. Также встречается глагол 刻む[kizamu] – русский эквивалент слова «шинко-

вать». Рассмотрев семантическую группу глаголов, можно отметить достаточно большое количество синонимов кулинарной терминологии в японском языке, например термины, определяющие форму нарезки: みじん切る [mijinkiri] – резать мелкой крошкой; 薄切り [usugiri] – резать тонкими ломтиками; 半月切る [hantsukikiru] – резать колысочками, полумесяцами; 小口切る [koguchigiru] – резать тонкими круглыми ломтиками; 輪切る [wagiru] – резать колечками; 乱切る [rangiru] – резать случайными, неровными кусочками; 針切る [harikiru] – резать тонкой длинной соломкой.

В качестве еще одной особенности лексики японских рецептов можно выделить заимствованную лексику. Заимствованные глуттонимы обозначают те иноязычные реалии, которые естественно не были в японском обиходе, но с течением времени и укреплением торговых связей крепко внедрились в культуру японской кулинарной традиции: キャベツ «капуста», レタス «салат», パン «хлеб», トマト «помидор», スパゲティ «спагетти». В современной лексике японского гастрономического дискурса заимствования занимают почти одну треть общеупотребительной терминологии кулинарного рецепта. Использование заимствований в японском языке определяется тем, что большинство продуктов, которые сейчас находятся на прилавках японских магазинов, завезены на японский архипелаг с других континентов.

Однако в японской кулинарной традиции синонимичные слова, представленные исконным и заимствованным словом, выражают различные понятия гастрономической действительности. Так, например, рассмотрим глуттонимы チキン [chikin] «курятина» – 鳥肉 [toriniku] «курятина», ジャガイモ [jyagaimo] «картошка» – ポテト [pote-to] «картошка». На первый взгляд они кажутся синонимичными глуттонимами, выражающими одно и то же понятие. Однако в японских кулинарных рецептах заимствованные チキン [chikin] «курятина» и ポテト [pote-to] «картошка» употребляются по отношению уже к готовому продукту: チキンライス [chikinraisu] «курица с рисом» [15], ジャーマンポテト [jya-man pote-to] «картошка по-немецки» [16]; тогда как глуттонимы 鳥肉 [toriniku] «курятина» и ジャガイモ [jyagaimo] «картошка» обозначают сырой продукт, обычно предоставляемые в ингредиентах.

Также стоит отметить, что японская лексика богата дробностью выражаемых понятий, детализацией выражений, что обусловлено большим выбором лексических номинаций. Например, в русском языке рис в зерне и в вареном виде, т. е. в любом виде, будет называться рисом. Для японцев рис является главным компонентом питания и неотъемлемой частью жизни всего народа. Рис в кулинарных рецептах чаще всего выступает в двух наименованиях, а именно:

米 [kome] – буквально означает рис. Подразумевает собой рис в зерне, который чаще всего выступает как составляющий ингредиентной части гастрономического рецепта.

ご飯 [gohan] – буквально переводится как «почтенный вареный рис». Обозначает готовый продукт уже подвергшийся обработке, т. е. в сваренном виде. Также ご飯 [gohan] в переносном значении будет обозначать пищу в общем ее смысле, что является аналогом хлеба в европейской кухне. Например, ご飯時 [gohandoki] будет переводиться как время завтрака (обеда, ужина). Но в рецептах этот иероглиф чаще всего обозначает вареный рис как готовый вид продукта, сопровождающий основное блюдо. Такие виды дробности свойственны национальным продуктам, а именно, традиционным для японского рациона овощам и морепродуктам. В проанализированных нами рецептах мы выделили, что заимствования из разных континентов быстро прижились в японской кухне и широко используются в блюдах традиционной национальной кухни.

Таким образом, можно утверждать, что в японской гастрономической лексике подавляющее большинство слов представлено специальными терминами и заимствованной лексикой. Однако кулинарные термины, являясь совокупностью лексико-семантических групп гастрономического дискурса, могут также находиться в рамках общеупотребительной лексики.

Особенность лексического состава кулинарного рецепта определяется его функциональной направленностью. Сфера употребления кулинарной лексики японского языка является общеупотребительной, так как в рецептах используются слова из общего лексического пласта национальной языковой действительности. Но наряду с этим можно утверждать, что в японском языке существуют термины кулинарного профессионального языка, относящиеся к специфичной стороне кулинарного производства, т. е. узкоспециальная лексика.

Кулинарное разнообразие и лексический состав японского кулинарного языка на протяжении всей истории активно пополнялись за счет других стран, чем объясняется достаточно большое количество заимствованной лексики.

Отличительной особенностью глуттонических номинаций японского языка можно считать дробность выражаемых понятий. Это обусловлено тем, что глуттонимы, собственно знаки пищи в текстах кулинарных рецептов, как правило, однозначны или имеют тенденцию к однозначности, свободной от ассоциаций.

Примечания

1. *Леви-Стросс К.* Мифологии: сырое и приготовленное. М.: FreeFly, 2006. 398 с.
2. *Ундрицова М. В.* Глуттонический дискурс: лингвокультурологические и переводческие аспекты // Вестник Московского университета. 2012. № 2. С. 86–91.
3. *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. С. 426.
4. Там же. С. 396.
5. *Головницкая Н. П.* Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 25 с.
6. *Буркова П. П.* Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. С. 39.
7. *Земскова А. Ю.* Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса // Вестник ТПУ. 2009. № 9 (60). С. 35–50.
8. «3分クッキング» [sanpukukkingu]: кулинарный журнал. Токио, 2015. Vol. 51. С. 125.
9. Там же. С. 129.
10. Там же. С. 178.
11. Там же. С. 65.
12. «おしゃべりクッキング» [osyaberikukkingu]: кулинарный журнал. Токио, 2016. Vol. 12. С. 316.
13. Там же. С. 278.
14. Там же. С. 90.
15. «きょうの料理» [kyounoryouri]: кулинарный журнал. Токио, 2015. Vol. 5. С. 48.
16. Там же. С. 79.

Notes

1. *Levi-Stross K.* *Mifologiki: syroe i prigotovlennoe* [Mythologicals: raw and cooked]. M. FreeFly. 2006. 398 p.
2. *Undricova M. V.* *Glyuttonicheskiy diskurs: lingvokul'turologicheskie i perevodcheskie aspekty* // *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Herald of Moscow University. 2012, No. 2, pp. 86-91.
3. *Olyanich A. V.* *Prezentatsionnaya teoriya diskursa: monografiya* [Presentation theory of discourse: monograph]. Volgograd. Paradigm. 2004. P. 426.
4. Ibid. P. 396.
5. *Golovnickaya N. P.* *Lingvokul'turnye harakteristiki nemeckoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural characteristics of the German gastronomic discourse: abstr. of dis. cand. philol. sciences]. Volgograd. 2007. 25 p.
6. *Burkova P. P.* *Kulinarnyy recept kak osobyj tip teksta (na materiale russkogo i nemeckogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk.* [Recipe as a special type of text (on the material of Russian and German language): dis. cand. philol. sciences]. Stavropol. 2004. P. 39.
7. *Zemskova A. YU.* *Lingvosemioticheskie harakteristiki angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa* [Linguistic and semiotic features of English gastronomic discourse] // *Herald of the Tomsk Polytechnic University*. 2009, No. 9 (60), pp. 35-50.
8. "3分クッキング" [sanpukukkingu]: a culinary journal. Tokyo. 2015. Vol. 51. P. 125.
9. Ibid. P. 129.
10. Ibid. P. 178.
11. Ibid. P. 65.
12. "おしゃべりクッキング" [osyaberikukkingu]: a culinary journal. Tokyo. 2016. Vol. 12. P. 316.
13. Ibid. P. 278.
14. Ibid. P. 90.
15. "きょうの料理" [kyounoryouri]: a culinary journal. Tokyo. 2015. Vol. 5. P. 48.
16. Ibid. P. 79.

Реконструкция образа человека как личности на основе его непроцессуальных и процессуальных характеристик и идиостиля

Работа посвящена созданию объективной реконструкции образа человека при помощи анализа языкового материала. Исследование является продолжением работы кировских лингвистов по реконструкции образа человека, который рассматривается как совокупность непроцессуальных и процессуальных характеристик. В данной работе подход к реконструкции образа человека несколько изменён. Во-первых, в качестве основы реконструкции используется личность человека, которая рассматривается как интегративная, динамическая, социально обусловленная и исторически развивающаяся система свойств и качеств человека как индивидуума. Во-вторых, доминантные характеристики личности выявляются через посредство анализа не только непроцессуальных и процессуальных характеристик, но также речевого поведения, включающего характеристику манеры говорить и прямой речи как формы реализации коммуникативного намерения человека (идиостиля).

The article is devoted to the creation of an objective reconstruction of the human image through the analysis of language material. The investigation continued the work of Kirov linguists on the reconstruction of the human image, which is considered as a set of non-procedural and procedural characteristics. In this paper, the approach to the reconstruction of the human image has been somewhat changed. At the first, as the basis of reconstruction, the person's selfhood is used, which is viewed as an integrative, dynamic, socially conditioned and historically developing system of the properties and qualities of the human as an individual. At the second, the dominant characteristics of the personality are revealed through the analysis of not only non-procedural and procedural characteristics, but also speech behavior, including the characterization of the manner of speaking and direct speech as a form of realization of the communicative intention (idiostyle).

Ключевые слова: системно-функциональный подход, образ человека, личность, идиостиль.

Keywords: systemic and functional approach, human image, selfhood, idiostyle.

В современном языкознании выделяются две ярко выраженные тенденции, обусловленные общими для науки в целом направлениями развития: 1) фокусировка на человеке, то есть изучение языка как специфического феномена, созданного человеком и функционирующего исключительно в человеческом обществе, а также описание человека как феномена средствами языка (антропоцентрическое направление); 2) расширение в науке о языке объекта изучения, выход за пределы чисто лингвистических исследований, и, как следствие, заимствование методов других дисциплин, прежде всего, смежных (системно-функциональное направление) [1].

Обе эти тенденции пересекаются и находят своё явное выражение в проблеме воспроизведения образа человека на основе фактов языка, которой в России исследователи заняты уже более четверти века. Когда и у кого впервые возникла мысль о возможности восстановления облика человека по языковым данным, в настоящий момент сказать трудно. Во всяком случае, уже В. В. Виноградов обращается к ней [2]. Однако широкий интерес к этой проблеме возник в 80–90-е гг. XX в. вследствие распространения в русской лингвистике антропоцентризма. В это же время стало возможным её комплексное решение, благодаря системно-функциональному направлению, которое является связующим звеном для ряда наук.

Работы по воссозданию образа человека лингвистическими методами ведутся преимущественно в двух направлениях: реконструируется образ человека вообще, находящий своё выражение в соответствующем концепте и присущий определённому народу определённой эпохи [3]; реконструкции подвергается отдельный человек, индивид [4]. Разумеется, и то и другое направление не могут существовать порознь, поскольку для того чтобы верно описать образ конкретного человека, необходимо провести его сличение с представлениями о человеке вообще, и, наоборот, для правильного построения концепта ЧЕЛОВЕК важными являются данные о конкретных людях, их особенностях, индивидуальности. В данных исследованиях предметом изучения становится речевая или предметная, целенаправленная деятельность человека, отдельные его характеристики (параметры по Ю. С. Степанову) или их совокупность, в результате чего рисуется портрет человека как такового или человека как индивида.

Несмотря на то что накоплен большой теоретический и эмпирический материал, связанный с описанием человека, представления о нём как носителе личностных качеств в большинстве своём до сих пор являются общими и неопределёнными.

Мы ставим перед собой цель составить схему объективной реконструкции образа человека как личности на основе языковых фактов. Объективной реконструкцией мы называем такую, по которой возможна идентификация определённого лица.

Для того чтобы образ получился объективным и непротиворечивым, языковые факты, в которых отражены те или его стороны, должны быть взяты в систему. Такое системное описание было разработано С. В. Черновой, которая в основу положила деятельностный подход: человек изучается в деятельности, выраженной языковыми средствами. Деятельность рассматривается как «сцепка», интегрирующая различные сведения об объекте исследования, которые распределяются в две группы: непроцессуальные и процессуальные характеристики [5].

Сведения о человеке охватывают всю его жизнь и потому должны собираться последовательно, выстраиваться в линию, которую можно представить в виде жизненного пути [6], пройденного человеком, и исследователь должен повторить этот путь вслед за объектом своего изучения.

Для того чтобы реконструкция оказалась максимально приближенной к «оригиналу», необходима объективная основа. Такой объективной основой служит личность, запечатлённая в языке, как важнейшая составляющая, доминантная характеристика человека, – высшая интегративная система, отражающая его индивидуальный путь развития в обществе.

Рассмотрим далее личность как лингвистический и экстралингвистический феномен и параметры её характеристики.

Личность как лингвистический и экстралингвистический феномен

Личность является относительно поздним продуктом исторического развития общества. Понятие «личность» в русском языке возникает в Новое время – не ранее второй половины XVII в. [7], и лишь к середине XIX в. в слове *личность* конституируются основные характеристики, присущие этому понятию и представленные в том или ином виде в сознании современного носителя русского языка [8]. Так, в 40–50-е гг. XIX в. слово *личность* «начинает прилагаться не только к лицу, сознающему себя, стоящему на известной ступени своего духовного развития, но и вообще ко всякому отдельному человеку как особи» [9]. Современное словоупотребление показывает, что личность превращается в индивида, который выступает в качестве носителя прав и обязанностей и в определённой степени противопоставляет себя обществу, коллективу [10], то есть слово *личность* используется для номинации всякого человека как носителя личностных (индивидуальных) характеристик. Каждый человек – личность [11].

Объектом научного изучения личность становится в XX в. Под разными углами зрения личность рассматривается представителями различных направлений и течений в психологии, философии, социологии и других науках, в том числе и лингвистике. Дать обзор всех существующих на сегодняшний момент концепций личности, пусть и ограниченных рамками хотя бы одной дисциплины, – задача непростая и претендующая на роль самостоятельного исследования. Мы ограничимся некоторыми, с нашей точки зрения, наиболее важными, доминантами этого понятия.

На основе работ отечественных исследователей, а также обобщающих определений, представленных специализированными словарями [12], мы составили следующее определение личности. Личность – это (1) высшая интегративная система интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств индивида, которая (2) формируется в процессе его социокультурного развития (3) в результате конкретной деятельности (труда).

Именно это определение личности позволяет избрать для её описания общее для лингвистики и смежных с ней дисциплин основание – системно-функциональный анализ объекта научного познания. Такой подход предполагает, что при характеристике человека как личности необходимо рассматривать совокупность его личностных (= индивидуальных) свойств и качеств как систему, определённым образом структурированную и функционирующую под контролем сознания человека и сообразно его деятельности в тот или иной период его жизни.

В определении мы выделили три ключевые характеристики личности. Во-первых, личность есть результат, на данный момент – конечная точка онтогенетического развития человека [13]. Во-вторых, личность не является врождённой системой, – это продукт общества и эпохи [14]. Вне общества личности не существует. Но и в обществе, у каждого народа и у одного и того же народа в разные периоды его исторического развития – понятие о личности своё. Изучая личность, её жизненный путь, мы изучаем и общество, и культуру, в которые она включена, и социально-политическую и социально-экономическую ситуацию и т. д. – в целом эпоху, историко-

культурную реальность. В-третьих, важнейшим условием формирования личности является деятельность [15]. Личность формируется **в результате конкретной деятельности (труда)**, что предполагает и обратное – деятельность является выразителем особенностей личности, по деятельности, по труду личности можно выявить основные её характеристики, на основе изучения деятельности можно представить саму личность.

Человек, развитие которого происходило в обществе и который достиг высокого уровня психического развития, является личностью. Можно сказать, что каждый человек – личность. Однако один человек как личность отличается от другого человека, также являющегося личностью, степенью развития психической сферы и уровнем социализации. В связи с этим мы будем исходить из следующей посылки: каждый человек – личность с определённым, соответствующим норме, уровнем психического развития и социализации. Личности различаются именно степенью отклонения от стандарта, принятого в данном обществе, социальной группе в определённый период развития общества.

В этом смысле важной характеристикой личности, на наш взгляд, оказывается её социальная зрелость / незрелость, которая детерминируется уровнем личностного развития индивида как результатом социализации, в ходе которой он интернализует общественные ценности и становится полноценным членом общества. Шкала зрелости / незрелости выстраивается по степени развития мотивационной сферы личности, эстетических и интеллектуальных способностей, по степени активного участия в жизни общества [16]. Так, зрелой личностью называют человека как полноценного субъекта общественной деятельности со сложившейся иерархической мотивационно-потребностной сферой, в которой доминируют высшие духовные потребности [17]. По логике вещей, незрелая личность – та, которая не обладает всеми или некоторыми из перечисленных выше признаков зрелой личности.

От личности к образу через деятельность

С. В. Чернова рассматривает реконструкцию образа человека на основе анализа его деятельности [18], которая фиксируется в фактах языка как непроцессуальные и процессуальные характеристики.

Непроцессуальные характеристики – это вербализованные сведения о человеке, в которых проявляются индивидуальные его особенности, проявляется личность человека (внешний вид, предметное окружение, система ценностей и т. д.), а также это предпосылки становления личности человека (генетические особенности, социокультурная среда, в которой происходит формирование человека, социальное окружение и т. д.), «содержащие информацию, так или иначе влияющую на модель поведения человека в разного рода ситуациях на протяжении его жизненного пути» [19].

Непроцессуальные характеристики указывают на те свойства, которые делают человека неповторимой индивидуальностью, отличающей его от других индивидуумов. Они служат как бы маркерами, которые есть проявления неповторимых личностных свойств и по которым можно отличить одну индивидуальность от другой, а в совокупности дают внешнее представление о личности.

Набор непроцессуальных и процессуальных характеристик может быть очень широк, поэтому при воссоздании личности необходимо вычленять наиболее значимые из них, отражающие результат культурного, социального развития индивида. Непроцессуальные характеристики иерархически неоднородны. Наибольшую значимость, на наш взгляд, представляет система ценностей, которая является «квинтэссенцией» остальных непроцессуальных характеристик. Ср.: «Система ценностных ориентаций занимает ведущую позицию в структуре личности человека и обнаруживается в его целях, убеждениях, идеалах, установках, интересах и других личностных проявлениях... В процессе человеческой деятельности ценностные ориентации выступают основными регуляторами поведения и социальной активности личности» [20].

Анализ процессуальных характеристик представляет собой последовательное изучение компонентов, составляющих в совокупности деятельность человека (мотив, цель, предмет, операции, действия, средства, условия, результат) и выраженных в языковых формах. В итоге исследователь выстраивает лингвистическую модель поведения человека на протяжении его жизненного пути [21]. С. В. Чернова дает следующее определение данного понятия. Ср.: Модель поведения – «это отраженная в языковых формах схема его целенаправленной деятельности от замысла до осуществления замысла, в основе которой лежат мотивы и цели, обуславливающие разные виды этой деятельности» [22]. Наиболее полной такая модель получается, если анализ деятельности производится посредством изучения ключевых ситуаций [23]. Это те ситуации, которые

определяют направление жизненного пути человека и в которых наиболее ярко обнаруживает себя типичная для конкретного индивида модель поведения.

Ключевыми ситуациями можно назвать *наиболее значимые события в жизни субъекта, которые требуют принятия сложного решения, мобилизации его умственных и духовных сил и в которых совершаются исключительные по своему значению поступки и, следовательно, оказываются решающими для понимания личности субъекта.*

Поведение отдельного человека в ключевых ситуациях индивидуально, обусловлено его неповторимыми личностными свойствами. Поведение человека в разных ключевых ситуациях будет различным, если различны цели деятельности в этих ситуациях и различны задачи. Последние определяют выбор определённых тактик поведения. Тактика поведения – *это совокупность средств и приёмов, избираемых в соответствии со способностями и возможностями человека, направленная на поиск решения в определённой ситуации и её разрешение.*

Особым параметром характеристики личности при реконструкции образа оказывается речевое поведение.

Кировские лингвисты относят речь и к непроцессуальным (коммуникативные навыки, речевая культура, языковой вкус), и к процессуальным характеристикам (речевое поведение, речевой этикет, выбор языковых средств для конкретного акта коммуникации, коммуникативные тактики, языковая компетентность) [24], что представляется вполне логичным.

Действительно, речевая деятельность, если проводить исследование в её важнейшей функции – коммуникативной, является частной проблемой по отношению к деятельности человека вообще и представляет собой «процесс использования языка для общения во время какой-то другой человеческой деятельности» [25], а значит, содержит в себе языковые данные, которые могут быть эксплицированы посредством непроцессуальных и процессуальных характеристик. Разумеется, существует такой специфический вид речевой деятельности, как общение ради общения, который, очевидно, представляет собой заслуживающий внимания яркий элемент образа человека, но самостоятельным объектом характеристики быть не может, поскольку понятия «общение» и «деятельность» являются соподчинёнными, а значит, общение как самоцель следует отнести к процессуальным характеристикам.

Ничем иным как непроцессуальными характеристиками являются речевые навыки, умения, которые позволяют осуществлять эффективную коммуникацию; физические свойства речевого сигнала, свидетельствующие об анатомо-физиологических особенностях индивида; особенности в области фонетики, лексики, морфологии, словообразования, позволяющие определить, откуда родом человек, в какой социальной среде воспитывался, средства невербальной коммуникации; вокабуляр, индивидуальный тезаурус: разговорные штампы, шаблоны, фразеологизмы, фразеорефлексы и т. д. и т. п., которые свидетельствуют о принадлежности человека к определённой социальной группе и очерчивают его кругозор.

Вместе с тем те особенности речи, которыми наградила человека природа, и те её особенности, которые человек приобрёл в социуме, превратившиеся в речевые способности, сами по себе малозначимы, если отсутствует умение применять их в соответствии с конкретной ситуацией. Такое умение осуществлять отбор средств и ресурсов языка для того, чтобы коммуникация оказалась максимально эффективной, есть языковая (речевая) компетентность, которая может быть вполне отнесена к процессуальным характеристикам, поскольку выбор средств языка – *что человек использует и почему* – достаточно определённо характеризуют его модель поведения и, в целом, колоритно описывают индивидуальность.

Рассматривая речевую деятельность в когнитивной функции, мы неизбежно сталкиваемся с самим механизмом осуществления процесса мышления. «Мыслительный процесс представляет собой конкретную мыслительную деятельность, то есть оперирование словесно оформленными мыслями... Материальным носителем идеального процесса мышления является внутренняя речь» [26]. Этот аспект речевой деятельности, несомненно, важен для воссоздания целостного образа человека, поскольку, анализируя мыслительный процесс, мы можем взглянуть на деятельность человека (т. е. рассмотреть процессуальные характеристики) под иным углом зрения – увидеть не отдельные поведенческие акты, составляющие деятельность человека извне, а заглянуть в когнитивный ход их развития.

Итак, доводы, которые представлены кировскими учеными, мы находим убедительными.

Однако речевую деятельность мы будем относить к отдельному аспекту анализа образа человека, исходя при этом из следующих оснований.

Во-первых, речь человека содержит языковые единицы и синтаксические конструкции, которые уникальны для каждого индивида, и, на наш взгляд, не столько характеризуют человека, сколько служат идентификации его личности, а потому их невозможно отнести ни к процессу-

альным, ни к непроцессуальным характеристикам. Такие лексические и синтаксические единицы (функциональные слова, частотная лексика, т. е. «любимые» слова, текстовые аномалии, авторские знаки пунктуации, распределение длины предложения и т. д.) используются, например, для идентификации авторства текста [27], а для нас они представляют интерес, поскольку представляют собой отпечаток личности человека.

Во-вторых, анализ непроцессуальных и процессуальных характеристик требует от нас пристального внимания к содержанию текста, который содержит ответы вопросы о том, *что* персонаж говорит, *что* говорят о нём, *что* именно он делает и т. д. Основным приёмом анализа при этом является исследование ключевых слов и словосочетаний, высказываний и даже определённых фрагментов текста – значительный по объёму языковой материал. Объектом анализа при такой характеристике является повествовательный текст и от третьего, и от первого лица. Анализ того, *как* человек говорит, как устроена его мыслительная деятельность требуют экспликации не меньшего объёма данных, а объектом анализа становится, прежде всего, прямая речь. И уже только поэтому анализ речевой деятельности должен быть произведён отдельно.

Выделяя речевую деятельность в отдельный раздел анализа образа человека, мы, прежде всего, ставим перед собой задачу экспликации в речевой деятельности человека социальных и индивидуальных черт, которые могут быть определены как индивидуальный речевой стиль персонажа (идиостиль), при этом следуем подходу, созданному В. В. Виноградовым, Л. В. Щербой и Г. О. Винокуром и предполагающему широкий филологический анализ. Ср.: *Идиостиль* – это «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей языка» [28].

Примерная схема анализа человека как личности может быть такой.

1. Непроцессуальные характеристики:

- сведения, в которых проявляется личность человека;
- органические, заложенные природой и воспитанием условия для формирования личности.

2. Процессуальные характеристики:

- цель жизни (генеральная линия жизни);
- мотивы действий и поступков;
- принятие решений;
- поведение в ключевых ситуациях;
- верификация.

3. Идиостиль:

- интериоризованный дискурс;
- внешняя речь [29].

Итак, реконструкция и интерпретация образа человека как личности, на наш взгляд, включает в себя три структурообразующих элемента: речевая деятельность (идиостиль), непроцессуальные и процессуальные характеристики.

Процессуальные характеристики являются важнейшим членом этой триады, позволяющей выполнить поставленную перед исследователем задачу воссоздания образа. Анализ идиостиля позволяет нам уточнить характеристики, составляющие личностные свойства человека и эксплицируемые посредством анализа непроцессуальных и процессуальных характеристик, и выделить идентифицирующие речевые особенности, являющиеся теми мазками, которые завершают целостный его образ.

Предложенная нами методика анализа человека как личности, свойства и качества которого эксплицируются через посредство анализа языкового материала, как нам кажется, позволит приблизиться к созданию реконструкции целостного образа человека. Характеристика человека как личности в соотношении с понятием «образ человека» и с опорой на языковые факты позволит объективировать его описание, даст в руки исследователей конкретный материал, позволяющий выявить его доминантные характеристики. Это откроет путь к более глубокому познанию человека как личности не только в лингвистике, но в других науках.

Примечания

1. См., напр.: Дуличенко А. Д. О перспективах лингвистики XXI века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 5. С. 124–131; Алефиренко Н. Ф. Перспективы развития науки о языке // Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс. М., 2007; Чернова С. В. Лингвистика и ее место в междисциплинарном научном пространстве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3(2). С. 8–13.

2. Виноградов В. В. О художественной прозе. М.; Л., 1930.

3. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка (попытка системного описания) // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67; Интерпретация образа человека. Опыт лингвистического описания собира-

тельного образа человека. Образ жителей г. Кирова. Киров, 2011; *Калинина Л. В.* Семантика и функционирование существительных «человек», «человечество», «человечина» и «человечность» в современном русском языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 17. С. 81–86; *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2010; *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986; *Сергиева Н. С.* Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании. СПб., 2009; *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000; *Чернова С. В.* Деятельность: лингвистический анализ Киров, 2008; *Чернова С. В., Калинина Л. В.* Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2–2. С. 8–12; *Чернова С. В.* Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Междунар. конф. 5–7 октября 2011 года / отв. ред. С. В. Чернова, Л. В. Калинина. Киров, 2011. С. 9–24; *Чернова С. В.* Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Междунар. сб. науч. тр. М., 2012. С. 554–558; *Чернова С. В.* Понятие «образ человека» как лингвистический термин // Перспективы развития науки и образования: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 29 ноября 2013 г.: в 7 ч. М., 2013. С. 24–25 и др.

4. *Закирова О. В.* Качественные прилагательные как средство создания образов персонажей романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007; Интерпретация образа человека. Образ публичных людей г. Кирова / [науч. ред. С. В. Чернова]. Киров, 2012; *Наумова Н. Г.* Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»). Киров, 2010; *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / отв. ред. Шмелёв. М., 1990; *Хлупина М. А.* Особенности языковой личности С. Д. Довлатова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014; *Шибанова А. Н.* (Глухих А. Н.) Языковые средства создания образов А. В. Суворова и М. И. Кутузова в исторической прозе Р. М. Зотова // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. молодых ученых. Вып. 13. 2016 г. Н. Новгород, 2016. С. 199–203. и др.

5. *Чернова С. В.* Деятельность: лингвистический анализ...

6. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии: в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 237; *Сергиева Н. С.* Указ. соч. С. 152–153.

7. *Виноградов В. В.* Из истории слова «личность» в русском языке до середины XIX в. // История слов. М., 1994. С. 271.

8. Там же. С. 273; *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. С. 204.

9. Там же.

10. *Игнатов И. А.* Семантика слова личность и её отражение в языковом сознании современного человека // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч. журн. 2011. № 1 (2). С. 18–21; *Игнатов И. А.* Слово личность и особенности его функционирования в русском языке // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 146–148.

11. Там же. С. 147.

12. *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980; *Асмолов А. Г.* Личность как предмет психологического исследования. М., 1984; *Бехтерев В. М.* Психологическое определение личности // Психология личности в трудах отечественных психологов: хрестоматия / Л. В. Куликов [сост.]. М.; СПб., 2009. С. 17–18; *Божович Л. И.* Проблемы формирования личности. М.; Воронеж, 1997. *Волков В. Н.* Онтология личности: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2001; *Выготский Л. С.* Развитие личности и мировоззрения ребёнка // Психология личности. Т. 2. Самара, 2002. С. 160–164; *Ильенков Э. В.* Что же такое личность? // Философия и культура. М., 1991; *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967; *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977; *Леонтьев А. Н.* Деятельность и личность // Психология личности. Т. 2. Самара, 2002. С. 165–196; *Ломов Б. Ф.* Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. С. 3–16; *Мясищев В. Н.* Психология отношений: избр. психол. тр. / под ред. А. А. Бодалева. М.; Воронеж, 1995; *Петровский В. А.* Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982; *Петровский В. А.* К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 40–46. *Рубинштейн С. Л.* Указ. соч.; Большой психологический словарь / сост., общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2002; Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1991.

13. *Леонтьев А. Н.* Деятельность и личность // Психология личности. Т. 2. Самара, 2002. С. 177–178.

14. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб., 2001. С. 235–236.

15. *Рубинштейн С. Л.* Указ. соч. С. 41.

16. *Кон И. С.* Социальная психология. М., 1999. С. 177.

17. *Семёнов М. Ю.* Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004. С. 13.

18. *Чернова С. В.* Деятельность: лингвистический анализ...

19. *Чернова С. В.* Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа... С. 555.

20. *Мальцев В. А.* Система ценностей социального работника и психологические основания ее эффективного становления: дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2001. С. 4.

21. *Чернова С. В.* Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа... С. 557.

22. Чернова С. В. Деятельность: лингвистический анализ... С. 118.
23. Там же. С. 119.
24. Интерпретация образа человека. Опыт лингвистического описания собирательного образа человека; Интерпретация образа человека. Образ публичных людей г. Кирова; Наумова Н. Г. Языковые средства создания образа П. И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»); Шибанова А. Н. (Глухих А. Н.) Языковые средства создания образов А. В. Суворова и М. И. Кутузова в исторической прозе Р. М. Зотова.
25. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. С. 27–28.
26. Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. С. 536.
27. См., напр.: Романов А. С. Методика и программный комплекс для идентификации автора неизвестного текста: дис. ... канд. техн. наук. Томск, 2010.
28. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородникова. М., 2003. С. 95.
29. Данная методика была нами апробирована и дала положительные результаты в исследовании: Игнатов И. А. Личность: лингвистический анализ (семантика и функционирование слова *личность* в русском языке; человек как носитель личностных характеристик и его отображение в художественном тексте): дис. канд. филол. наук. Киров, 2013.

Notes

1. See, eg.: Dulichenko A. D. *O perspektivah lingvistiki XXI veka* [About the prospects of linguistics of the XXI century] // *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiy* – Herald of Mosk. Univ. Ser. 9. Philology. 1996, No. 5, pp. 124-131; Alefirenko N. F. *Perspektivy razvitiya nauki o yazyke* [Prospects for the development of the science of language] // Alefirenko N. F. *Teoriya yazyka. Vvodnyj kurs* [Theory of language. The introductory course]. M. 2007; Chernova S. V. *Lingvistika i ee mesto v mezhdisciplinarnom nauchnom prostranstve* [Linguistics and its place in the interdisciplinary space] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2008, No. 3(2), pp. 8-13.
2. Vinogradov V. V. *O hudozhestvennoj proze*. [About the prose]. M.; Leningrad. 1930.
3. Apresyan YU. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka (popytka sistemnogo opisaniya)* [Image of man according to the language (an attempt of system description)] // *Voprosy yazykoznaniya* – Problems of linguistics. 1995, No. 1, pp. 37-67; *Interpretaciya obraza cheloveka. Opyt lingvisticheskogo opisaniya sobiratel'nogo obraza cheloveka. Obraz zhitelej g. Kirova* – Interpretation of the image of man. Experience of linguistic descriptions of the collective image of man. The image of the inhabitants of the city of Kirov. Kirov. 2011; Kalinina L. V. *Semantika i funkcionirovanie sushchestvitel'nyh «chelovek», «chelovechestvo», «chelovechina» i «chelovechnost'» v sovremennom russkom yazyke* [Semantics and functioning of the nouns "person", "humanity", "human flesh" and "humanity" in the modern Russian language] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2007, No. 17, pp. 81-86; Karaulov YU. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. M. 2010; Kolesov V. V. *Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi* [The human world in the word of Ancient Rus]. L. 1986; Sergieva N. S. *Prostranstvo i vremya zhiznennogo puti v russkom yazykovom soznanii* [Time and space life course in the Russian language consciousness]. SPb. 2009; Ufimceva N. V. *Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan*. [Language consciousness and image of the world of the Slavs] // Language consciousness and image of the world: collection of articles / ed. N. V. Ufimtseva. M. 2000; Chernova S. V. *Deyatel'nost': lingvisticheskij analiz* [Activity: linguistic analysis] Kirov. 2008; Chernova S. V., Kalinina L. V. *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema* [Interpretation of the image of man as a linguistic problem] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2010, No. 2-2, pp. 8-12; Chernova S. V. *Obraz cheloveka: tolkovanie termina, istochniki dlya izucheniya, mnozhestvennost' interpretacij, lingvisticheskij analiz* [The image of man: the interpretation of the term, the sources for the study, the multiplicity of interpretations, linguistic analysis] // *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema: materialy Mezhdunar. konf. 5–7 oktyabrya 2011 goda* – Interpretation of the image of man as a linguistic problem. Proceedings of the International Conf. October 5-7, 2011 / ed. by S. V. Chernova, L. V. Kalinina. Kirov. 2011. Pp. 9-24; Chernova S. V. *Protsessual'nye i neprotsessual'nye harakteristiki cheloveka kak osnova dlya rekonstrukcii ego obraza*. [Procedural and non-procedural characteristics of the person as the basis for the reconstruction of its image] // *Racional'noe i ehmocional'noe v russkom yazyke: Mezhdunar. sb. nauch. tr.* – Rational and emotional in Russian language: coll. of scient. works. M. 2012. Pp. 554-558; Chernova S. V. *Ponyatie «obraz cheloveka» kak lingvisticheskij termin* [The concept of "image of man" as a linguistic term] // *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya: sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 29 noyabrya 2013 g.: v 7 ch.* – Prospects of development of science and education: coll. of scientific. works according to the materials of Intern. scientific-pract. Conf. November 29, 2013: in 7 pts. 2013. Pp. 24-25.
4. Zakirova O. V. *Kachestvennye prilagatel'nye kak sredstvo sozdaniya obrazov personazhej romana L. N. Tolstogo «Vojna i mir»*: dis. ... kand. filol. nauk. [Qualitative adjectives as a means of creating images of the characters in the novel L. N. Tolstoy's "War and peace": dis. cand. filol. sciences. Kazan. 2007; *Interpretaciya obraza cheloveka. Obraz publichnyh lyudej g. Kirova* – Interpretation of the image of man. The image of public figures g. Kirova / [scient. ed. S. V. Chernova]. Kirov. 2012; Naumova N. G. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza P. I. Chichikova (na materiale poemy N. V. Gogolya «Mertvyje dushi»)* [Linguistic means of creating the image P. I. Chichikov (based on the poem by N. Gogol's "Dead souls")]. Kirov. 2010; Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of the Russian literary language of XVIII–XX centuries] / ed. by Shmelev. M. 1990; Hlupina M. A. *Osobennosti yazykovoj lichnosti S. D. Dovlatova*: dis. ... kand. filol. nauk [Peculiarities of language personality of S. D. Dovlatov: dis. cand.

- philol. sciences]. M. 2014; *SHibanova A. N. (Gluhih A. N.) Yazykovye sredstva sozdaniya obrazov A. V. Suvorova i M. I. Kutuzova v istoricheskoy proze R. M. Zotova* [Linguistic means of creating images of A. V. Suvorov and M. I. Kutuzov in the historical prose by R. M. Zotov] // *Problemy yazykovoj kartiny mira v sinhronii i diahronii: sb. st. po materialam Vseros. nauch. konf. molodyh uchenykh* – Problems of linguistic picture of the world in the synchrony and diachrony: collection of articles on materials of all-Russia scientific conf. of young scientists. Is. 13. 2016. N. Novgorod. 2016. Pp. 199-203. etc.
5. *CHernova S. V. Deyatel'nost': lingvisticheskij analiz...* [Activity: a linguistic analysis...]]
6. *Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psichologii: v 2 t.* [Fundamentals of general psychology: in 2 vol.] Vol. 2. M. 1989. P. 237; *Sergius N. C. Op. cit.* Pp. 152-153.
7. *Vinogradov V. V. Iz istorii slova «lichnost'» v russkom yazyke do serediny XIX v.* [From the history of the word "identity" in the Russian language until the middle of XIX century] // *Istoriya slov* – History of words. M. 1994. P. 271.
8. *Ibid.* P. 273; *Sorokin YU. S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30–90-e gody XIX veka* [Development of the vocabulary of Russian literary language in 30-90th years of XIX century.] M.; L. 1965. P. 204.
9. *Ibid.*
10. *Ignatov I. A. Semantika slova lichnost' i eyo otrazhenie v yazykovom soznanii sovremennogo cheloveka* [Semantics of the word personality and its reflection in the linguistic consciousness of the modern person] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: nauch. Zhurn.* – Herald of Vyatka State Humanities University: scientific magazine. 2011, No. 1 (2), pp. 18-21; *Ignatov I. A. Slovo lichnost' i osobennosti ego funkcionirovaniya v russkom yazyke* [Word identity and features of its functioning in the Russian language] // *Iniciativy XXI veka* – Initiatives of the XXI century. 2012, No. 3, pp. 146-148.
11. *Ibid.* P. 147.
12. *Abul'hanova-Slavskaya K. A. Deyatel'nost' i psichologiya lichnosti.* [Activities and personality psychology]. M. 1980; *Asmolov A. G. Lichnost' kak predmet psichologicheskogo issledovaniya* [Personality as a subject of psychological research]. M. 1984; *Bekhterev V. M. Psichologicheskoe opredelenie lichnost* [Psychological definition of the personality] // *Psichologiya lichnosti v trudah otechestvennykh psichologov: hrestomatiya* – Personality psychology in works of domestic psychologists: a reader / L. V. Kulikov [comp.]. M.; SPb. 2009. Pp. 17-18; *Bozhovich L. I. Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of identity formation]. M.; Voronezh. 1997. *Volkov V. N. Ontologiya lichnosti: dis. ... d-ra filos. nauk* [The ontology of the person: dis. ... Dr philos. sciences]. Ivanovo. 2001; *Vygotskij L. S. Razvitie lichnosti i mirovozzreniya rebyonka* [Development of the personality and outlook of the child] // *Psichologiya lichnosti* – Psychology of personality. Vol. 2. Samara. 2002. Pp. 160-164; *Il'enkov EH. V. CHto zhe takoe lichnost'?* [What is a person?] // *Filosofiya i kul'tura* – Philosophy and culture. M. 1991; *Kon I. S. Sociologiya lichnosti* [Sociology of personality]. M. 1967; *Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. M. 1977; *Leont'ev A. N. Deyatel'nost' i lichnost'* [Activity and personality] // *Psichologiya lichnosti* – Personality Psychology. Vol. 2. Samara. 2002. Pp. 165-196; *Lomov B. F. Lichnost' v sisteme obshchestvennykh otnoshenij* [Personality in the system of social relations] // *Psichologicheskij zhurnal* – Psychological journal. 1981, vol. 2, pp. 3-16; *Myasishchev V. N. Psichologiya otnoshenij: izbr. psichol. tr.* [Psychology of relationships: selected psc. works] / edited by A. A. Bodalev. M.; Voronezh. 1995; *Petrovskij A. V. Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv* [The Person. Activity. Team]. M. 1982; *Petrovskij V. A. K ponimaniyu lichnosti v psichologii* [To the understanding of personality in psychology] // *Voprosy psichologii* – Questions of psychology. 1981. No. 2, pp. 40-46. *Rubinshtejn S. L. Op. cit.*; *Bol'shoj psichologicheskij slovar'* – Big psychological dictionary / comp., general ed. by B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. SPb. 2002; *Filosofskij slovar'* – Philosophical dictionary / edited by I. T. Frolov. 6th ed., rev. M. 1991.
13. *Leont'ev A. N. Deyatel'nost' i lichnost'* [Activity and personality] // *Psichologiya lichnost* – Personality psychology. Vol. 2. Samara. 2002. Pp. 177-178.
14. *Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. SPb. 2001. Pp. 235-236.
15. *Rubinstein S. L. Op. cit.* P. 41.
16. *Kon I. S. Social'naya psichologiya* [Social psychology]. M. 1999. P. 177.
17. *Semyonov M. YU. Osobennosti otnosheniya k den'gam lyudej s raznym urovnem lichnostnoj zrelosti: avtoref. dis. ... kand. psichol. nauk* [Peculiarities of attitude to money of people with different levels of personal maturity: abstr. dis. cand. psychol. sciences]. Yaroslavl. 2004. P. 13.
18. *CHernova S. V. Deyatel'nost': lingvisticheskij analiz...* [Activity: a linguistic analysis...]]
19. *CHernova S. V. Processual'nye i neprocessual'nye harakteristiki cheloveka kak osnova dlya rekonstrukcii ego obraza...* [Procedural and non-procedural characteristics of the person as the basis for the reconstruction of his image...] P. 555.
20. *Mal'cev V. A. Sistema cennostej social'nogo rabotnika i psichologicheskie osnovaniya ee ehffektivnogo stanovleniya: dis. ... kand. psichol. nauk* [System of values of a social worker and psychological foundations of effective formation: dis. cand. psychol. sciences]. Kemerovo. 2001. P. 4.
21. *CHernova S. V. Processual'nye i neprocessual'nye harakteristiki cheloveka kak osnova dlya rekonstrukcii ego obraza....* [Procedural and non-procedural characteristics of the person as the basis for the reconstruction of his image...] P. 557.
22. *CHernova S. V. Deyatel'nost': lingvisticheskij analiz...* [Activity: a linguistic analysis...] P. 118.
23. *Ibid.* P. 119.
24. *Interpretaciya obraza cheloveka. Opyt lingvisticheskogo opisaniya sobiratel'nogo obraza cheloveka; Interpretaciya obraza cheloveka. Obraz publicnykh lyudej g. Kirova* – Interpretation of the image of man. Experience of linguistic descriptions of the collective image of man; Interpretation of the image of man. The image of public figures

of Kirov; Naumova N. G. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza P. I. Chichikova (na materiale poehmy N. V. Gogolya «Mertvye dushi»)* [Linguistic means of creating the image of P. I. Chichikov (based on the poem by N. Gogol's "Dead souls")]; SHibanova A. N. (Gluhih A. N.) *Yazykovye sredstva sozdaniya obrazov A. V. Suvorova i M. I. Kutuzova v istoricheskoy proze R. M. Zotova* [Linguistic means of creating images of A. V. Suvorov and M. I. Kutuzov in the historical prose by R. M. Zotov].

25. Leont'ev A. A. *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. M. 1969. Pp. 27-28.

26. Sergeeva YU. M. *Vnutrennyaya rech' kak osobaya forma yazykovogo obshcheniya (na materiale angloyazychnoy hudozhestvennoy literatury): dis. ... d-ra filol. nauk* [Inner speech as a special form of linguistic communication (in English literature): dis. ... Dr philol. sciences]. M. 2009. P. 536.

27. See, eg.: Romanov A. S. *Metodika i programmy kompleks dlya identifikatsii avtora neizvestnogo teksta: dis. ... kand. tekhn. nauk* [Methods and software complex for identification of the unknown author of the text: dis. cand. tech. sciences]. Tomsk. 2010.

28. *Stilisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* – Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language / under edition of E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov. M. 2003. P. 95.

29. This method was tested and gave positive results in the study: Ignatov I. A. *Lichnost': lingvisticheskij analiz (semantika i funkcionirovanie slova lichnost' v russkom yazyke; chelovek kak nositel' lichnostnykh harakteristik i ego otobrazhenie v hudozhestvennom tekste): dis. kand. filol. nauk* [Identity: a linguistic analysis (semantics and functioning of a person in the Russian language; man as a carrier of the personal characteristics and display it in a fiction text): dis. cand. philol. sciences]. Kirov. 2013.

УДК 821.161.1

Д. В. Кротова

Феномен творческой личности в понимании В. Шаламова

В статье раскрывается осмысление В. Шаламовым феномена творческой личности. Помимо собственно художественной одаренности Шаламов выдвигает в качестве первостепенно значимого условия подлинного творчества «судьбу» поэта, т. е. пережитой им драматический опыт. В размышлениях о творческой личности Шаламов большое значение уделяет вопросу о моральном долге, полагая нравственную цель высшей для искусства. Исследуется вопрос о соотношении документального и художественного начал в шаламовской концепции творчества и творческой личности. Рассматривается специфика представлений Шаламова о лирике, которая понимается им, с одной стороны, как диалог двух субъективных сознаний – поэта и читателя, с другой – как объективное выражение переживаний тысяч людей. Существенная грань шаламовской концепции творческой личности заключается в утверждении глубоко национальной природы дарования художника, и поэта в особенности.

In the article is revealed V. Shalamov's understanding of the phenomenon of the creative personality. Besides the artistic talent Shalamov selected as the primary significant condition of true creativity the "fate" of the poet, that is his dramatic personal experience. In thinking about the creative personality Shalamov paid much attention to the question of moral obligation, treating the moral purpose as the highest for art. The specific of Shalamov's idea of poet is determined by the fact that the lyrics in his understanding is on the one hand a dialogue between two subjective minds – of the poet and the reader, and on the other hand is an objective expression of the experiences of thousands of people. A significant facet of Shalamov's concept of the creative personality is the affirmation of the deeply national nature of artistic talent, and poetic in particular.

Ключевые слова: Шаламов, русская литература, литература XX в., творческая личность, концепция творчества, документализм, национальное в искусстве.

Keywords: Shalamov, Russian literature, literature of the twentieth century, creative personality, the concept of creativity, documentary in literature, national in the art.

Осмысление природы творчества и феномена творческой личности – проблема, которая встает перед каждым писателем и поэтом. В чем заключается основа и сущность художественного дара? Что представляет собою творческий процесс, какова его логика? Какой смысл заключает в себе понятие творческой личности? Этот комплекс вопросов неизменно актуален для всякого, кто занимается искусством. Особенную значимость эта проблематика приобретает в XX в., когда творчество понимается столь различно, когда границы его безмерно расширяются, и у художника возникает особенно острая потребность и в саморефлексии, и в самоопределении.

Наверное, представители любого вида искусства, любой эпохи и любой национальности согласились бы с тем, что определяющим критерием для художника является критерий таланта. Творческая личность – это личность одаренная. Именно художественный дар становится основой успешной, новаторской деятельности в любом виде искусства. В. Шаламов, размышляя о феномене творческой личности, также ставит во главу угла талант, творческую одаренность – притом что сам талант как свойство оказывается, с точки зрения Шаламова, неопределим (Шаламов считал лучшей юмористическую характеристику, данную Шолом-Алейхемом: «Талант – это такая штука, что если он есть, то есть, а если его нет – так его нет» [1]). Но при первостепенной значимости таланта, существует, с точки зрения Шаламова, и другая грань, определяющая творческую личность, – и грань не менее существенная. Это пережитая судьба поэта (писателя, художника). «Без чистой крови нет стихотворений, нет стихотворений без судьбы, без малой трагедии» [2], – это глубокое убеждение Шаламова. «Поэзия – это опыт», – утверждал Шаламов [3]. С его точки зрения, одаренность сама по себе, пусть даже гениальная, не даст подлинного творческого результата. Может показаться парадоксальным суждение Шаламова о том, что «в лицейском Пушкине нет еще поэта, и напрасно школьников заставляют учить “Воспоминания в Царском Селе”» [4]. По Шаламову, Пушкин не стал истинным поэтом до тех пор, пока не столкнулся с драматическими жизненными изломами. О том, что важнейшее значение для творческой личности обретает именно пережитая судьба, Шаламов размышляет и в своей поэзии:

Стихи – это судьба, не ремесло,
И если кровь не выступит на строчках,
Душа не обнажится наголо,
То наблюдений, даже самых точных,

И самой небывалой новизны
Не хватит у любого виртуоза,
Чтоб вызвать в мире взрывы тишины
И к горлу подступающие слезы [5].

Продолжая размышления на эту тему, Шаламов ставит некоторые смысловые акценты в одном из писем к Солженицыну: «Для меня же “ателье” художника – это его душа, его личный опыт, отдача скопленного всей жизнью, и в чем это будет выражено, к чему будет привлечено внимание – не суть важно. Будет талант, будет и новизна» [6]. Здесь вновь идет речь о двух важнейших «составляющих» творческой личности – таланте и судьбе. Произведение художника есть отражение пережитой судьбы.

Естественными в этом контексте выглядят рассуждения Шаламова о том, что в подлинном произведении искусства первостепенное значение не может быть отведено формальной стороне. В своих статьях о поэзии Шаламов подчеркивал, что он работает в рамках классического русского стиха, и ему не нужно специально изобретать новые формы, новые приемы. Эта же мысль звучит и в его частной переписке – с Н. Я. Мандельштам, с Я. Д. Гродзенским и др. Поэт пояснял, что его тема слишком серьезна, чтобы заниматься словесными «побрякушками» (именно так Шаламов выразил свое суждение в письме к О. Михайлову [7]), чтобы искать самоценных формальных изысков. Эту мысль Шаламов развивал и в своих стихах: «Не отводит ни дня, ни часа / Торопящееся перо / На словесные выкрутасы, / Изготовленные хитро» [8]. Это строки из стихотворения «Прямой наводкой» – само его название говорит о том, что формальные «выкрутасы» были Шаламову глубоко чужды. Это ни в коем случае не означает какой бы то ни было упрощенности его стихотворений, Шаламов – один из самых тонких русских лирических поэтов. Но формальные искания как таковые, форма ради формы воспринимались им как «игрушечные стекла», «ребячий калейдоскоп», детское увлечение или – иногда – детская болезнь:

Отлично знает вся отчизна,
Что ни один еще поэт
Не умирал от формализма –
Таких примеров вовсе нет.

То просто ветряная оспа
И струп болезни коревой.
Она не сдерживает роста:
Живым останется живой [9].

Подобные представления поэта вовсе не должны привести к выводу о том, что он не уделял внимания технической стороне стиха или прозы. Как справедливо отмечает В. В. Есипов, «на первых порах он (Шаламов. – Д. К.) потратил огромные усилия на изучение, в том числе теоретическое, секретов техники искусства. Наивные представления о том, что стихи создаются «нутром», интуицией, простым подбором рифм, были разбиты при первом же знакомстве с манифестами ЛЕФа и сборниками ОПОЯЗа» [10]. Об этом же размышляет и лично знавший Шаламова Вяч. Вс. Иванов: «...мы должны постоянно помнить, что Шаламов был воспитан не только на русской поэзии Серебряного века и после Серебряного века, на Мандельштаме, на Пастернаке и других наших великих поэтах этого времени, но он был воспитан также и на русском формализме» [11]. Усвоивший эту традицию, Шаламов относился с большой ответственностью к техническому аспекту литературной работы. Но все же формальная сторона как таковая в понимании Шаламова не определяет самой сути творчества.

Размышляя о том, как Шаламов понимал феномен творчества и творческой личности, невозможно не затронуть проблему соотношения документального и художественного. Шаламов – писатель, в творчестве которого документальное начало играет принципиально значимую роль. Шаламов сам признавался, что в «Колымских рассказах» нет ничего выдуманного, вымышленного. «Каждый мой рассказ – это абсолютная достоверность. Это достоверность документа» [12].

В то же время было бы серьезной ошибкой считать «Колымские рассказы» только очерковой прозой, фиксацией событий, происходивших с автором, и запечатлением реалий, свидетелем которых он оказался. От подобной интерпретации предостерегала И. П. Сиротинская, размышляя о том, что рассказы Шаламова «воспринимаются часто только как свидетельство очевидца», а такое прочтение поверхностно, это только «верхний слой» [13]. Шаламов и сам говорил об ограниченности такой трактовки. Документальное начало сочетается в «Колымских рассказах» с индивидуальным, авторским видением, авторской эмоциональностью. Шаламов характеризовал «Колымские рассказы» как «окрашенный душой и кровью мемуарный документ, где все документ и в то же время представляет эмоциональную прозу» [14]. «Колымские рассказы», согласно представлениям их автора, – «своеобразные очерки, но не очерки типа «Записок из Мертвого дома», а с более очерченным авторским лицом – объективизм тут намеренный, кажущийся, да и вообще – не существует художника без лица, души, точки зрения. Рассказы – это моя душа, моя точка зрения, сугубо личная, то есть единственная» [15]. Творческая индивидуальность Шаламова рождается на стыке документального и эмоционально-личностного, очеркового и почти дневникового (по своей предельной субъективности) начал. «Очерк документальный доведен до крайней степени художественной» [16]. Шаламов полагал, что в будущем литература станет развиваться именно в этом направлении, что искусство – и, соответственно, творческая личность – будут сочетать в себе два этих начала. «Проза будущего – это проза бывалых людей, а тратить время на выдуманные сложности <...> просто грешно» [17]. Шаламов полагал, что читателям в скором времени уже не будут интересны вымышленные истории, нужно будет то, что непосредственно связано с жизнью, что отражает жизнь. В то же время заменить литературу чистыми фактами (как это планировали сделать, например, представители литературной группировки ЛЕФ) – это заведомо бесперспективная идея, потому что такой подход убивает искусство, заменяя его стенограммой, простой фиксацией происходящего. Когда Шаламов говорит о том, что «проза будущего – документ» [18], он имеет в виду вовсе не протокольную запись: «Рассказы мои насквозь документальны, но, мне кажется, в них вмещается столько событий самого драматического и трагического рода, чего не выдержит ни один документ» [19].

В своих размышлениях о будущем развитии литературы, об облике творческой личности Шаламов затрагивает важнейшую идею – о моральном долге художника. Ведь документальное начало столь значимо в литературе именно потому, что важнейшая нравственная задача художника, по Шаламову, – сказать правду, отразить пережитое, не искажая. Шаламов признавал за собой «обязанность свидетельства» [20]. «Со своей стороны я давно решил, что всю мою оставшуюся жизнь я посвящу именно этой правде» [21].

По Шаламову, правда является свойством таланта, его необходимостью и потребностью. Творческая личность наделена талантом, а значит – стремлением и способностью говорить правду о мире. По-настоящему талантливый человек не может лгать, а лжецы являются таковыми «как раз потому – что они бездарны» [22].

Примечательна мысль Шаламова о том, что именно стремление к правде и делает облик художника резко индивидуальным. Как отмечал Шаламов в письме к О. Ивинской, «задача искусства... это писать правду. И именно в силу этого искусство всегда индивидуально, всегда лично» [23]. В ряде статей Шаламов развивал свою мысль: «Писать правду для художника – это и значит

писать индивидуально, ибо правда становится общей уже после того, как она овеществлена в искусстве» [24].

Высшая цель искусства – «одинакова с религией, с наукой, с политическим учением – сделать человека лучше, добиться, чтобы нравственный климат мира стал чуть-чуть лучше...» [25]. Ставя перед искусством подобную задачу, Шаламов продолжает гуманистические традиции русской литературы, которая на протяжении более чем двухсотлетнего периода была ориентирована прежде всего именно на нравственные вопросы, на то, чтобы учить добру. «В “Колымских рассказах”, – говорил Шаламов, – нет ничего, что не было бы преодолением зла, торжеством добра, – если брать вопрос в большом плане, в плане искусства. Если бы я имел иную цель, я бы нашел совсем другой тон, другие краски, при том же самом художественном принципе» [26]. В лирике Шаламова читатель найдет массу подтверждений этой установке. Характернейший пример – одно из стихотворений, посвященных памяти Пастернака:

Орудье высшего начала,
Он шел по жизни среди нас,
Чтоб маяки, огни, причалы
Не скрылись навсегда из глаз.

Должны же быть такие люди,
Кому мы верим каждый миг,
Должны же быть живые Будды,
Не только персонажи книг [27].

Цитированное стихотворение говорит еще об одной специфической, присущей именно Шаламову особенности понимания образа художника: не только творчество поэта или писателя несет в себе нравственные ориентиры, но и сам художник является таким ориентиром и образцом. «Люди, кому мы верим каждый миг», «живые Будды» – это, в представлении Шаламова, и есть образ настоящей творческой личности. В данном случае Шаламов размышляет не просто в рамках литературоцентристской тенденции русской культуры – когда именно литература является выразителем национально значимых нравственных и ментальных моделей, несет в себе «культурные гены своей нации» [28]. Шаламов в каком-то смысле идет дальше, поскольку эти нравственные модели даются, в его представлении, не только литературным текстом как таковым, но и самой личностью творца.

Необходимо оговорить, что, по Шаламову, литература оказывает нравственное воздействие именно на личность, на душевный мир читателя. Воспринимать искусство как социальный или политический инструмент Шаламов не был склонен – именно этим, на наш взгляд, объясняются его поздние высказывания о том, что он не верит в литературу («Я не верю в литературу. Не верю в ее возможность по исправлению человека. Опыт гуманистической литературы привел к кровавым казням двадцатого столетия перед моими глазами...» – из черновых записей 1970-х гг. [29]). Литература и искусство не могут исправить социальную ситуацию к лучшему, творческий ресурс писателя или поэта направлен именно и только на внутренний мир читателя-собеседника.

Особенно явственно эта мысль звучит в размышлениях Шаламова о поэзии. Шаламов подчеркивает, что «поэзия должна говорить не людям, а человеку (Шекспир сейчас людям ничего не скажет, кроме как в плане историко-литературном, а человеку он вечно будет говорить очень много). Единение людей в стихах – это единство суждения обращенных поодиночке. Хорошее стихотворение, хороший поэт тот, который встречается с читателем один на один» [30]. Общение поэта с читателем – это общение личностное. Примечательно в этом смысле название одного из поэтических сборников Шаламова – «Лично и доверительно». Поэзия – частное, доверительное общение автора с читателем, это не массовое искусство, и задача поэта – это никак не управление социумом.

Шаламов говорил о том, что он не разделяет представлений о поэте или писателе как пророке. По его мнению, «литература – менее всего футурология» [31]. «Поза пророка», по свидетельству И. П. Сиротинской [32], была ему глубоко чужда. Но чужда ему была именно поза, именно игра в эту роль. На самом деле творчество Шаламова, безусловно, несет в себе и пророческий, и нравственный пафос. Шаламов полагал, что поэт творит прежде всего не для себя, а для других, что первейшая задача творческой личности – не столько самовыражение, сколько служение людям:

Живого сердца голос властный
Мне повторяет сотый раз,
Что я живу не понапрасну,
Когда пытаюсь жить для вас.

...

Я до рассвета собираю,
Коплю по капле слезный мед,
И пытке той конца не знаю,
И не отбиться от хлопот [33].

Шаламову ни в коей мере не было свойственно представление о творческой личности как о существе исключительном, обитающем в своем высшем мире. Конечно, об уникальности творческого дара Шаламов размышляет (как и любой поэт), но эта уникальность не отрывает его от людей, не отделяет от них, а, наоборот, обязывает служить им. Поэт – выразитель их скорби, их душевных недугов, и даже, по Шаламову – их предстатель перед небом:

Но, прячась за моей спиной,
Лежит и дышит шар земной,
Наивно веря целый день
В мою спасительную тень.

Как будто все его грехи
Я мог бы выплакать в стихи
И исповедался бы сам
Самолюбивым небесам [34].

Притом что Шаламов подчеркивает сугубо частный характер общения поэта и читателя, в его концепции творческой личности есть и другая сторона: поэт – выразитель переживаний многих людей, задача того, кто наделен творческим даром, – правдиво рассказать о трагическом опыте тысяч человек. Шаламов обратился к Солженицыну после выхода в свет повести «Один день Ивана Денисовича»: «Позвольте поздравить Вас, себя, тысячи оставшихся в живых и сотни тысяч умерших (если не миллионы), ведь они живут тоже с этой поистине удивительной повестью» [35]). В поэзии Шаламова читатель встретит не только традиционное «лирическое я», но и «лирическое мы» – когда Шаламов высказывается от имени всех тех, кто пережил страшную лагерную судьбу:

Затихнут крики тарабарщины,
И надоест подобострастье,
И мы придем, вернувшись с барщины,
Показывать Господни страсти.

И, исполнители мистерии
В притихшем, судорожном зале,
Мы были то, во что мы верили,
И то, что мы изображали [36].

Подобное стремление говорить от лица многих, осмыслить трагические переломы, искавшие судьбы стольких людей, читатель встретит у целого ряда художников XX в. – у Блока, Гиппиус, Ахматовой, у тех писателей и поэтов, кто обращался в своем творчестве к событиям Великой Отечественной войны...

И, наконец, еще одна – и, быть может, важная – грань в понимании Шаламовым феномена творческой личности. Шаламов полагал, что природа дарования (поэтического – в наибольшей степени, хотя и к прозе это его суждение тоже имеет отношение) всегда национальна: «Поэзия – непереводаема. Глубоко национальна. Совершенствование поэзии, развитие бесконечных возможностей стиха лежит в границах родного языка, быта, предания, литературных вкусов» [37]. Творческая личность не существует вне национальной традиции, вне национального контекста. Сам Шаламов ощущал себя именно русским поэтом. Своей «эмблемой», символом своего творчества он называл «русский кровавый мак»: «Это моя эмблема – / Выбранный мною герб – / Личная моя тема / В тенях приречных верб...» (стихотворение «Мак» [38]). Национальное

и личностное у Шаламова образуют нерасторжимое единство, одно не мыслится без другого. Поэтическая традиция, сформировавшая мир Шаламова, – это прежде всего национальная традиция. А адресатом своей лирики Шаламов мыслил свою родную страну:

И он хотел такие муки,
Забыв о ранней седине,
Отдать – но только прямо в руки
Родной неласковой стране.

И, ощутив тепло живое,
Страна не выронит из рук
Его признание лесное,
Завяянное дымом вьюг [39].

В традиции, идущей еще от литературы позапрошлого столетия, Шаламов четко разграничивал отношение к культурному наследию, духовному облику родины – и к ее политической жизни. И если политическую сторону Шаламов воспринимал во многом критически («каждый мой рассказ – пощечина по сталинизму» [40]), то продолжателем отечественной духовной, культурной традиции он ощущал себя всегда. Шаламов признавался, что считает себя «прямым наследником русского модернизма» [41], а также говорил о своей связи (пусть и достаточно сложной, не сводимой к прямой, непосредственной рецепции) с русской реалистической традицией.

Творчество Шаламова имеет общенациональную значимость и относится к числу высших достижений русской литературы XX столетия. Шаламовская концепция творческой личности, очерченная резко индивидуально и в то же время явственно ориентированная на отечественную традицию, стала существенным элементом культурной панорамы XX столетия.

Примечания

1. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 304.
2. Там же. С. 355.
3. Там же. С. 296.
4. Там же. С. 295.
5. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1998. С. 393.
6. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 2013. С. 300.
7. Там же. С. 533.
8. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1998. С. 334.
9. Там же. С. 307.
10. Есипов В. В. Шаламов. М., 2012. С. 93.
11. Иванов Вяч. Вс. Поэзия Шаламова. URL: <http://shalamov.ru/research/175> (дата обращения: 1.03.2017).
12. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 373.
13. Сиротинская И. П. В. Шаламов – взгляд в будущее // Шаламовский сборник: Вып. 3 / сост. В. В. Есипов. Вологда, 2002. С. 57.
14. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 376.
15. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 2013. С. 487.
16. Шаламов В. Т. Из записных книжек // Знамя. 1995. № 6. С. 155.
17. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 2013. С. 538.
18. Там же. С. 500.
19. Там же. С. 539.
20. Апанович Ф. Великий гнев – биография Варлама Шаламова в перспективе созданного автором мифа. URL: <https://shalamov.ru/research/148/> (дата обращения 1.03.2017).
21. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 2013. С. 288–289.
22. Там же. С. 302.
23. Там же. С. 211.
24. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 324.
25. Там же. С. 295.
26. Там же. С. 362.
27. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1998. С. 388.
28. Голубков М. М. Зачем нужна русская литература? // Литература в школе. 2012. № 10. С. 16.
29. Шаламов В. Т. «Новая проза». Из черновых записей 70-х годов // Новый мир. 1989. № 12. С. 57.
30. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 2013. С. 21.
31. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 386.

32. Там же. С. 490.
33. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1998. С. 103.
34. Там же. С. 53.
35. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 2013. С. 277.
36. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1998. С. 75.
37. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 297.
38. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1998. С. 230.
39. Там же. С. 162.
40. Шаламов В. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 371.
41. Шаламов В. Т. Из записных книжек // Знамя. 1995. № 6. С. 155.

Notes

1. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 4. M. 1998. P.304.
2. Ibid. P. 355.
3. Ibid. P. 296.
4. Ibid. P.295.
5. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 3. M. 1998. P. 393.
6. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Coll. of works: in 6 vol]. Vol. 6. M. 2013. P. 300.
7. Ibid. P. 533.
8. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 3. M. 1998. P. 334.
9. Ibid. P. 307.
10. Esipov V. V. SHalamov [Shalamov]. M. 2012. P. 93.
11. Ivanov Vyach. Vs. Poehziya SHalamova [Shalamov's poetry]. Available at: <http://shalamov.ru/research/175> (date accessed: 1.03.2017).
12. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 4. M. 1998. P. 373.
13. Sirotinskaya I. P. V.SHalamov – *vzglyad v budushchee* [V. Shalamov – a look into the future] // *SHalamovskij sbornik: Vyp. 3* – Shalamov's collection: Vol. 3 / comp. V. V. Esipov. Vologda. 2002. P. 57.
14. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 4. M. 1998. P. 376.
15. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Coll. of works: in 6 vol]. vol. 6. M. 2013. P. 487.
16. SHalamov V. T. *Iz zapisnykh knizhek* [From notebooks] // *Znamya* – Banner. 1995, No. 6, p. 155.
17. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Coll. of works: in 6 vol]. Vol. 6. M. 2013. P. 538.
18. Ibid. P. 500.
19. Ibid. P. 539.
20. Apanovich F. *Velikij gnev – biografiya Varlama SHalamova v perspektive sozdanogo avtorom mifa* [Great wrath – biography of Varlam Shalamov in the future created by the author of the myth]. Available at: <https://shalamov.ru/research/148/> (accessed 1.03.2017).
21. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Coll. of works: in 6 vol]. Vol. 6. M. 2013. Pp. 288-289.
22. Ibid. P. 302.
23. Ibid. P. 211.
24. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 4. M. 1998. P. 324.
25. Ibid. P. 295.
26. Ibid. P. 362.
27. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 3. M. 1998. P. 388.
28. Golubkov M. M. *Zachem nuzhna russkaya literatura?* [Why do we need Russian literature?] // *Literatura v shkole* – The literature at school. 2012, No. 10, p. 16.
29. SHalamov V. T. «*Novaya proza*». *Iz chernovykh zapisej 70-h godov* ["New prose". From draft records from 70-ies] // *Novyj mir* – New world. 1989, No. 12, p. 57.
30. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Coll. of works: in 6 vol]. Vol. 6. M. 2013. P.21.
31. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 4. M. 1998. P. 386.
32. Ibid. P. 490.
33. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 3. M. 1998. P. 103.
34. Ibid. P. 53.
35. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Coll. of works: in 6 vol]. Vol. 6. M. 2013. P. 277.
36. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 3. M. 1998. P. 75.
37. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 4. M. 1998. P. 297.
38. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 3. M. 1998. P. 230.
39. Ibid. P.162.
40. SHalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Coll. of works: in 4 vol]. Vol. 4. M. 1998. P. 371.
41. SHalamov V. T. *Iz zapisnykh knizhek* [From notebooks] // *Znamya* – Banner. 1995, No. 6, p. 155.

Христианские, куртуазные и мифологические мотивы в романе А. Мюссе «Исповедь сына века»

Сегодня наследие А. Мюссе находится на периферии исследовательского внимания, хотя без его творчества общая картина французского и западноевропейского романтизма будет неполной. Роману «Исповедь сына века» в нем принадлежит особое место. В статье анализируется мотивная структура романа Мюссе – манифеста послереволюционного поколения, утратившего энтузиазм эпохи Великой французской революции. Ее основными составляющими являются три группы мотивов, тесно переплетенные между собой, а также связанные с тремя главными персонажами романа. Появление в «Исповеди сына века» мифологической, христианской и куртуазной символики обусловлено, с одной стороны, принадлежностью Мюссе к романтической школе, а с другой – поиском новых форм художественной выразительности, характерным для позднего периода романтизма. Творчество А. де Мюссе рассматривается как важный этап становления социально-психологической прозы XIX столетия.

Today A. Musset's literary heritage is out of the focus of researchers' attention though without it the image of West-European romanticism would be incomplete. A novel 'Confession of a Child of the Century' takes particular place in it. The paper focuses on the motive structure of the novel by A. de Musset – an exemplary work of French romanticism. The major constituents of this structure are: mythological, Christian and courteous motives which are interwoven between each other and connected with the main characters of the novel. Their appearance in 'Confession of a Child of the Century' can be explained by Musset's being part of the romantic school as well as the crisis of romanticism. The second part of the article dates back the prose of Musset to Saint Augustine's 'Confessions' – the starting point of psychological novel in European literature. A. de Musset's creativity is analyzed from the point of the beginning of a psychological realistic novel.

Ключевые слова: психологическое направление в литературе, социально-психологическая проза, роман-исповедь, лейтмотив, символ, А. де Мюссе, Аврелий Августин.

Keywords: psychological literary school, social psychological literature, novel of confession, leitmotif, symbol, grotesque, A. de Musset, Saint Augustine.

Романтическое направление в литературе и искусстве конца XVIII в. – первой половины XIX в., возникшее во Франции как идеологическое и художественное следствие Великой буржуазной революции, в поиске новых форм выражения творческой мысли зачастую обращается к эстетическому наследию предшествующих исторических эпох, таких как Античность и Средневековье. Этому способствует не только разочарование в кумирах Революции и нравственных идеалах «века Просвещения», но и полное несоответствие им послереволюционной действительности – эпохи Реставрации. В монографии «Об искусстве» Ю. М. Лотман отмечает, что для романтиков существовало три способа противостояния этому противоречию современности: «самосозерцание, мысленные путешествия во времени и пространстве» [1]. Особенно значимой для представителей романтизма всех этапов становится эпоха Средневековья, являющаяся воплощением поэтической мечты в противовес прозаичной действительности. Эта особенность европейского романтизма отражена в литературно-критических работах исследователей XIX–XXI вв.

Эпоха Средневековья являлась источником художественного переосмысления и для представителя позднего романтизма, Альфреда Мюссе (1810–1857), автора романа-манифеста послереволюционного поколения – «Исповеди сына века» («La confession d'un enfant du siècle», 1836 г.). Однако его особый интерес к ней основывается не только на стремлении возродить утраченные нравственные ценности, но и ориентации на одно из наиболее значимых в средневековой культуре произведений словесности – «Исповеди» Аврелия Августина.

В отличие от Виньи и Ламартина, активная литературная деятельность Мюссе начинается в пору юности – в возрасте девятнадцати лет. Ее расцвет приходится на 1830-е гг.; по оценке исследователей ([2]), к 1840 г. более крупные прозаические формы в творчестве Мюссе сменяются лирикой. Сама эпоха, в которую произошло становление стиля писателя, была довольно характерной: то было поколение, зачатое между двумя сражениями («conçus entre deux batailles» [3]).

Для юного поэта основными творческими ориентирами являлись, прежде всего, Наполеон, «le soleil d'Austerlitz» [4] («солнце Аустерлица» [5] – перевод Д. Лившиц, К. Ксаниной); Гёте и Бай-

пон, «accomplices in the wicked work of instilling the poison of melancholy into the cheerful Gallic soul» [6] («соучастники в дурной прививке яда меланхолии жизнерадостной галльской душе» – перев. авт.). Однако Мюссе недолго вдохновлялся идеями деятелей эпохи Французской революции, вследствие чего уже в 1820-е гг. писатель обращается к иным художественным ориентирам. Результатом этих исканий становится выход в свет «Исповеди сына века» («La Confession d'un Enfant du siècle»; 1836 г.).

Художественное своеобразие наиболее известного романа А. Мюссе определяется не только уникальной мотивной структурой, но и особым типом героя, который утверждается еще в ранних поэмах А. Мюссе на испанские и итальянские темы (см. сборники «Дон Паэс», «Порция», «Каштаны в огне»). По замечанию А. В. Карельского, «типологически герой Мюссе является последышем классического романтизма начала века, героя Шатобриана и Констана, раннего Байрона» [7]. В попытке отыскать внутреннюю причину дисгармонии отношений и оторванности людей друг от друга, Мюссе создает характер, который впоследствии переносит и в прозу: полный жизнелюбия и веселья, его герой погружается в мрачную серьезность, когда дело касается чувств. Неизбежно подобный индивидуализм и самоутверждение в отношениях с другими, по замечанию Д. Д. Обломиевского, «приводит к гибели, к катастрофе, к самоубийству, к уничтожению всего и, в частности, самого себя» [8].

Роман «Исповедь сына века» выходит в свет в пору зрелого творчества Мюссе. Композиционно он состоит из пяти неравнозначных по объему частей, при этом повествованию от лица рассказчика предшествует масштабное описание исторической ситуации во Франции начала XIX в. и исследование истоков «болезни века». С первых глав романа дается установка на исповедальный характер повествования: «j'aurais encore retiré ce fruit de mes paroles, de m'être mieux guéri moi-même, et, comme le renard pris au piège, j'aurais rongé mon pied captif» [9] («я все-таки извлеку из них хотя бы ту пользу, что скорее излечусь сам и, как лисица, попавшая в западню, отгрызу прищемленную лапу» [10]); а в четвертой главе непосредственно цитируется «Исповедь» Августина, а именно та часть ее, в которой идет речь о влиянии потрясений молодости на душу героя: «ces faux plaisirs étaient des semences de douleurs et d'amertumes qui me fatiguaient à n'en pouvoir plus» [11] («эти ложные удовольствия принесли лишь печали и горести, утомившие мою душу». – *Пер. авт.*).

В первых двух главах фокус повествования с предельно близкого сменяется на отстраненно-объективирующий, преобладает панорамное отображение событий эпохи. Современный рассказчику век уподобляется океану, разделяющему старую Европу и молодую Америку: «l'Océan qui sépare le vieux continent de la jeune Amérique...» [12]. Таким образом, во Франции в эпоху Реставрации действуют три силы: разрушенное прошлое («un passé à jamais détruit» [13]), отдаленное будущее («l'aurore d'un immense horizon» [14]) и хаотический океан современности.

Одним из центральных образов данного эпизода является личность Наполеона: «Napoléon despote fut la dernière lueur de la lampe du despotisme; il détruisit et parodia les rois, comme Voltaire les livres saints» [15] («Деспот Наполеон был последней вспышкой пламени деспотизма. Он уничтожил королей и пародировал их, как Вольтер пародировал священное писание» [16]). Оценка исторической роли императора имеет амбивалентный характер: с одной стороны, он сравнивается с опустошающим вихрем, после которого Европа пришла в состояние застойного штиля; с другой – ему даются такие определения, как «César» («Цезарь»), «le soleil d'Austerlitz» («солнце Аустрелица»), «l'immortel empereur» («бессмертный император»). Невозможность вместить образ Наполеона в один временной план отражает масштабность его личности: так, он выступает то в роли мифического существа, требующего кровавой жертвы («chaque année, la France faisait présent à cet homme de trois cent mille jeunes gens...» [17] («Каждый год Франция дарила этому человеку триста тысяч юношей» [18]), то в качестве библейского исполина, убить которого может только ангел смерти Азраил («Cependant l'immortel empereur était un jour sur une colline à regarder sept peuples s'égorger... Azraël passa sur la route ... et le poussa dans l'Océan» [19] («Но вот однажды бессмертный император стоял на холме, созерцая, как семь народов убивают друг друга <...> когда Азраил пронесся над ним <...> и столкнул в Океан» [20]). Данный гротеск подчеркивается с помощью разнообразных художественных приемов (см. гл. II): гиперболы («il pût traverser le monde» [21] – «он мог бы пройти через весь мир» [22]), литоты («et s'en aller tomber dans une petite vallée d'une île déserte, sous un saule pleureur» [23] – «чтобы лечь потом в узенькой долине пустынного острова под сенью плакучей ивы» [24]), повтора с градацией: «jamais il n'y eut tant de nuits sans sommeil», «jamais on ne vit ... un tel peuple de mères désolées», «jamais il n'y eut de soleils si purs que ceux qui séchèrent tout ce sang» [25] («Никогда еще люди не проводили столько бессонных ночей <...> Никогда еще толпы безутешных матерей не стояли у крепостных стен. <...> Никогда еще не было такого яркого солнца, как то, которое осушило все эти потоки крови» [26]).

С точки зрения Мюссе, разрушение старого строя Наполеоном и расшатывание религиозных основ имеют особую значимость как черты «века Просвещения»; причем действие этих последствий Революции тем хуже, что оно распространяется не только в среде избранных, но и в умах бедняков: «Lorsque autrefois l'opresseur disait: «A moi la terre!» – «A moi le ciel!» – répondait l'opprimé. A présent que répondra-t-il?» [27] («Когда в прежние времена угнетатель говорил: “Земля принадлежит мне!”, угнетаемый отвечал: “Зато мне принадлежит небо”. А что он ответит сейчас?» [28]). На обломках старых идей возникает новая поросль, наблюдающая за борьбой двух кланов: экзальтированных романтиков и деляг. Философия последней группы сугубо материалистична и определяется как «Manger, boire et dormir, c'est vivre» [29] («Есть, пить и спать – это и значит жить» [30]).

Одним из представителей данной группы в романе является Деженэ, тридцатилетний доктор, друг Октава. В его образе прослеживается противоречие философии фатализма, которую можно выразить формулой «carpe diem»: «C'était un homme plein de coeur, mais sec comme la pierre ponce <...> il était matérialiste, et attendait la mort» [31] («Это был человек, исполненный благородства, но сухой, как пемза. <...> он был материалистом и не боялся смерти» [32]). Деженэ не верит в человеческую добродетель, женская любовь для него – средоточие порока: «...aimer, pour nos femmes, c'est jouer à mentir comme les enfants jouent à se cacher: hideuse débauche du coeur, pire que toute la lubricité romaine aux saturnales de Priape...» [33] («Любить – это значит для наших женщин забавляться игрою в ложь, подобно тому как дети забавляются игрою в прятки, – отвратительная развращенность сердца, хуже всякого распутства римлян на сатурналиях Приапа» [34]). Именно поэтому он предлагает Октаву принимать дары Афродиты, но никогда не знать их опьяняющего действия: «Prenez de l'amour se qu'un homme sobre prend de vin, ne devenez pas un ivrogne» [35] («Берите от любви то, что трезвый человек берет от вина, не становитесь пьяницей» [36]). При этом основной характеристикой Деженэ, этой центральной фигуры корабля распутников, остается неподвижность и непроницаемость. Даже в кульминационном эпизоде, проникнутом библейским контекстом (главные герои разговаривают у картины, изображающей Марию Магдалину), молодой доктор остается недвижимым и уподобляется статуе страдания: «il était pâle comme un linceul, et une longue larme lui coulait sur la joue» [37] («Он и сам был бледен как смерть; слеза катилась по его щеке» [38]).

Динамика образа Деженэ в тексте романа подчеркнута с помощью античных мотивов. Так, он сравнивается с Митридатом; ему присуще греческое гостеприимство; рассуждение о его дальнейшей судьбе приводит Октава к мысли о благодати вод Стикса и дара забвения. Более того, в его собственных словах окружающее общество уподобляется Сцилле и Харибде, меж которых скользят мифические маски – человек и пороки нынешнего века: «Le monde n'est que tourbillons, et il n'y a aucun rapport entre ces tourbillons <...> ces tourbillons divers sons traversés par sept personnages toujours les mêmes»: l'espérance, la conscience, l'opinion, l'envie, la tristesse, l'orgueil, l'homme» [39] («Свет – всего лишь множество вихрей, и между этими вихрями нет никакой связи <...> через эти различные вихри проносятся, с тех пор как существует мир, семь неизменных персонажей» [40]: надежда, совесть, общественное мнение, зависть, печаль, гордость, человек).

Помимо пласта мифологических образов особую значимость в романе имеют христианские мотивы, одним из которых является символ розы. Бригиттой-Розой (Brigitte la Rose) называют главную героиню жители ее родной деревушки за данную ей на местном празднике в девичестве награду – венок из белых роз. Метафорическим является поступок Бригитты, ломающей этот дар в знак утраты душевной чистоты и целомудрия: «Brigitte la Rose n'est plus de ce monde, pas plus que les roses qui l'ont baptisée» [41] («Бригитты-Розы уже нет, как нет тех роз, от которых она получила свое прозвище» [42]). Кульминацией в развитии данного образа является сравнение героини на ее одре болезни с розой, а также введение темы крестной муки. Так, глядя на спящую Бригитту, Октав будто бы видит у нее на лбу следы от тернового венца. Более того, ее жизнь сравнивается с чашей страдания, что является отсылкой к библейскому сюжету: «elle avait bu jusqu'à la lie la coupe amère de son triste amour; si je ne voulais la voir mourir, il fallait qu'elle s'en reposât» [43] («Бригитта выпила до дна горькую чашу своей печальной любви, и, несмотря на все ее мужество, я должен был, если не хотел ее смерти, дать ей наконец покой» [44]). Сам же сон героини напоминает состояние смерти: «Qu'elle était pâle! Ses longues paupières, entourées d'un cercle bleuâtre, brillaient encore, humides de larmes» [45] («Как она была бледна! Ее длинные ресницы, окаймленные синеватыми кругами, еще блестели, влажные от слез» [46]).

В последний раз упоминание розы возникает в тексте романа, когда Октав воображает последствия своего самоубийства и счастливую жизнь Бригитты, окунувшейся в бурю греховных страстей – цветок становится красным. Подобная игра цветом также сопоставима с христианской символикой: так, пурпурный и красный оттенки воспринимаются как отражение греховной сто-

роны человеческой природы, геенны огненной [47]. Единственное, что удерживает Октава от фактического заклания своей возлюбленной (неслучайно ее неизменным спутником является белый козленок), – увиденное им черное распятие на груди спящей. Данная сцена является кульминационной, ибо в ней совершается духовный выбор героя: предать смерти единственное существо, любившее его, или самому пострадать во имя любви. Именно благодаря этой детали, композиционно связывающей последнюю часть романа с предыдущими, происходит переворот в душе героя: «Comme à un regard du soleil la neige descend les montagnes, et du glacier qui menaçait le ciel fait un ruisseau dans la vallée, ainsi descendait dans mon coeur une source qui s'épanchait» [48] («Подобно тому как под лучами солнца снег сходит с гор и глетчер, грозивший небу, превращается в ручеек, поющий в долине, – в сердце моем открылся живительный источник» [49]). Апогеем покаяния героя становится мысль о возвышающей силе страдания, которая преобразует человеческую природу в божественную: «C'est la douleur qui t'a fait Dieu» [50] («Нас приводят к Тебе страдания» [51]). Это рассуждение составляет патетический центр «Исповеди сына века» и завершается молитвой за безбожников – «enfants du siècle» («сынов века»).

Третий пласт образов и мотивов, играющий важную роль в романе, – это отражение куртуазной нормативности, для которой характерно низложение феодального брака, расцвет галантной лирики и любовной казуистики [52]. В «Исповеди сына века» данная символика связана с образом первой возлюбленной Октава, неверность которой послужила проявлению симптомов «болезни века». Так, для их взаимоотношений характерно риторическое почитание дамы сердца, которое проявляется в ряде социальных жестов: длительное платоническое «служение» объекту любви; дуэль с соперником, оскорбившим чистоту чувства; преклонение перед предметами и местом, связанными с развитием чувства.

Другим примером присутствия подобных лейтмотивов в романе является тирольский романс о розе, впервые звучащий в романе как напоминание об утрате чистоты души, поглощенной страстью: «Altra volta gieri biele, / Blanch'e rossa com' un' flore; / <...> Nos son più biele, / Consumatis dal' amore» [53] («Прежде я была красива, бела и румяна, / Как цветок, а теперь уже нет. / Я больше не красива, / Меня сжигает любовь» [54]). С его звучанием связан мысленный обет Октава служить девушке из винного кабачка как идеалу новой жизни распутника. Однако резкий контраст между исполнением романса его прежней возлюбленной и «феей Маб» повергает героя в ужас: «cette voix rauque et ignoble, sortant de cet être qui ressemblait à ma maîtresse, me paraissait comme un symbole de ce que j'éprouvais» [55] («хриплый и грубый голос, который исходил из этого существа, похожего на мою любовницу, представлялся мне символом того, что я испытывал» [56]).

Второе исполнение романса окрашивается в иной оттенок: основная тема, связанная с его лейтмотивным появлением в повествовании, может быть выражена следующей формулой: «Tu as commencé par être bon, tu deviens faible, et, tu seras méchant» [57] («В юности ты был добр, сейчас ты слаб, в будущем ты станешь злым» [58]). Это напрямую соответствует самому содержанию романса, однако его интерпретация в тексте романа несколько шире: ослаблению сил души служит не только игра страстей, но и греховные стороны человеческой души: эгоизм, честолюбие и гордыня.

Знаменательно, что повествование в последней главе романа ведется от третьего лица. Мюссе умышленно использует в «Исповеди сына века» оба типа повествователя, известных как Ich-Erzähler и Er-Erzähler. В седьмой главе он отказывается от передачи рассказчиком событий как персональных, т. е. пережитых им самим. Это приводит к смещению точки зрения: повествователь не замечает драматического порыва главного героя, принимая Бригитту и Октава за молодоженов. В этом, вероятно, и проявляется метафорическое переосмысление истории их любви, возведение ее путем страдания на уровень бесплотного брака: «Le jeune homme <...> remercia Dieu d'avoir permis que, de trois êtres qui avaient souffert par sa faute, il ne restât qu'un malheureux» [59] («Молодой человек <...> порадовался тому, что из трех человек, страдавших по его вине, только один остался несчастным» [60]).

Таким образом, в финале «Исповеди сына века» происходит синтез христианских и куртуазных тем и мотивов, и этим определяется специфика поэтики романа А. Мюссе. Важную роль играет и третья составляющая мотивной структуры романа – антично-мифологическая, которая связана с темой «болезни века» и ее разрушительными последствиями для молодого поколения. По мысли автора, избавлением от этого недуга является добровольная искупительная жертва. Благодаря открытому финалу романа нетрудно догадаться, что именно страдание становится единственным оправданием бесплодного существования поколения «сынов века» ввиду нежизнеспособности прежних нравственных ориентиров.

Примечания

1. См.: Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 2000. С. 8.
2. Обломиевский Д. Д. Французский романтизм. М., 1947. С. 193; Estève E. Byron et le romantisme français. P., 1907. P. 374.
3. Musset A. La Confession d'un Enfant du siècle. M., 1973. Pp. 183–489.
4. Там же. Указ. соч.
5. Мюссе А. Исповедь сына века. М., 1958. С. 2–266.
6. Russell B. History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day. Old Woking, Surrey, 1947. P. 779.
7. Карельский А. В. Метаморфозы Орфея. Французская литература XIX века. М., 1998. С. 227.
8. Обломиевский Д. Д. Указ. соч.
9. Musset A. Указ. соч.
10. Мюссе А. Указ. соч.
11. Musset A. Указ. соч.
12. Там же. Указ. соч.
13. Там же. Указ. соч.
14. Там же. Указ. соч.
15. Там же. Указ. соч.
16. Мюссе А. Указ. соч.
17. Musset A. Указ. соч.
18. Мюссе А. Указ. соч.
19. Musset A. Указ. соч.
20. Мюссе А. Указ. соч.
21. Musset A. Указ. соч.
22. Мюссе А. Указ. соч.
23. Musset A. Указ. соч.
24. Мюссе А. Указ. соч.
25. Musset A. Указ. соч.
26. Мюссе А. Указ. соч.
27. Musset A. Указ. соч.
28. Мюссе А. Указ. соч.
29. Musset A. Указ. соч.
30. Там же.
31. Там же.
32. Мюссе А. Указ. соч.
33. Musset A. Указ. соч.
34. Мюссе А. Указ. соч.
35. Musset A. Указ. соч.
36. Мюссе А. Указ. соч.
37. Musset A. Указ. соч.
38. Мюссе А. Указ. соч.
39. Musset A. Указ. соч.
40. Там же.
41. Там же.
42. Мюссе А. Указ. соч.
43. Musset A. Указ. соч.
44. Мюссе А. Указ. соч.
45. Musset A. Указ. соч.
46. Мюссе А. Указ. соч.
47. Попова Н. Н. Античные и христианские символы. СПб., 2003. С. 39.
48. Musset A. Указ. соч.
49. Мюссе А. Указ. соч.
50. Musset A. Указ. соч.
51. Мюссе А. Указ. соч.
52. Luchaire A. La Société française au temps de Philippe-Auguste. Genève, 1974. P. 340.
53. Musset A. Указ. соч.
54. Мюссе А. Указ. соч.
55. Musset A. Указ. соч.
56. Мюссе А. Указ. соч.
57. Goethe J. W. Faust. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/faust-eine-tragodie-3664/1> (дата обращения 2.11.16).
58. Мюссе А. Указ. соч.
59. Musset A. Указ. соч.
60. Мюссе А. Указ. соч.

Notes

1. See: Lotman YU. M. *Ob iskusstve* [About art]. SPb. 2000. P. 8.
2. Oblomievskij D. D. *Francuzskij romantizm* [French romanticism]. M. 1947. P. 193; Estève E. Byron et le romantisme français. P., 1907. P. 374.
3. Musset A. *La Confession d'un Enfant du siècle*. M., 1973. Pp. 183–489.
4. Ibid. Op. cit.
5. Musset A. *Ispoved' syna veka* [Confession of a child of the century]. M. 1958. Pp. 2-266.
6. Russell B. *History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day*. Old Woking, Surrey, 1947. P. 779.
7. Karel'skij A. V. *Metamorfozy Orfeya. Francuzskaya literatura XIX veka* [Metamorphoses of Orpheus. French literature of the XIX century]. M. 1998. P. 227.
8. *Obamaesque D.* Op. cit.
9. Musset A. Op. cit.
10. Musset A. Op. cit.
11. Musset A. Op. cit.
12. Ibid. Op. cit.
13. Ibid. Op. cit.
14. Ibid. Op. cit.
15. Ibid. Op. cit.
16. Musset A. Op. cit.
17. Musset A. Op. cit.
18. Musset A. Op. cit.
19. Musset A. Op. cit.
20. Musset A. Op. cit.
21. Musset A. Op. cit.
22. Musset A. Op. cit.
23. Musset A. Op. cit.
24. Musset A. Op. cit.
25. Musset A. Op. cit.
26. Musset A. Op. cit.
27. Musset A. Op. cit.
28. Musset A. Op. cit.
29. Musset A. Op. cit.
30. Ibid.
31. Ibid.
32. Musset A. Op. cit.
33. Musset A. Op. cit.
34. Musset A. Op. cit.
35. Musset A. Op. cit.
36. Musset A. Op. cit.
37. Musset A. Op. cit.
38. Musset A. Op. cit.
39. Musset A. Op. cit.
40. Ibid.
41. Ibid.
42. Musset A. Op. cit.
43. Musset A. Op. cit.
44. Musset A. Op. cit.
45. Musset A. Op. cit.
46. Musset A. Op. cit.
47. Popova N. N. *Antichnye i hristianskie simvolы* [Antique and Christian symbols]. SPb. 2003. P.39.
48. Musset A. Op. cit.
49. Musset A. Op. cit.
50. Musset A. Op. cit.
51. Musset A. Op. cit.
52. Luchaire A. *La Société française au temps de Philippe-Auguste*. Genève, 1974. P. 340.
53. Musset A. Op. cit.
54. Musset A. Op. cit.
55. Musset A. Op. cit.
56. Musset A. Op. cit.
57. Goethe J. W. *Faust*. Available at: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/faust-eine-tragodie-3664/1> (дата обращения 2.11.16).
58. Musset A. Op. cit.
59. Musset A. Op. cit.
60. Musset A. Op. cit.

Когнитивная метафора как механизм формирования анималистической глагольной лексики в современном английском языке

Данная статья посвящена описанию основных механизмов изменения прототипического значения анималистического глагола английского языка при его функционировании в качестве предиката в различных контекстуальных ситуациях, так как в современном английском языке существует значительное количество глаголов анималистической лексики, когнитивная природа которых не имеет своего описания. В работе рассматриваются типы когнитивной метафоры – структурная и онтологическая – и возникновение определенного типа метафоры в каждом анализируемом примере. Приводятся случаи употребления анималистических глаголов в различных сферах деятельности человека (экономическая, социальная, политическая) и демонстрируется национальная специфика анализируемых глаголов. Исследование может быть использовано в теоретических курсах по лексикологии, лингвистической семантике, когнитивной лингвистике и в лексикографической практике и переводческой деятельности.

This paper analyzes the main mechanisms of changing the prototypical meanings of the animalistic verb of the English language and the function of the verb as a predicate in various contextual situations. In modern English there are a lot of verbs of animalistic vocabulary, the cognitive nature of which does not have an appropriate description. The paper also illustrates how words in figurative meanings give rise to cognitive models. Attention is drawn to the types of cognitive metaphor – structural and ontological and their origin in different examples. Also, it is noted the instances of using animalistic verbs in various spheres of human activity and the national specificity of the analyzed verbs. The research can be used in theoretical courses of lexicology, linguistic semantics, and cognitive linguistics and in lexicographical practice and translation.

Ключевые слова: когнитивная метафора, анималистическая глагольная лексика, онтологическая метафора, структурная метафора, предикат.

Keywords: cognitive metaphor, animalistic lexis, animalistic verb, ontological metaphor, structural metaphor, predicate.

В современном английском языке существует значительное количество глаголов анималистической лексики, когнитивная природа которых не имеет своего описания, например глаголы *beef up*, *chicken out*, *alligator*, *cock*, *grow* и другие.

Механизмом образования данной группы глаголов является когнитивная метафора. Для выработки метаязыка описания данного механизма была использована теория когнитивной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и получившая свое теоретическое развитие в работах Н. Д. Арутюновой, Э. Маккормака, Р. Эрла, В. Абрахама и других исследователей.

Различают несколько типов когнитивной метафоры: ориентационные, онтологические и структурные. Ориентационные метафоры опираются на физический и культурный опыт человека и связаны с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа «верх – низ», «внутри – снаружи» и т. д., например *I'm feeling up* (Я в приподнятом настроении). Онтологические метафоры отражают человеческий опыт, связанный с физическими объектами и позволяют рассматривать нематериальные сущности (идеи, эмоции, события, действия) как материальные. Например, *to change horses midstream* (букв. «менять лошадей посреди потока») в экономической терминологии имеет значение – вносить изменения в бизнес, будучи вовлеченным в рыночную деятельность [1] или *to bull a stock to new highs* – повышать цену до новых максимумов. Структурная метафора основывается на осмыслении и переживании явлений одного рода в понятиях явлений другого рода. Эти понятия структурируют человеческое восприятие, мышление и действия [2]. Например, *He shot down all of my arguments* (Он разбил (буквально «расстрелял») все мои доводы).

Причиной возникновения когнитивной метафоры является переход семантической информации конкретного опыта из «сферы источника» в «сферу мишени» для обозначения нового концепта на основе определенных стандартных языковых процессов. С одной стороны, метафора предполагает наличие сходства между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понята, а с другой – несходства между ними, так как метафора призвана создать некий новый смысл [3]. В процессах «метафорической проекции», или «когнитивного отображе-

ния», некоторые области «сферы-мишени» структурируются по образу «сферы-источника». Область источника является более конкретным знанием, легче передается одним человеком другому, основана непосредственно на опыте взаимодействия человека с действительностью, в то время как область мишени – менее ясное, менее конкретное и менее определенное знание [4].

В метафоре отбираются признаки одного объекта и прилагаются к другому актуальному объекту метафоры. Когда человека называют лисой, ему приписывают признак хитрости, характерный для этого класса животных, и умение замечать за собой следы. Тем самым одновременно познается сущность человека, создается его образ и порождается новый смысл: слово «лиса» приобретает фигуральное значение «льстец, хитрый и обманщик». Наделенный таким свойством человек может получить прозвище Лиса, Лис, Лиса Патрикеевна (нар.-поэт.) или фамилию Лисицын. Характеристика той категории объектов, которая обозначена метафорой, национально специфична. Она может принадлежать фонду общих представлений о мире носителей языка, мифологии или культурной традиции [5]. Так, например, в русском языке «каркать» в метафорическом смысле означает «предсказать, навлечь что-то дурное, зловещее», а в английском языке *crow* (буквально «каркать») обозначает «издавать радостные звуки (о детях); ликовать».

В объяснительной модели появления нового метафорического значения большую роль играет вопрос о семантической природе элементов, вовлеченных в метафору. По мнению Н. Д. Арутюновой, в построении метафоры участвуют четыре компонента: два объекта (сущности) – основной и вспомогательный, и некоторые свойства каждого объекта. В разных типах метафоры эксплицированы разные элементы её внутренней структуры. Объекты метафоры можно интерпретировать либо как лежащие вне языка материальные сущности (референты), либо как отражение этих сущностей в человеческом сознании (представления, понятия). Другие два компонента (признаки предметов) можно интерпретировать либо как логические или психологические категории (представления, понятия), либо как лингвистические категории, то есть значения слов [6].

Неотъемлемой частью формирования когнитивной метафоры является область вторичных предикатов (прилагательные, глаголы, оценочные, качественные, функциональные существительные), характеризующих непредметные сущности, свойства которых выделяются по аналогии с доступными восприятию признаками физических и наблюдаемых предметов. Вторичные предикаты характеризуют явления человеческой психики, обслуживающие имена события, факты, действия, а также имена, относящиеся к миру идей, мыслей, суждений, концепций.

Необходимо обратить внимание на использование термина «предикат». Обычно слово «предикат» относится к вербальной лексике, когда глагол функционирует в структуре речевого высказывания – отсюда слово «предикат» используется в теории семантических типов предикатов. Однако, как было сказано выше, термин «предикат» используется в значении информации о субъекте высказывания, т. е. признаках, свойствах, общей характеристике субъекта, выраженной различными частями речи – глаголами, прилагательными, существительными [7].

Объектом нашего исследования является предикат, употребляемый в качестве глагола анималистической лексики английского языка. Основой для формирования данной группы глаголов являются существительные (например, *alligator* (существительное) – аллигатор → *alligator* (глагол) – покрываться трещинами, напоминающих кожу аллигатора; танцевать, имитируя движения аллигатора).

Существенным когнитивным механизмом образования анималистической лексики является явление конверсии (*crane* (существительное) «журавль» – *to crane* (глагол) «вытягивать шею, чтобы лучше разглядеть»). Модификация прототипического значения анималистического глагола происходит при его «включении» в новый контекст, или иную когнитивную конструкцию [8]. Например, 1) *The injured whooping crane was part of the last remaining wild flock, which numbers around 200 birds.* – Травмированный гикающий журавль был частью последней оставшейся стаи, насчитывающей 200 птиц. В этом примере слово *crane* является существительным, обозначающим вид птицы. 2) *He craned forward to see the procession.* – Он вытянулся/вытянул шею вперед, чтобы увидеть процессию. В данном примере слово *crane* выступает в качестве глагола и является иллюстрацией анималистической глагольной лексики.

Анималистическая глагольная лексика связана с зооморфным кодом культуры любого народа. Этот код является самым разнообразным и продуктивным [9].

Рассмотрим ряд примеров, в которых анималистическая глагольная лексика с метафорическим признаком несет национальную специфику:

1) *Years ago, I came across a Weatherby. 340 with a gorgeous claro walnut stock whose finish had alligatored. Because of its leprous appearance, the rifle was selling for a song. I bought it and had a gunsmith scrape off the original finish and redo it in oil. It was glorious. Then, for reasons that seemed compelling at the time but baffle me now, I sold it.* (David E. Petzal, *Used Gun Seeks Loving Home; How to get a great deal on a secondhand shooter*) [10].

Пример употребления *alligator* как глагола со значением «покрываться трещинами» зарегистрирован только в национальном корпусе американского варианта английского языка. Этот факт связывается с географическим положением страны и соответствующей фауной. В данном предложении значение глагола *alligator* можно рассматривать как структурную когнитивную метафору, «сферой источника» которой является «название предмета, который напоминает кожу аллигатора, как неровную, потрескавшуюся поверхность, напоминающую кожу прокаженного». При этом «сферой источника» является не само значение «целого животного», а его часть – кожа. Сферой функционирования значения глагола *alligator* является характеристика состояния объекта, в данном случае охотничьего снаряжения. Данная когнитивная метафора построена на схожести не самих объектов, а их качества, т. е. осмысление состояния охотничьего снаряжения происходит в понятии явления совершенного другого рода путем характеристики кожи аллигатора.

Глагол *alligator* (или *gator*.) также может выражать значение «исполнять танец, имитирующий движения аллигатора». Например: 1) *The party was usually held on Thursdays, with the expectation that everyone would stop at a reasonable level of intoxication so they could work the next day. «Didn't happen in the early days,» he says. «Friday was usually pretty much lost for a lot of folks». One year, the story goes, a senior partner stood on a chair, blew a whistle and gave a lesson to a number of lawyers, staff and certain clients in «gatoring,» a kind of dance in which participants fall to the floor and move about as if having seizures. One of the partners behind the after-party eventually switched firms and the other died of a heart attack, and, along with the times, the parties have become much more tame. But then, all's fair in fun at the office party, and brief forays across social boundaries are forgiven the next day. Not!» (Carter, Terry. THE SUBTLE ART OF THE PARTY.) 2) *My LL Bean sweater got covered in mud when I was gatoring last night* [11].*

В обоих случаях глагол *gator* используется как когнитивная метафора, «сферой источника» которой являются волнообразные движения аллигатора из стороны в сторону. Данная информация прилагается к области мишени, т. е. к танцевальному движению, похожему на движения животного. Эта метафора относится к онтологическому типу метафоры, поскольку нематериальная сущность танца интерпретируется через физические свойства животного, способ его движения.

Проведенный анализ анималистической лексики английского языка в словарях, энциклопедиях, национальных корпусах обнаруживает разнообразие сфер употребления анималистических глаголов, связанных с жизнедеятельностью человека: политических, социальных, профессиональных, экономических и т. д. Например, 1) *The Commission is also under pressure from the Swedes who blame nations like Britain and West Germany for the acidification of their lakes. The Swedes recently sought support from the Commission to beef up the 1979 Geneva convention on long-range trans-boundary pollution. At present the convention, which came into force this month, only provides for an exchange of information, consultation, research and monitoring. (New Scientist, 24.03.1983)* [12].

В данном примере инфинитив глагола *beef up* имеет значения «усиливать, подкреплять». Семантическая структура источника основывается на значении слова *beef* – мясной скот – и включает в себя сему «силы», связанную с характеристикой этого животного. При этом образуется глагол *beef up*, который является результатом конверсии существительного *beef* с добавлением послелога *up*, интенсифицирующего его переносное значение. «Сферой источника» является не прототипическое значение глагола, а значение самого существительного *beef*, соотносимого с животным (бык, корова). Тип метафоры – онтологическая. Образование когнитивной метафоры можно объяснить изменением употребления выражения в иной когнитивной конструкции, связанной с изменением типа пространства, в данном случае социального пространства, в частности в пространстве политических отношений.

2) *Reaching the stable door, he tugged it open and stepped into the dark interior. Illes of Kotan, the groom, was the first to look toward Rakoczy, and to duck his head in respect. «Comes», he said loudly enough to alert the three men-at-arms; they turned and offered a simple salute* [13].

Глагол *duck* имеет значение «наклонять голову как проявление уважения». Пространственная характеристика прототипического глагола *duck* – движение тела. В метафорическом значении это исходное значение в определенной степени сохраняется, но расширяется добавлением семы социального пространства или пространством физических действий в социальном этикете. Типом когнитивной метафоры является онтологическая метафора.

3) *For many of us it was a huge disappointment; a paradox, too, that a people who had proved themselves historically and geographically over and over again, who had shown a rare talent for managing the affairs of other people, should choose to chicken out when it came to managing their own. But the Scots have always had a deep-rooted sense of inferiority about the English: it was born out of the defeat of the '45 and the surrender of 1707 and, as Boswell and others had observed with chagrin and sometimes rage, the condescension and contempt of the English towards the Scots and their impossible tongue. (UK: South (south of Bristol Channel-Wash line), On my way to the club. Biography)* [14].

В этом примере семантика «сферы источника» представлена существительным *chicken* – цыпленок. Известными качествами этого существа являются робость, трусость, беззащитность. Типом когнитивной метафоры является структурная метафора, поскольку основывается на переживании явлений одного рода в понятиях явлений другого рода, пространственный предлог *out* усиливает отрицательное значение концепта. В этом случае осмысление ситуации «сферы мишени» (трусость, малодушие, комплекс неполноценности) происходит через семантику «сферы источника» – трусость, беззащитность, робость, свойственные цыпленку.

Таким образом, механизмом изменения значений анималистической глагольной лексики английского языка является конверсия по модели «существительное→глагол», а образование нетривиальных значений происходит за счет онтологической и структурной типов метафоры. Образование новых нетривиальных значений глаголов английской анималистической лексики является существенным источником пополнения словарного состава языка.

Примечания

1. Мангова О. Б. Онтологическая метафора как способ восприятия экономического рынка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2010. Выпуск 14. С. 136–143.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. Н. В. Перцова // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
3. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / пер. с англ. А. Д. Шмелева // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Указ. соч. С. 388.
5. Арутюнова Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: «Сов. энцикл.», 1990. С. 29.
6. Там же.
7. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. 370 с.
8. Лакофф Д., Джонсон М. Указ. соч. С. 388.
9. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разнотурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков): автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2009. 24 с.
10. Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 20.04.2017)
11. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 21.04.2017).
12. British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 21.04.2017).
13. Там же.
14. Там же.

Notes

1. Mangova O. B. *Ontologicheskaya metafora kak sposob vospriyatiya ehkonomicheskogo rynka* [Ontological metaphor as a way of perceiving economic market] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* – Herald of Moscow State Linguistic University. M. MSLU. 2010. Issue 14. Pp. 136-143.
2. Lakoff D., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors that we live in] translated from Eng. N. V. Pertsov // *Teoriya metafori: sb.* – Theory of metaphor: coll. M. Progress. 1990. Pp. 387-415.
3. MakKormak E. H. *Kognitivnaya teoriya metafori* [Cognitive metaphor theory] / transl. from English. A. D. Shmelev // *Teoriya metafori: sb.* – Theory of metaphor: coll. M. Progress. 1990. Pp. 358-386.
4. Lakoff D., Dzhonson, M. Op. cit. P. 388.
5. Arutyunova N. D. *Metafora* [Metaphor] // *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* – Linguistic encyclopedic dictionary / chief editor V. N. Yartseva. M. "Sov. Encycl.". 1990. P. 29.
6. Ibid.
7. Seliverstova O. N. *Semanticheskie tipy predikатов v anglijskom yazyke* [Semantic types of predicates in English] // *Semanticheskie tipy predikатов* – Semantic types of predicates. M. Nauka. 1982. 370 p.
8. Lakoff D., Dzhonson M. Op. cit. P. 388.
9. Guketlova F. N. *Zoomorfnyj kod kul'tury v yazykovoj kartine mira (na materiale raznostrukturyh yazykov: francuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov): avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk* [The zoomorphic code of culture in language picture of the world (on the material of languages of different structures: French, Kabardino-Circassian and Russian languages): abstract dis. ... Dr of philol. sciences]. Nalchik. 2009. 24 p.
10. Corpus of Contemporary American English. Available at: <http://corpus.byu.edu/coca/> (accessed: 20.04.2017)
11. Online Etymology Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com> (date accessed: 21.04.2017)
12. British National Corpus. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed: 21.04.2017)
13. Ibid.
14. Ibid.

Лексическо-грамматические особенности йоркширского диалекта

В данной статье рассматривается общее понятие диалекта, основанное на трудах известных ученых-лингвистов, определена важность роли изучения различных диалектов в переводческой деятельности, а также рассмотрен йоркширский диалект и его особенности с точки зрения лексикологии и грамматики. В ходе работы были подробно изучены характерные черты данного диалекта и выявлены те особенности, которые не соответствуют стандартному варианту британского английского языка. В статье предпринята попытка проанализировать данные особенности на основе примеров, выявленных в ходе длительного коммуникативного взаимодействия с носителем йоркширского диалекта, родившимся и проживающим на территории графства Йоркшир, Великобритания. Материал данной статьи основан на дипломной работе автора на тему «Йоркширский диалект», написанной в 2016 г.

This article presents the concept of a dialect, the importance of studying different dialects, Yorkshire dialect and its lexical and grammatical features. The main objective of this work is to study lexical and grammatical features of Yorkshire dialect and find the ones that differ from those of Standard British English. The examples of the work are taken from a long-term interaction with a native speaker who was born and has been living in Yorkshire, Great Britain. The material of this article is based on the author's graduation work that was written in 2016 and covers the study of Yorkshire dialect.

Ключевые слова: диалект, йоркширский диалект, лексическо-грамматические особенности йоркширского диалекта.

Keywords: dialect, yorkshire dialect, lexico-grammatical features of yorkshire dialect.

Известные ученые-лингвисты В. М. Жирмунский, Р. И. Аванесов, Г. А. Хабургаев и др., занимающиеся изучением науки диалектологии, помимо литературного языка выделяют существование других разновидностей языка, употребление которых ограничено социальной средой или определенной территорией. Первые называются социальными диалектами и имеют свои лексические особенности, но у них нет своей фонетической и грамматической системы, а вторые – территориальными диалектами или просто диалектами. Они, как и литературный язык, имеют свою фонетическую и грамматическую систему и могут служить для говорящих на этих диалектах единственным средством общения [1].

Социальный диалект – это диалект, присущий большой или малой социальной группе [2], в то время как территориальный диалект – это диалект, используемый частью народа, живущего на одной территории [3].

Диалекты служат разговорным языком преимущественно сельского населения. В отличие от литературного (нормативного) языка, диалекты имеют только устную форму, не имеют строгих обязательных норм и поддерживаются не справочными изданиями, а традициями. Для диалектов также характерна слабая стилистическая дифференциация [4].

С точки зрения лингвистического понимания *диалект* – это уникальный язык, который использует для общения отдельная группа лиц. Как правило, эти люди живут на одной территории и/или принадлежат одному социальному статусу и профессии [5].

Изучение различных диалектов и их особенностей является важной частью переводческой деятельности. Переводчик, изучающий тот или иной язык, должен иметь представление о диалектах, на которых говорят носители изучаемого языка. В первую очередь это необходимо для понимания разговорной речи, однако знание особенностей различных диалектов помогут переводчику и при переводе письменных текстов. Не стоит забывать и том, что диалекты неотъемлемо связаны с историческим прошлым народов, а значит, в какой-то степени, помогают не только лучше узнать человека, но и проникнуть в самое сердце языка. А поскольку язык является живым организмом, и так же, как и диалекты, подвержен изменениям, крайне важно обладать знаниями об особенностях различных диалектов. В данной статье будет рассмотрен йоркширский диалект, а именно – лексические и грамматические особенности этого диалекта.

Любой диалект можно рассматривать с различных точек зрения: с точки зрения грамматики, лексики или, например, фонетики. И хотя каждый из этих аспектов является уникальным и достоин внимания, в данной статье йоркширский диалект будет рассмотрен с точки зрения лек-

сическо-грамматических особенностей. Следует отметить, что все приведенные примеры в данной статье основаны на коммуникативном взаимодействии с носителем данного диалекта, двадцатичетырехлетним Джоэлем Уитфордом (англ. Joel Whitford), родившимся в Уэйкфилде, Западный Йоркшир, Великобритания. А также на основе дипломной работы на тему «Йоркширский диалект», выполненной автором в 2016 г.

Йоркширский диалект является одним из самых узнаваемых и популярных диалектов на территории Соединенного Королевства. Не удивительно, ведь сам Йоркшир является старинным, богатым на историю и традиции, графством, расположенным в северной части Великобритании.

Одной из главных грамматических особенностей йоркширского диалекта является использование глагола *to be* в форме *were* как для единственного, так и для множественного числа. И если использование формы *were* с местоимением *I* не является ошибкой, поскольку правила английской грамматики позволяют использовать как *was*, так и *were*, то в случае с местоимениями третьего лица единственного числа (*he, she, it*) замена *was* на *were* является грамматической ошибкой. Приведем несколько примеров, которые можно услышать в разговорной речи носителей йоркширского диалекта:

It were dangerous (Это было опасно).

He were tall (Он был высокий).

Следующая особенность Йоркширского диалекта заключается в использовании глаголов третьего лица единственного числа в настоящем времени с местоимением первого лица единственного числа *I*. Например, вместо *I go* (я хожу) или *I say* (я говорю) в Йоркшире можно услышать *I goes* и *I says*.

Другая замеченная в диалекте особенность заключается в использовании существительных единственного числа в тех случаях, когда подразумевалось использование существительных множественного числа. Например:

I were two year old (Мне было два года).

Twenty-four year (Двадцать четыре года).

По правилам грамматики слово *year* в данных предложениях должно быть использовано во множественном числе, то есть с окончанием *-s, years*.

Еще одной интересной грамматической особенностью йоркширского диалекта является замена местоимения *those* на местоимение *them*. В повседневной разговорной речи замена *those* на *them* происходит довольно часто. Однако при формальной беседе этой замены не происходит.

Многочисленное отрицание также является одной из грамматических особенностей йоркширского диалекта. Ниже можно увидеть два примера подобного отрицания:

I don't know naught about that (Я ничего об этом не знаю).

We didn't get no money (У нас не было денег).

По правилам грамматики, данные примеры должны звучать как: *I know nothing about that* и *we didn't get money* или *we didn't get any money*.

Далее в статье будут рассмотрены лексические особенности йоркширского диалекта. Одной из самых ярких и бросающихся в глаза лексических особенностей является замена местоимения *my* на *me*. Например, вместо *that's my dad* (этой мой папа) или *that's my mum* (это моя мама) мы услышим *that's me dad, that's me mum*. Отметим, что замена происходит не из-за специфической особенности произношения слова *my*. В данном случае происходит замена лексической единицы *my* на местоимение *me*.

В йоркширском диалекте суффикс *-self* заменяют идентичным по значению *-sen*, поэтому зачастую в разговорной речи вместо *myself* можно услышать *mysen*. А точнее *mesen*, поскольку *my*, как упоминалось ранее, заменяется на *me*.

В некоторых случаях слово *somewhat* используется в значении *something*. Например: *He were 24, somewhat like that* (Ему было 24 или около того).

Привычное слово *girl* (девочка, девушка) заменяется йоркширским словом *lass* [las]. Нужно отметить, что носители йоркширского диалекта не отдают особого предпочтения тому или другому слову, в разговорной и повседневной речи можно услышать как слово *lass*, так и слово *girl*.

В англоязычных странах существует несколько слов, характеризующих приемы пищи. Все мы знаем такие слова, как *breakfast* (завтрак), *lunch* (обед) и *dinner* (ужин). В зависимости от местности слово *обед* иногда заменяется на *dinner*, а *ужин* на *supper*.

В Йоркшире же классификация приемов пищи немного отличается от стандартной: слово *breakfast* (завтрак) остается неизменным; для обеда используют либо слово *dinner*, либо *lunch* (данные слова являются взаимозаменяемыми); говоря об ужине, в Йоркшире не скажут *dinner* или *supper*, там будут использовать слово *tea*. Следует отметить, что под словом *tea* подразумевается полноценный ужин, а не простое чаепитие. В то же время традиционное словосочетание *Christmas din-*

ner, в переводе на русский язык означающее *рождественский праздничный ужин*, не изменяется на *Christmas tea*, а остается неизменным. Фраза *to make tea* может иметь два значения: первое – *готовить ужин* и второе – *заваривать/делать чай*. Во избежание путаницы во втором случае лучше сказать: *я завариваю чашку чаю – I'm making a cup of tea*. В этом случае будет понятно, что вы не готовите ужин, а делаете чай. То же самое касается и приема пищи как такового. Вместо *I'm having tea* (я ужинаю), можно сказать *I'm having a cup of tea* или *I'm drinking tea* (я пью чай).

В йоркширском диалекте существует множество слов, которые не встречаются в других диалектах и, соответственно, непонятны за пределами местности, в которой данные слова используются в повседневной разговорной речи. Далее будут приведены несколько лексических примеров, характерных для Йоркширского диалекта:

1. *Bonny* [bɒni] – это слово используется в значении *pretty* (милый/симпатичный). Истинный йоркширец, увидев симпатичную девушку, может сказать своему другу: «*Look, there's a bonny lass*». В переводе на нормативный английский язык фраза означает: «*Look, there's a pretty girl*» (Смотри, какая там симпатичная девушка).

2. Фраза *any road* используется в значении *anyway* (в любом случае/ как бы то ни было/по крайней мере). Зачастую она стоит в конце предложения. Например: *I think so, any road = I think so, anyway* (По крайней мере, я так думаю).

3. Слово *laiking* [lækin] означает *playing* (играть). В контексте данное слово может переводиться по-другому. Например, фраза «*are you laiking?*» означает «*are you coming out?*». Дети могут использовать эту фразу, когда заходят за друзьями домой и спрашивают, выйдут ли они погулять.

4. Слово *tha* или *thar* [ða:] пришло из древнеанглийского языка и используется в значении *your*. Слово используется не так часто, однако иногда можно услышать такой вопрос:

How's thar do? В переводе на недиалектный английский язык фраза означает: *How did you do?* (Как жизнь?)

5. Слово *you* (ты) заменяется на древнеанглийское *thee* [ði:]. Данная замена происходит чаще, чем со словом *thar*. В Йоркшире нередко можно услышать такие фразы, как:

«*How's thee?*», означающее «*How are you?*» (Как поживаешь?).

How about thee? = How about you? (А ты?)

6. Слово *thissen* [ði:sən] используется в значении *yourself* (себя). Например, фраза *shape thissen* означает *pull yourself together* (возьми себя в руки).

7. Слово *gawping* [go:pin] значит *looking* (смотреть).

What are you gawping at? = What are you looking at? (На что уставился?/ На что смотришь?)

8. Слово *eyup* [eɪʊp] очень часто употребляется в разговорной речи. Его используют в качестве приветствия и его можно сравнить со словом *hey*, которое также используется в качестве приветствия и переводится как *привет*. Например, *Eyup, how's thar do? = Hey, how did you do?* (Привет, как жизнь?)

9. Слово *something* в йоркширском диалекте будет звучать как *summat* [sɒmæt] и имеет такое же значение при переводе на русский язык (*что-либо*).

Summat like that = something like that (что-то подобное)

10. Слово *lug-ole* [lʊgɔl] означает *ear* (ухо).

11. *Ginnel* [ɡɪnəl] используется в значении *alley* (аллея).

12. *Bray* [breɪ] означает *beat up* (побить/отметелить).

13. Слово *gob* [ɡɒb] используется в значении *mouth* (рот). Например, *Shut your gob = Shut your mouth!* (Помолчи!).

14. Вместо слова *yes* в йоркширском диалекте часто используют слово *aye*, которое звучит как [aɪ] и переводится как *да* или *ага*.

15. Слово *afore* [ə'fo:] используется в значении слова *before* (до/перед). Например, *afore me birthday = before my birthday* (Перед моим днем рождения).

16. Вместо слова *cry* (плакать) используют слово *roar* [ro:]. Например: *The baby is roaring. = The baby is crying* (Ребенок плачет).

17. Следующий пример содержит несколько уже описанных выше слов, таких как *lass*, *bonny*. Рассмотрим фразу: «*Yan o' them lasses is reet bonny*». Обратим внимание на слово *reet* [ri:t], которое используется в значении *very* (очень). Вся фраза в «переводе» на недиалектный английский язык означает: *One of those girls is very pretty* (Одна из тех девушек очень красивая).

18. Предложение *Ah'm bahn ter side them pots* означает *I'm going to clear away the dishes* (Я собираюсь убрать посуду со стола). Слово *pots* используется в значении *dishes* (посуда). Произносить эту фразу следует следующим образом [am ban te said ðem pots]

В йоркширском диалекте, помимо стандартных выражений, существует множество различных способов ответа на вопрос «Как дела?». Сам вопрос в диалекте будет звучать как «*Nah then?*» [na ðen]. А ответить на него можно следующими способами:

- 1) *Grand* [grand] или иными словами *really well* (очень хорошо/замечательно).
- 2) *Nicely* = *quite well* (довольно хорошо).
- 3) *Taken badly* = *ill* (болею/ нездоровится).

Подобные диалектические обороты можно услышать в неформальной обстановке или беседе. При формальной коммуникации жители Йоркшира придерживаются стандартных правил, существующих в британском английском языке.

В ходе статьи было рассмотрено понятие диалекта, отмечена роль изучения различных диалектов в переводческой деятельности, а также подробно рассмотрены и проанализированы характерные лексико-грамматические черты йоркширского диалекта. При анализе данных особенностей было выявлено, что они в значительной степени отличаются от правил и норм стандартного английского языка. А это, в свою очередь, подтверждает уникальность йоркширского диалекта. Изучение лексических особенностей, которые, как видно в статье, преобладают над грамматическими, показало прочную связь диалекта с древнеанглийским языком, сохранившуюся и по сей день. Изучение диалекта – это сложный и кропотливый процесс, требующий не только превосходного знания языка, но и понимания культуры и исторического прошлого людей, говорящих на этом диалекте.

Примечания

1. Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Гецова О. Г. и др. Русская диалектология: учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. завед. / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Изд. центр «Академия», 2005. С. 5.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., перераб. и доп. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. С. 406.
3. Там же. С. 355.
4. Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Гецова О. Г. и др. Указ. соч. С. 6.
5. Чернышова К. М. Научные дискуссии о ценностях современного общества. 2015. Вып. 8. С. 4.

Notes

1. Bromley S. V, Bulatova L. N., Getsova O. G. and others. *Russkaya dialektologiya: Uchebnik dlya studentov filologicheskikh fakultetov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Russian dialectology: Textbook for students of philological faculties of higher education institutions] / ed. by L. L. Kasatkina. M. Publishing centre «Akademiya». 2005. P. 5.
2. Zhrebilo T. V. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms] / 5th ed., rev. and comp. Nazran. ed. Pilgrim. 2010. P. 406.
3. Ibid. P. 355.
4. Bromley S. V, Bulatova L. N., Getsova O. G. and others. Op. cit. P. 6.
5. Chernyishova K. M. *Nauchnyie diskussii o tsennostyakh sovremennogo obschestva* [Scientific discussions on values of modern society]. Issue 8, 2015. P. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАКУМОВА Екатерина Александровна – аспирант кафедры истории России, Курский государственный университет. 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

E-mail: abakumova64@yandex.ru

БАЙКОВА Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

ГАЗИЗОВ Раиль Робертович – кандидат технических наук, доцент кафедры криминалистики, Башкирский государственный университет. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

E-mail: rael888@mail.ru

ГУСАРОВА Марина Александровна – кандидат социологических наук, доцент ВАК, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия. 350000, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187/1.

E-mail: gusarovathebest@mail.ru

ДИЯРОВА Ляйсан Анисовна – аспирант кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. 450097, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а.

E-mail: mk-perevod@mail.ru

ЕРЫШЕВА Мария Евгеньевна – ассистент кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а.

E-mail: kiwi77mail@mail.ru

ЗАЯКИНА Раиса Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного и международного права, Новосибирский государственный технический университет. 630073, г. Новосибирск, просп. К. Маркса, 20.

E-mail: raisa_varygina@mail.ru

ИГНАТОВ Иван Александрович – доцент кафедры управления информационно-документационными и социально-политическими процессами, Коми республиканская академия государственной службы и управления. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 11.

E-mail: ignatov@krag.net

КОМОВСКАЯ Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет. 196601, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 2.

E-mail: Komovskaya86@mail.ru

КОРСУНСКИЙ Андрей Георгиевич – аспирант кафедры социальной философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. 298635, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2а.

E-mail: 8equinox4@gmail.com

КРОТОВА Дарья Владимировна – преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1.

E-mail: da-kro@yandex.ru

ЛИГОСТАЕВА Наталья Дмитриевна – аспирант кафедры философии, Самарская областная гуманитарная академия (Наяновой). 443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 196.

E-mail: ligostaeva2013@mail.ru

МАКШАЕВА Евгения Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, 68.

E-mail: agata8613@rambler.ru

МАЛЬЧЕНКОВ Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, 68.

E-mail: stamal@yandex.ru

ПАТРИКЕЕВА Надежда Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кировского государственного медицинского университета, аспирант кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: derevnia76@mail.ru

РУФОВА Елена Степановна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой восточных языков и страноведения, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова. 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

E-mail: rufl2003@yandex.ru

ФЕДОРОВА Диана Владимировна – преподаватель английского языка, бакалавр специальности лингвист-переводчик, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: Diana199494@mail.ru

ЧЕРНЫШЕВА Инна Ивановна – аспирант, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

E-mail: inna_milena@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ABAKUMOVA Ekaterina Aleksandrovna – postgraduate student of the Department of Russian history, Kursk State University. 33 Radishchev str., 305000, Kursk.
E-mail: abakumova64@yandex.ru

BAYKOVA Olga Vladimirovna – doctor of philological sciences, professor of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: olga-baykova@yandex.ru

GUSAROVA Marina Aleksandrovna – candidate of sociological sciences, associate professor of Higher Attestation Commission, associate professor of General theoretical legal disciplines, North Caucasus branch of Russian State University of justice. 187/1 Levanevskiy str., 350000, Krasnodar.
E-mail: gusarovathebest@mail.ru

GAZIZOV Rail Robertovich – candidate of technical sciences, associate professor of the Department of criminal studies, Bashkir State University. 32 Zaki Validi str., 450076, Ufa.
E-mail: rael888@mail.ru

DIAROVA Iyaysan Anisovna – postgraduate student of the Department of intercultural communication and translation, Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla. 3A October revolution str., 450097, Ufa.
E-mail: mk-perevod@mail.ru

ERYSHEVA Maria Evgenyevna – assistant of the Department of Russian philology, foreign literature and intercultural communication, Nizhny Novgorod Linguistic University n. a. N. A. Dobrolyubov. 31A Minin str., 603155, Nizhny Novgorod.
E-mail: kiwi77mail@mail.ru

ZAYAKINA Raisa Alexandrovna – candidate of philosophical sciences, associate professor, Department of constitutional and international law, Novosibirsk State Technical University. 20 Karl Marx Avenue. 630073, Novosibirsk.
E-mail: raisa_varygina@mail.ru

IGNATOV Ivan Aleksandrovich – associate professor of management information documentation and socio-political processes, Komi Republican Academy of State Service and management. 11 Kommunisticheskaya str., 167982, Syktyvkar.
E-mail: ignatov@krag.net

KOMOVSKAYA Elena Vital'evna – candidate of philological sciences, Department of foreign languages and culture, St.-Petersburg State Agrarian University. 2 Peterburgskoe shosse, 196601, Pushkin.
E-mail: Komovskaya86@mail.ru

KORSUNSKIY Andrey Georgievich – postgraduate student of the Department of social philosophy, Humanities and Pedagogical Academy (branch) of the Crimean Federal University n. a. V. I. Vernadsky. 2a Sevastopol'skaya str., 298635, Yalta.
E-mail: 8equinox4@gmail.com

KROTOVA Daria Vladimirovna – lecturer of the Department of history of modern Russian literature and modern literary process, Moscow State University named after M. V. Lomonosov. 1 Leninskie Gory, 119991, Moscow.
E-mail: da-kro@yandex.ru

LIGOSTAEVA Natalya Dmitrievna – postgraduate student of Department of philosophy, Samara Regional Academy of the Humanities (Nayanova). 196 Molodogvardeyskaya str., 443001, Samara.
E-mail: ligostaeva2013@mail.ru

MAKSHAEVA Evgeniya Nikolaevna – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of General history, political science and area studies, Mordovian State University n. a. N. P. Ogarev. 68 Bolshevistskaya str., 430005, Saransk.
E-mail: agata8613@rambler.ru

MALCHENKOV Stanislav Aleksandrovich – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of General history, political science and area studies, Mordovian State University n. a. N. P. Ogarev. 68 Bolshevistskaya str., 430005, Saransk.
E-mail: stamal@yandex.ru

PATRIKEEVA Nadezhda Sergeevna – senior lecturer of foreign languages Department of the Kirov State Medical University, postgraduate student of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: derevnia76@mail.ru

RUFOVA Elena Stepanovna – candidate of philological sciences, head of the Department of East Asian languages and area studies, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. 58 Belinskiy str., 677000, Yakutsk.
E-mail: rufl2003@yandex.ru

FEDOROVA Diana Vladimirovna – teacher of English, bachelor, speciality linguist-translator, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: Diana199494@mail.ru

CHERNYSHOVA Inna Ivanovna – postgraduate student, Institute of history and archaeology, Ural branch of the Russian Academy of sciences. 16 S. Kovalevskaya str., 620990, Yekaterinburg.
E-mail: inna_milena@mail.ru

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 6 (2017)

16+

Подписано в печать 30.06.2017 г.
Дата выхода в свет 20.07.2017 г.
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 200. Заказ № 4655.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36